

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

**история России
в стихах современных поэтов**

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

история России
в стихах современных поэтов

Псков - 2020

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Игорь Смолькин
Андрей Бениаминов
Вита Пшеничная
Светлана Размыслович
Ольга Флярковская
Ирина Романюк

«Память поколений»: стихи, публицистика – Псков, 2020. – 272 с.

Избранные произведения участников литературно-исторического проекта «Чтобы помнили», реализованного в 2020 году Псковским региональным отделением Союза писателей России.

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Книга издана с использованием средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 978-5-6044728-8-0

© Авторы произведений

© Псковское региональное отделение Союза писателей России

ВАМ — ПОСЛЕДНЕЙ НЕЖНОСТИ ВОЙНЫ!

Мы — последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники. Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.

Владимир Костров

Понятна тревога Владимира Андреевича Кострова, волнение других представителей военного и послевоенного поколений: как сохранить полнозвучие нашей Великой Победы, не умалить значение подвига народов нашей страны? Чтобы все это оставалось не только их гордостью, честью и славой, но и всех последующих поколений не уходящим эхом, звучали слова поэта Кострова, но гимном эпохе, побуждающим к новым подвигам, новым победам и свершениям:

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.

Но в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведём.
Мы — последние века. Мы — братья
По ладони, пробитой гвоздём.

Если мы — дети, внуки, правнуки — не подхватим эту поэтическую строку, не провозгласим в полный голос, не возвысим её, не уйдёт ли в небытие наша великая история, не поблекнет ли сияние викторий русского воинства, неописуемой жертвенности нашего народа, гром наших побед? Нет, не напрасна тревога Владимира Кострова, восклицающего:

Время быстро идёт по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минутку,
А прощаемся вот навсегда.

Итак, как же сохранить полнозвучие нашей Великой Победы? Не молчать! И мы, дорогой Владимир Андреевич, не молчим! Мы пишем новые стихи и песни, слагаем новые гимны, бьём в новые тревожные и победные барабаны, **МЫ НЕ МОЛЧИМ!**

Да и как молчать подле крепостных стен древнего Изборска, который видел дружинников Трувора, ратников Александра Невского, воинов славного князя Довмонта-Тимофея. По этим камням ступали ноги русских героев, возвращающиеся с Поля Куликова, с Бородинского поля, а потом и с Прохорова.

И здесь, на Словенском поле смешалась пыль всех русских бранных полей. Здесь пыль Сталинграда, освобожденной Праги, пыль поверженного Берлина, колючая пыль Аргунского ущелья. А над головою — небо всех великих русских побед. Посмотрите в это небо, прислушайтесь. Слышите песнь? Это поют герои! Они поют о верности и чести! О русском достоинстве и благородстве! О подвиге и славе! Это и есть подлинный голос истории, его не исказить, не перевернуть...

И как же замечательно, что на благословенной Псковской земле, здесь, в Старом Изборске — месте, завораживающем своей благодатной силой, красотой, своей историей, которая растворена тут в пении каждой птахи, в журчании Словенских ключей, в стуке каждого камня, в шорохе всякого листочка, — собираются современные поэты России (и не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья), чтобы вершить своё поэтическое служение, убедительно свидетельствовать, что русское художественное слово не исчерпано и не избыто, не заброшено и не забыто, но по-прежнему значимо и велико, возвышенно и красиво! И чего бы оно не касалось, о чём бы не говорило — будь то подвиг героев шестой роты, Великой Победы над фашистскими захватчиками, непередаваемого величия родной истории, горней чистоты и высоты русской святости — оно всегда убедительно, правдиво, талантливо и полнозвучно.

Так что не волнуйтесь, дорогой Владимир Андреевич, мы не молчим! И если вы «последние этого века», то мы — «новые» будущего века! Что? Что вы говорите?

Так обнимемся. Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники. Мы из-под ёлок,
Мы — последняя нежность войны.

Обнимемся, дорогой Поэт! И пусть настоящая книга станет свидетельством радости творчества и сотворчества, торжеством исторической и художественной преемственности, праздником русской поэзии, родной культуры! Великой истории нашего Отечества!

Игорь Изборцев

*Крылатая пехота не вышла из огня,
Прости, шестая рота, Россию и меня...
Виктор Верстаков*

**двадцатилетию подвига десантников шестой парашютно-десантной
роты сто четвёртого гвардейского парашютно-десантного полка
семьдесят шестой гвардейской воздушно-десантной дивизии**

ВЫСОТА

*Посвящается
пермским десантникам*

Мёртвый русский восходит на холм.
Он не сломлен, но он уже хром,
Как железный Тимур-азиат.
У него на плече автомат.

Пистолет и кинжал на бедре,
Две гранаты и злоба в ребре.
Нет страны — только голая лесть.
Где ж ты, Родина? — спросит...
Я здесь!

Ниоткуда услышит ответ,
Ниоткуда затеплится свет.
Раз ты здесь — значит, я ещё жив! —
Говорит, головы не сложив.

Портупеля на рёбрах скрипит,
Чужедальняя пуля летит,
Шип змеиный на гору ползёт,
Червь сомнения сердце грызёт.

Наезжает на запад восток,
Отлетает от ветки листок,
И несётся куда-то, Бог весть...
Мимо слов: «Моя Родина здесь!»

ЦИНКОВЫЕ ЖУРАВЛИ

Памяти 6-й роты

Небо на Кавказе — густо-синее...
Отгремели грозами бои,
Синеву привычно ранят крыльями
Цинковые птицы-журавли.

Им — в последний раз лететь по солнышку
Да тянуть серебряную нить,
Прежде, чем в оструганных суденышках
Навсегда — улечься под гранит.

Все равно. Командовали ротами?
Только ль притирались к сапогам?
Равноправно-серые «двухсотые»
Развезёт «тюльпан» по адресам.

А на дискотеках — их ровесники
(Искренне считаются — ДЕТЬМИ)
Обсуждают девочек и песенки —
Хорошо живётся молодым...

...На перроне станции «бессмертие»
Каптенармус-ангел примет цинк,
Выдаст крылья — белыми конвертами,
И к «парадке» — золоченый нимб.

Вечно молодые. Вечно — сильные.
Им бы жить — на взлёте полегли...
На прощанье — нам качают крыльями
Цинковые птицы-журавли.

МОНОЛОГ ПОГИБШЕГО СОЛДАТА

Я вернулся с войны в отчий дом как погибший за Родину.
Прощаться с семьёй девять дней после смерти дано.
И калитку открыл. И колодец прошёл и смородину,
И продрогшими пальцами стукнул в родное окно.

Застонала изба. Пёс завыл за дощатым курятником.
В тот же миг зеркала повернулись к холодной стене.
И седой капитан, не стесняясь, начальство крыл матерно.
Бедолага не знал, как сказать старикам обо мне.

А потом я ушёл поклониться Престолу Господнему.
И сказал мне Христос:
— Выправь плечи. Ты — русский солдат!
Не пристало бранить пацанов, жизнь отдавших за Родину.
Убиенным в бою полагается белый наряд.

И открылись врата — и побрёл я дорогой неведомой.
Позади горизонт — на земле он всегда впереди.
И увидел свой взвод возле самого светлого терема.
И услышал: — Привет!
Ну чего рот открыл?.. Заходи.

Я рванул...
Побежал...
К лучшим людям из лучшего прошлого.
Сколько выпито слёз — и совсем не по нашей вине.
И рассвет полыхнул. И захлопали звёзды в ладоши нам —
Взвод восполнил ряды. Только Мишка Стрельцов на войне.

Жизнь не выдала нам ничего, кроме рода и племени.
А судьба расшибала ещё не окрепшие лбы.
Мы учились стрелять — на любовь просто не было времени.
И несли тяжкий крест — класть друзей в именные гробы.

И погибшие мы,
но не павшие духом и совестью,
Собрались в тишине навсегда и на веки веков!
Я вернулся с войны рассказать взводу свежие новости
И приказ получил — доложить, как там Мишка Стрельцов.

Я вздохнул и сказал:

— Два раненья Стрельца не исправили:
Он такой же чудака — всё считает себя молодым.
Разреши, командир, нам с ребятами выпить за здоровье,
Чтоб последний из нас на земле был подольше живым!

Виктор Верстаков
г. Москва

* * *

Зачем же ты, глупая, плачешь во сне
и видишь нерусские лица?
Пока я воюю в далёкой Чечне,
с тобой ничего не случится.

Беда не придет в наш родной городок,
я это тебе обещаю.
За слёзы твои, за измятый платок
я здесь никого не прощаю.

А после войны я друзей созову,
и свадьбу с тобою сыграю,
и целую жизнь на земле проживу.
За это я здесь умираю.

ШЕСТАЯ РОТА

На снимках красивые юные лица
Погибших в бою за Россию солдат.
Имён их не помнит родная столица,
Лишь в Китеже-граде о павших скорбят.
Ту скорбь просветляет извечная радость,
Ведь подвиг свершился за други, за нас,
И сила уменьшилась алчного ада.
Златой духа русского вырос запас!

* * *

Не всякий путь тернистый и кровавый,
не всякий путь — несение креста.
Путь Истины, дорога Вечной Славы
проторены страданием Христа,
Его Сыновней жертвенной любовью
сквозь смерть, что Он поправ и покорил.
Полями и холмами Подмосковья
Спаситель наш при жизни не ходил,
но словно бы за Ним, в оскал заката,
туда, где бьёт фашистский пулемёт,
швырнув свою последнюю гранату,
солдат-мальчишка, зубы сжав, ползёт.
За своего отца он, за Россию,
за други вражий ДОТ собой накрыл...
Случайна ль в парне жертвенная сила?
От рода ли в себе её хранил
тот эстафетный ген — от века к веку
причастный тайным свойствам Божества,
дарующим спасенье человеку,
чьё бrenно тело, но душа жива
и вечно с Господом своим живёт.
Солдат, огнём распятый, лёг на ДОТ.

ПОСЛЕ

/

полночь ввязалась в бой:
громче да глуше,
бреет солдатский бог
наголо души...
перепроверь, комбат,
рыжий чертяка,
веру в окопах, сегодня на ад
будет атака...
выжившие сыны
станут, цедя минуты,
ключьями тишины
сны затыкать под утро

//

вьётся над чёрной башней
белый от жара воздух...
вот я и стал вчерашним,
травам по капле роздан,
пахнут горелым житом
спаса пустые дали,
вот я и стал убитой
мыслью о генерале,
чтоб не мечтать ревниво
стать рядовым обратно...
Боже, какое чтиво —
трупные эти пятна
на васильковом поле
после ночного боя...
в сердце былинка колет
и не даёт покоя.

* * *

Как безмолвна тишь, как даль чиста,
И, застывший на минорной ноте,
Льётся дождь с небесного холста —
В память о шестой десантной роте.

Первый шаг и первая мечта,
Детство, Юность, расставанья-встречи...
День за днём, как за верстой верста —
Жизни лист пунктирами помечен.

Если б знать заранее, что там,
За судьбы незримым поворотом?
Если б знать, чем станет высота
Для шестой десантной псковской роты!

Оживает боль и меркнет свет,
Если об Аргуне речь заходит,
Говорите, Время — лечит? Нет!
Время — джокер в меченой колоде.

Ангелы, раскрашивая сны,
Не смогли сберечь их от распятья —
И легли к подножию Весны
Сыновья, мужья, отцы и братья...

Двадцать лет минуло, вёсен, зим,
Тот же век, и честь пока в почёте,
Только неизбывна на Руси
Память о шестой десантной роте.

Как безмолвна тишь, как даль чиста...
Душ, как облаков, легки полёты
Над Аргуном. Там, где высота
Стала кровом для десантной роты.

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ

Снега сухой порошок
Ветром швыряет со склонов,
Остался последний рожок,
Последние тридцать патронов.

Из гари и пороха взвесь
Дрожит в полукружьи прицела,
Граната последняя есть,
Лишь бы сработать успела.

Последний бросок для ребят,
Ветер бьёт в лица сурово.
«Вызываем огонь на себя!», —
Прозвучало последнее слово.

Уходит последняя ложь,
Последний круг ада из Данта.
Тельняшка, душа и штык-нож —
Последняя правда десанта.

Затихли в грязи и в пыли
Солдаты из камня и стали.
Последние — не полегли,
Последние первыми стали.
Плакать — повремени.
Солнце — по горному гребню.
Снег тает даже в тени,
Россия мужает и крепнет.

Первым — остаться в бою,
Быть первыми — честь и работа,
Рота шестая, но в общем строю —
Правофланговая рота.

РЕШИМОСТЬ

к 20-летию подвига шестой роты

*Кто не продал Россию
ради денег и славы,
знает: трудно быть сильным,
знает: просто быть слабым...
Николай Панченко*

Когда приказ: сейчас и напрямик,
Когда один закон: за око — око,
Пути врагов сшибаются жестоко,
И дорог каждый шаг и каждый миг, —
Защитники на линии огня
Сомкнутся в цепь отчаянья и гнева.
Кисть правая зажата в чьей-то левой.
И левую жжёт чья-то пятерня.
Удар по центру принимаешь ты.
Ты линией судьбы воспринимаешь
Дрожь этих рук, которые сжимаешь.
А за спиной уже горят мосты.
А впереди несётся злая весть.
Вот истины момент, как озаренье —
Согласие на смерть. Но не смирение, —
Решимость оставаться там, где есть.

ПРОЩАНИЕ

Посвящается шестой десантной роте

Был март заплаканный и хмурый.
Звонил печально Божий храм.
И люди тихо и понуро
Стояли молча тут и там.

А мимо ехали машины.
На них кресты, гробы, венки,
На них сыны твои, Россия,
Твои погибшие сыны!

А горе общее, как морок
Накрыло площадь и людей.
Прощался Псков, притихший город,
С десантной ротой своей.

В углу старик, распахнут ворот,
Крестился грузный и седой,
Перед колонной этой скорбной
Склонялся низко головой!

Ребёнок плакал безутешно!
Но мы запомним вас других:
Не скорбной вестью, а безгрешных,
Навеки юных и родных!

Запомним вас, своих героев,
Что в час недобрый, непростой
За други встал, за нас с тобою,
За землю, что дана судьбой!

ШЕСТАЯ

*И когда Он снял шестую печать... произошло
великое землетрясение, и солнце стало
мрачно как власяница, и луна сделалась как
кровь. И звезды небесные пали на землю...
И небо скрылось, свившись как свиток...
И увидел я Ангела, сходящего с неба, который
имел ключ от бездны...
(Отк. 6:12–14; 21:1)*

«Не думаю, что вправе писать об этой роте», —
по списку павших взором растерянным скользя,
вы скажете без фальши и всё-таки соврёте,
ведь совесть выше права, и промолчать нельзя...

Я службу вспоминаю вблизи границы южной:
выдубливали душу, как должно, добела
и солнце знойным летом, и лёд зимою व्यужной;
вот только «точка» наша «горячей» не была.

Бессонными ночами в КП за монитором
и в душных кунгах старых, капризных РЛС,
ведя борта по зыбким воздушным коридорам,
платили мы здоровьем за чистоту небес.

Здоровьем, да не жизнью!.. как парни под Дамаском,
в афганских вилаятах, в Анголе и Чечне,
как их дядья и деды — на острове Даманском,
как прадеды — на самой убийственной войне.

И что же, мы не вправе лишь потому, что живы,
сказать о доле павших, о кровной жертве их?
А тем, в устах которых слова присяги лживы,
должны простить послушно предательство своих?

Мы все имеем право писать о том, что было,
судить о том, что стало с великою страной,
чья память родовая, как братская могила,
полным-полна убитых то мором, то войной.

И собственную долей в судьбу Земли вращая,
я верю: в адском пекле планета не сгорит.
Пока периметр держит бессмертная шестая,
цела печать шестая и ключ от бездны — скрыт.

Ирина Яненсон
г. Псков

ПСКОВ СКОРБИТ

Памяти шестой роты

Весна пришла, но Псков скорбит,
Как будто слышится в капели:
«Простите, что не доглядели...»
И строй десантский, как гранит,
Застыл. Прибывшие толпой,
Большие гости из столицы
Затмить не могут боль собой
И тень на хмурых, строгих лицах
Десантников... Представь на миг,
Что не было тогда бы боя,
Не получили бы героев
Они... никто бы не погиб.
Сегодня б Псков встречал весну,
Они с детьми и матерями
Сейчас бы зиму провожали,
Им всем бы было по... блину.
Теперь весь этот день — всерьёз,
В Чечне им крест стоит поклонный,
Псков скорбною идёт колонной
И чуть туманится от слёз.

ПОЭТ ШЕСТОЙ РОТЫ

*По камням струится Терек,
Плещет мутный вал,
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал
Михаил Лермонтов*

Все ребята как ребята — прозой говорят.
Не нужны стихи солдату, нужен автомат.

Парашютная пехота — кузница побед.
И на всю шестую роту — лишь один поэт.

Он в казарме среди ночи — за строкой строка —
Рифмы звонкие бормочет, не свои пока.

Слов осваивая кручи, думает о том,
Что писать стихи научит Лермонтова том,

Что не стали далью дальней честь, война, Кавказ,
Что к тому ж поэт опальный был свой брат — спецназ.

И ему, как брату веря, рядовой читал:
«Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал».

Чу, разбужен вещим словом снова смертный бой.
Застилает горы снова дым пороховой.

Нету выбора свободней нынче на заре:
Победить врага сегодня или умереть.

Над ущельным крутосклоном — и судьбы ребро:
До последнего патрона и до капли кро...

Всё, как встарь: позор и слава на весах опять.
За родимую державу стоит умирать.

Остановлен враг жестокий сердцем и мечом.
Значит, Лермонтова строки верно он прочёл.

Я хочу, чтоб люди знали, знал весь белый свет:
Пал в бою на перевале истинный поэт.

НЕ ХВАТАЕТ...

Не хватает земле снегов,
Высоте не хватает боя...
Не хватает его шагов
Половице сухой.
Любое
Сотрясенье тревожит слух,
Как разрыв боевой картечи,
Как тяжёлых раздумий дух —
В торжестве зазвучавшей речи.
Не хватает бегущим дням
Его имени.
Будто мелом
Обозначена грань теням,
И тире между дат — пробелом.
Повторят, расходясь, круги
Год за годом, но дважды в реку
Не ступить, возвратив долги
Им, ушедшим в начале века.
Не хватает в стекле пустом
Фотографий о зрелом теле,
Не хватает виновных в том
Скрытом мглою бесчестном деле.
Не хватает лесам тепла,
Вёснам лет не хватает.
Слышишь —
Его голос, как взмах весла,
Всплеском рвётся из тёмной ниши
Вдоль серванта.
В родной глуши
Поредела у неба просинь.
Не хватает его души
Магнитоле, затихшей в осень.
Тонкой нитью в былом холсте
Ночь к ущелью опять прорвётся —
Грезить боем на высоте,
Из которого он вернётся...

ШЕСТАЯ РОТА

Мёртвые сраму не имут

Сколько бы ни было пролито лжи,
Памяти нити не рвутся —
Русские держат свои рубежи,
Русские в плен не сдаются.

Веру, что Родина наша свята,
Не осквернить святотатцу,
Ротой шестою взята высота —
Выше уже не подняться.

Доля солдата — терпенье и честь,
Тельник, разгрузка и берцы,
Письма из дома и тяжкая весть,
Матери рвущая сердце.

Цвета беретов и девичьих глаз
Дали твои голубые,
Воинам, жизнь положившим за нас,
Вечная слава, Россия!

Нина Жильцова
г. Санкт-Петербург

ШЕСТАЯ РОТА

Над Аргунским ущельем тьма.
Дует ветер промозглый с гор.
Рота намертво залегла.
И стреляют по ней в упор.
Им отсюда уйти нельзя.
Им держаться здесь до конца.
Пусть чужая кругом земля,
горы, боги и небеса.
Сутки, двое, всё как во сне:

всё спрессованно в миг один.
Девяносто на высоте.
И две тысячи против них.
Ослепительных вспышек свет
прошивает иглой насквозь,
в ноздреватый февральский снег
заставляя вжиматься кость.
Их оденет в броню гранит.
И отплачут дожди сполна.
Им не нужно надгробных плит.
Да и слава им не нужна.
Двадцать лет жизнь без них кипит
в муравьиной своей суете.
Вечным сном рота тихо спит
на неотданной высоте.

Александр Себежанин
г. Псков

ПОМОЛИСЬ...

Над ущельем туман растаял,
звёзды ссыпались, ссеялись вниз.
Помолись за меня, родная,
за меня — помолись!

К новой жизни теперь взлетают
наши души, в неведомый верх...
Помолись обо мне, родная,
помолись о погибших всех!

На себя огонь вызывая,
мы погибли, но не сдались!
Не прошла озверевших стая!
Помолись же о нас, помолись!

Пусть живёт наша Русь, расцветая,
до земли ты ей поклонись!
Вытри слёзы, не плачь, родная...
О Руси Святой — помолись!..

ПАМЯТИ ШЕСТОЙ РОТЫ ПСКОВСКИХ ДЕСАНТНИКОВ

Он посмотрит отцу в глаза,
И увидит так явственно вдруг:
Нет дороги-пути назад,
Тянет смерть сотни грязных рук.
Видит сын, как отец встает
В полный рост. Автомат в руках.
По душманам прицельно бьёт,
Пересилив и боль, и страх.
«Ни клочка! Не дадим ничего!» —
Искривилось от гнева лицо.
Полосатую душу его
Душит чёрных бандитов кольцо...
Высота «семьсот семьдесят шесть».
И на карте в кружке Улус-Керт.
Что на картах гадать? Всё как есть:
Выпадает одно только — смерть.
Почти рота истерзанных тел:
Для России жестокий урок!
К ним на помощь Господь не успел.
А, быть может, пришел точно в срок?..
Смело с неба на землю — в бой,
А с земли снова в Небо, в рай.
Нимбом станет берет голубой...
Ты прости нас, Шестая. Прощай...
...Пожелтевшее фото отца
Парень бережно к сердцу прижмет.
Нет «войскам дяди Васи» конца!
Эта память вовек не умрёт!
Он — единственный сын, боец.
Дрогнет в грустной улыбке лицо...
«За десант, за тебя, отец!..
...Пятьсот два, пятьсот три, кольцо...»

* * *

Вот граната в кармане. Живым я не дамся.
Дождь вымывает корни деревьев. Из Брамса
первые ноты, третья часть. Слушать, слушать.
Здесь вы — за Родину! Это ущелье пахнет, как груша.
Нежно, имбирно. О, как же вы молоды слишком.
Тощие шеи. Да, вы ещё просто мальчишки.
Взять бы вас сгрудить. О, небо, щитом встать царь-градским.
Дети, сынки...Вы в ущелье легли азиатском.
...Руки раскинул, нашивка десантника Пскова,
чтоб ни сказала — кровит, словно ранено, слово.
Жгут наложу — истекает мальчишечьей кровью.
Если бы телом накрыть да спасти бы всех павших героев.
Землю героев. И небо героев. Не дрогнул
там ни один. А особо вон тот — сероглазый,
славный, ушастый такой и веснушчатый. Разве,
что на виске след от пули зигзагообразен,
словно живой. Вот-вот встанет. Вспорхнёт с Закавказья.
Чей-то он сын? Уж не мой ли? С врагом пришёл биться.
Здесь, в Хасавьюрте был бой. Воспроси очевидцев.
Из девяноста осталось в живых шесть несгибших.
Что же мы скажем, заплачем, завоем, напишем?
Наши мальчишки.
Черная речка. Я воду живую глотаю,
словно бы с неба, как будто бы слёзы, слёз много.
Жирная грязь под ногами колышется, словно взрывная.
Господи, Господи, как тут не вспомнить про Бога?

ТРЕТИЙ ТОСТ

Третий тост на ногах: вспомним все имена,
За друзей — кто ушёл и не с нами.
Обо всех наших братьях, конечно, до дна —
Помолчим... Мы всегда с пацанами.
Кто остался в сердцах, в нерушимом строю,
Даже память — на благо Отчизны.
Ей отдав свои жизни в последнем бою
Стали частью солдатской харизмы.
Целый список потерь: боевой алфавит —
Абсолютный порядок в шеренгах.
Третий тост за парней и никто не забыт;
Каждый вечер в казарме поверка.
Отвечаем за них, как ответят за нас...
Чьи-то души взлетят, выполняя приказ,
Рявкнув с неба шальным фейерверком!

Николай Пересторонин
г. Киров

* * *

Под сенью Божьего закона,
Молитву русскую творя,
Непобедима оборона,
Никто не погибает зря.
Да, есть устои вековые,
Храня святую простоту,
Стоят десантники псковские
И держат, держат высоту.
Врагов Отечества — без счёта,
Но навсегда надёжен щит:
Небесная шестая рота
За землю русскую стоит.
На поле боя,

Поле брани,
Под стать им надобно стоять...
Россия, Родина, воспрями!
Настало время побеждать.

Владимир Корнилов
Иркутская область, г. Братск

ДОКОЛЕ БУДУТ УБИВАТЬ СЫНОВ РОССИИ

*Памяти ребят,
погибших в «горячих» точках*

Как будто злобный Чингисхан
Вновь в Диком поле:
В огне Чечня и Дагестан,
И Ставрополье.
По жесту злой его руки
Иль воле рока —
На гибель целые полки
Ушли до срока?!.
Жестокий ливень неземной
Свинцом калёным
На них обрушился стеной,
Вселенским стоном.
...А их любовь ещё цвела,
Был мир нетленным...
Рыдают вновь колокола
По убиенным...
Над гробом горько плачет мать,
Слёз не осилив:
«Доколе будут убивать
Сынов России?!»
У изголовья в горе дед
Зашёлся в крике.
...А внук лежит в расцвете лет —
В руках гвоздики.

МАЙОР

*Майору А.В. Доставалову,
нарушившему приказ и пришедшему
на выручку бойцам шестой роты*

Войны грохочет ураган,
Земля изрыта.
Через ущелье в Дагестан
Идут бандиты.

В штабах уютные огни,
В штабах спокойно.
Мальчишки брошены одни
В неравной боине.

Кавказа хмуры небеса,
Снег косит хлётко,
Но одному майору сам
Суворов — тёзка.

Генералиссимус всегда
Берег солдата.
К чертям приказ! Спешит майор
Помочь ребятам,

Спасти мальчишкам юным жизнь.
Чем ждать кого-то,
Спешим на выручку. Держись,
Шестая рота!

Пускай всего пятнадцать душ,
Не так уж много,
Но поднят был солдатский дух —
Пришла подмога!

И средь величественных гор,
Небесной сини
Пал смертью храбрых наш майор,
Герой России.

СТАЛЬНОЙ ПАРАШЮТ

Стальной десантный парашют,
Стальные стропы.
Здесь имена героев чтут
Бессмертной роты,

Что на отметке семь семь шесть
Давила нечисть,
И, отстояв берета честь,
Шагнула в вечность.

Багряный траурный гранит
В жару и вьюги
В народной памяти хранит
Бойцов заслуги,

И по ночам он видит сны
О том, как парни
Встречали первый день весны
На поле брани.

А где-то вновь идёт война,
Он знает это,
Спроси, кому она нужна, —
Не даст ответа,

Но даст понять, ещё не всё,
И жизни многих
В храм вечной славы унесёт
Бессмертный подвиг.

ШЕСТОЙ РОТЕ

Мир, как прощенье:
покой, красота,
гор острая жечь.
Здесь, над ущельем,
есть высота
776.
Всё тут сошлось
и мысли грустны,
лишь вспоминать начни;
Не задалось
начало весны
в снежных горах Чечни.
Жизнь полосата.
Если бы знал,
Что тебя ждёт в судьбе.
Ротой десанта
закрыт перевал
целой бандитской орде.
С неба, как тень,
в горы поход —
для ВДВ не вопрос.
Лишний день
в високосный год
горе и гордость принёс.
Выполнив честно
долг непростой —
не уронили честь.
Ангелам тесно
над высотой
776.
Эта утрата —
подвиг святой —
вымыт слезами мам.
Слава! Ребята
роты шестой.
Вечная память Вам!

ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

Памяти десантников 6-й роты

Семьсот семьдесят шесть —
Три цифры. В сумме — двадцать.
Не Эверест, но есть
За что стоять и драться.

И слишком много их,
Желающих пробиться.
Здесь важен каждый миг,
Чтоб духом укрепиться.

В тот високосный год,
В тот день двадцать девятый
Февральский. Тёк народ
К вершине бородатый.

Семь. Семь. И рядом — шесть.
И в сумме — будет возраст.
Врагов не перечесать,
А умирать непросто.

И оттого светлей
В душе. А может, горше —
На стаю журавлей
У Бога стало больше.

ДВАЖДЫ РОЖДЁННЫЙ

(acro)

Дважды рождённый: рубашка крестом помечена,
Ежели матери две — и земля, и женщина.
Схватки в роддоме и схватки с врагом неистовым
Ангел крылом занавесил — и миф, и истина.
Небо — простор парашюту. И пулям вражеским.
Талого снега по склону разлита ряженка —
Ниже и — грудью сыновней прилипнуть к матери.
И — день рожденья второй на февральской скатерти.
Каждый защитник, да будь защищён Создателем!

Алексей Дельнов
Владимирская область, г. Собинка

ВЕРТОЛЁТЧИК

Весь израненный борт вертолёта
Я сажал из расстрелянных туч.
И сказал в изумлении кто-то:
«Этот парень чертовски везуч!»
 «Этот парень чертовски везуч...»
И с двумя пулевыми навывлет,
Отряхнув от опавшей листвы,
Врач меня от земли приподнимет
И начнёт бинтовать с головы.
 И начнёт бинтовать с головы...
Врач спешит и бинтов не жалеет,
А ведь мог бы уже не спешить.
Он вколол в меня всё, что имеет,
И твердит мне, что век буду жить!
 И твердит мне, что век буду жить...
Бортмеханик хоть ранен, но весел:
Сели, живы — чего ж горевать?

Горько мне: вертолёт — изувечен,
Даже толком не смог полетать.
Даже толком не смог полетать...
И прощаясь с бортом «Ми-восьмого»
Я тихонько шепнул: «Извини...»
Врач меня умолял как родного:
«До санбата, браток, дотяни...»
«До санбата, браток, дотяни...»
Санитары торопят: «Темнеет».
Врач команду даёт: «Загружать!»
А в груди понемногу теплеет:
Значит, выживу, буду летать...
Значит, выживу, буду летать...

Евдокия Петрова
Псковская область, п. Дедовичи

ПАМЯТИ ВОИНОВ ШЕСТОЙ РОТЫ

Вы ушли в бессмертие в первый день весны...
Ох, недаром вещие мамам снились сны.
Мальчики хорошие полегли в бою,
За страну родную, за свою семью.
Ждали честно помощи — поздно подошла,
Лишь тела, замёрзшие на снегу наша.
Буки вековые как косой скосило,
Мальчики красивые, как вам тяжело было.
Враг числом несметным вас превосходил,
Не хватало, милые, для отпора сил.
Лишь луна да звёзды видели тот бой,
Не вернётесь, славные, никогда домой.
А вчера надеялись — будем долго жить:
Обнимать любимую, Родине служить.
Но судьба-судьбинушка повернула вспять,
И теперь любимые все в могилах спят.
Вспоминая мальчиков, слёзы не сдержать,
Ждут девчонки миленьких, всё не верит мать.
Вы остались в памяти навсегда народной
Парни наши смелые, души благородные.

РУССКИЙ ДОПИНГ

Это в нашей крови,
В каждом шарике гемоглобина.
Позаразней ОРВИ
И лечебней, чем белая глина.
С ним не страшно в бою,
Одному против целого войска,
Ты попал в западню,
Но ни тени в душе беспокойства.
Иностранные львы
Похоронены в русском подзоле.
Поворот головы
На снегу каменеющей Зои.
Не сдавали герои
Анализ крови на допинг,
Не мозолил мельдоний
Глаза как прозападный троллинг.
Отмените итоги
Всех русских великих сражений,
Почему наши боги
Не знали в бою поражений???
Потому что за други своя
Смерть красна на миру,
Ближе к телу рубаха у труса
И весь не умру...
Край кровавый передний,
Предсмертной агонии вздох.
Кто на небо последний?
Там встретит мой допинг, мой Бог.

РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ

Из преисподней черти
Скаются и смеются.
Не знают посланники смерти:
РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ.

Чёрные головорезы,
Привыкшие к насилию...
Нечисть из нор полезла.
«Мы псы. Мы порвем Россию.

То, что не сделал Гитлер,
Нам доделать досталось.
Хотим, чтобы всюду гибли,
Чтобы кругом взрывалось»

К нам из могил солдатских
Годами слова несутся:
«Нам ли врагу сдаваться?
РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ».

Не для того, чтобы снова
Гремела кругом канонада,
Для мира пришли. Такого
Не надо исчадиям ада.

Не жить тем на белом свете,
Если с мечом к нам суются.
Они победители смерти.
РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ.

ШЕСТАЯ РОТА

*Памяти русского солдата —
комбата Марка Евтюхина, геройски
погибшего с шестой ротой сто четвёртого
парашютно-десантного полка*

От возмездия банды уходят —
сквозь густой Улус-Кертский туман.
Словно чёрные духи природы,
с гор стекая в ночной Дагестан.

Бог не смотрит, но здесь по приказу
десантура вгрызается в тьму.
Тьма упряма, густа, непролазна.
И расклад — двадцать семь к одному.

Десантуру она накрывает,
наплывает волна за волной.
И душа за душой отлетает, —
вместо — ангел становится в строй.

Бьются молча, расчётливо, страшно.
Слишком близко, — и пушки молчат.
Вот сошлись в ножевой — рукопашной
духи тьмы и последний солдат...

Бьются в небе небесные роты.
Но и там силам зла нет числа.
И Шестая — небесной пехоты —
рота в землю навечно вросла.

Божьи дети — под Богом распяты.
Торжествует злодейка-судьба...
Но с небес слышен голос комбата:
— Вызываю огонь на себя!

...

Упади же!!! Скатись в воронку!!!
Там укрыться возможность есть!
Никакого не будет толку,
Если просто погибнешь здесь...

У тебя есть своя задача —
Поднимать в наступленье бойцов!
Только так, и никак иначе,
Сможешь ты отомстить за отцов!!!

Он упал... улыбнувшись криво...
Прижимая живот рукой...
Всё... убило его... убило!..
Это был его первый бой...

Елена Коновалова

Кировская область, п. Первомайский

ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ

Выше берёз и сосен,
Кажется, ближе к небу.
Стены моей больницы
Смотрят глазами в лес.
Вот он, могуч и грозен,
Молча хранит границы.
Если б к нему и мне бы
Птицей свободной с небес.

Я бы сказал ему: «Батя,
Дайте мне ствол, патроны.
Белые стены палаты,
Видно, совсем не по мне.
Всё, належался, хватит...»
Плечи сомкнут маскхалаты —
Братья мои... Как больно
Мне умирать по весне.

Южный подует ветер,
Сбросят деревья бушлаты.
Юною клейкой листвою
Зазеленеет лес.
Люди, зажгите свечи,
Майской победной весною,
Чтобы вернуться солдату
Птицей крылатой с небес.

РУССКИЙ ВОИН

Подвигу шестой роты

В каменистом ущелье тесном,
Там лежит солдат-богатырь.
А по телу — свобода — песней.
А в глазах — луговая ширь.

Он убит, тот парнишка псковский,
Тот — невинный, святой — убит.
А в улыбчивом рту папироска
Не погасла ещё — дымит.

Он лежит: и ни злобы, ни муки.
Словно пахарь устал весной.
Безмятежно выпростал руки
От работы своей земной.

И лежит он блаженно, славно,
Забывая судьбу свою,
И вкушает покой и славу
В окружившем его раю...

Ты вселенской славы достоин:
Ты собою Россию спас!
Торжествуй же, великий воин,
Вот и пробил высокий час.

ШЕСТАЯ РОТА ВДВ

Заката кровь на склоне дня
Сошла в уснувшую долину.
В отрогах замерла Чечня,
Кинжалы вынула Чечня,
Разбитая наполовину.

Шестая рота ВДВ
Идёт в разведку, а Москве
О ней и думать неохота.
По горной тропке, по траве
Стремится рота ВДВ,
Идёт на смерть шестая рота.

Клубится тьма за валом вал.
Не видно окон Мироздания.
Дымится чёрный перевал,
И в эту бездну, как в провал,
Уходит рота на задание.

По тишине, по сердцу влёт
В кустах ударил пулемёт
И породил огня лавину.
Солдата мать не обоймёт,
Снаряды посреди высот
Перемешали кровь и глину.

Когда, спроси меня, герой,
Случился ад в моей Отчизне?
Вставало пламя над горой,
И пуль трассирующих рой
Перечеркнул живые жизни.

...Над Псковом зори расцветут,
Девчата песню заведут,
Взойдёт подсолнух у заплота.
Колокола замрут вдали,
И прокричит из-под земли,
И замолчит — шестая рота.

ЧЁРНЫЙ ВЕТЕР ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Пред иконой с женой обвенчался —
Были Богом друг другу даны.
Всё бы было. Да только примчался
Чёрный ветер чеченской войны.
От разлуки живём — до разлуки...
Поднимает в атаку комбат,
И сжимают озябшие руки
Не горячий ещё автомат.
Землю вязкую мнём сапогами,
«Трассой» рвём пополам синеву.
Я бегу. И в отчаянном геме
За собою кого-то зову.
Звёзды, вспыхнув, погасли мгновенно —
В этом не было нашей вины.
И в осколках вскрытые вены
Рвётся ветер чеченской войны.
Пламя лижет кровавые склоны,
Подползает змеёю ко мне.
Здесь у жизни иные законы...
И у смерти! Как в каждой войне.
Наша рота домой не вернётся.
И при свете молчащей луны
Рвётся ветер. Куда же он рвётся,
Чёрный ветер чеченской войны?
Побеждать в этом мире непросто,
Мы живём то любя, то скорбя.
2500 — их. А нас — 90...
Вызываем огонь на себя!

ШЕСТАЯ РОТА

*посвящается А. Коротееву,
солдату шестой роты*

Диких зарослей километры
Стерегут берега Аргуна,
Над горами лихие ветры
Натянули тугие струны,
Облаками легла тропинка
Прямо в вечность — от школьной парты...
Жизнь солдатская, словно льдинка —
Кап да кап — на пороге марта,
По весне, когда зреют силы,
Когда бродят шальные соки,
Сколько жизней война скосила —
Перемена... Прошли уроки...

— Ах, какие тут звёзды, мама!
Жаль, не видишь! Весна! Природа!
Знаешь, мам, у меня программа —
Возвратиться через полгода...
Кап да кап — то берёзы плачут,
Вешний сок по стволу стекает...
Слышишь, залпы... А это значит —
Прямо к небу взлетела стая!

Кап да кап — матерей слезинки
Ручейками стекают в реки,
Каплют слёзы с небес, дождинки:
Вот уже и слились навеки.
Из слезинок — большое море
Посреди Руси расплескалось,
Лишь полынь на беду да горе
На земле прорасти осталась.

ОРЁЛ

Над Аргунским ущельем
кружится орёл.
...Небом стопка закрыта
как хлебом.
Нашу роту
небесной тропкою провёл
Он когда-то до Бога,
на небо...
Есть высоты.
У каждого, видно, свои.
Звёзды нам
не давили на плечи.
...На своей высоте
мы как прежде стоим
в тишине.
Не под громкие речи.
Помнят камни,
политая кровью земля
Бесконечным
казавшийся бой.
Как кричали:
Ребята, прикройте! Огня!
И бросались в огонь
с головой.
— Безрассудно бесстрашие! —
будут твердить,
Те, кто смотрят сейчас
снизу вверх...
Мы ушли защищать,
чтобы кто-то мог жить,
Зная — жизней не хватит
на всех...
Мы свои —
рассчитали —
до крайних минут.
Поделили, по-братски,
гранаты.

Семьсот семьдесят шесть —
высота, где не врут.
То ли прокляты здесь,
то ли святы...
...Над Аргунским ущельем
кружится орёл.
Знает вольный
безмолвный свидетель
Как на небо до Бога
тропою провёл
Нашу роту
на алом рассвете...

Георгий Романюк, 16 лет
Псковская область, село Серёдка

К ОРУЖИЮ

Как думаешь, смерти быстрее посланник,
Тебе ли достанется он,
Поющий средь дома истлевших развалин,
Печалью великой сломлён?

Тебе ли пробить его душу и сердце,
Когда он главою поник?
И разум его как блуждающий месяц
За тучами скорби сокрыт.

Не знает он страха, не знает пощады,
Он счастья желает лишить!
По крови его расползается ядом
Отмщения сладкая нить...
И месть его будет жестокой и быстрой!
Пока не увидит руин
Живой, но оконченной вражеской жизни...
Оставшись при этом один...

С хлопком увядает алеющий светоч.
С хлопком замирает вдруг тишь.
Солдат позже вспомнит о случае этом
Под мирным каскадом из крыш.

ОСТАЛСЯ ЧАС

Остался час, всего лишь час,
Солдаты спят, ещё не зная,
Что через час к воротам рая,
Предстанут многие из вас.

И птицы стихнут в ожидании,
Вдруг первый выстрел издали.
— Попал в кого-то? — Нет, не знаю...
Враги идут, скорей, пали!

Февраль. Ист-Корд. Простые люди.
А завтра март, весна, тепло.
Погибнет тридцать лишь за сутки,
Но биться будет решено.

Такая боль проникнет в сердце,
Умрёт товарищ боевой.
Не плачь солдат, здесь просто место,
Где пули выбраны тобой.

Другие люди просто цифры
Потерь десятками сочтут.
В конце страницы мелким шрифтом:
«Убито было много тут...»

В три ночи, к ним поспеет помощь,
Но на смерть бой будут вести.
Солдат в крови, а в сердце горечь —
Не отступи, не отступи!

Земля взорвётся под ногами,
Поднимет роту от земли.
Напишут «высоту держали,
Не отступили, не ушли»

Здесь всё застыло в ожидании.
Солдаты гибли и не раз,
Но с каждым днём трудней молчание...
Остался час, всего лишь час.

НЕТ, НИКТО НЕ ЗАБЫТ

*Посвящается памяти
шестой парашютно-десантной роты,
тем, кто погиб, защищая свое Отечество*

Нет, никто не забыт. Это значит: ничто не забыто.
Это значит, что серо-свинцовое небо разбито,
Изувечено пулями, выпито болью и страхом,
Превращённое в пепел под серым обугленным прахом.

Небо прячет в ладони сожжённые дымом ресницы,
Небо молится: «Боже, пусть этот огонь только снится.
Пусть огонь обойдёт стороной всех твоих мальчишек.
Боже, Боже, спаси их, спаси меня! Слышишь? Слышишь?!»

Небо падает ниц, и трясутся от ужаса плечи,
Оно знает, что здесь не ему говорить про вечность,
Что на небе другие законы: креста и молитвы.
Небо смотрит в застывшие лица мальчишек убитых.

Небо смотрит им в лица, встречается взглядом со смертью.
«Боже, Боже, за что? Мы клялись, что всегда будем вместе,
До последнего боя, до последнего, прощального боя».
Прижимает ладони ко рту. «Почему мне так больно?

Почему мне так... страшно? Почему мне так стыдно, Боже?»
Небо падает, руки раскинув, сдирая кожу,
На ущелье, где спит его вечная небесная рота.
Небо харкает кровью, ладони сверкают от пота.

Его плечи искромсаны пулями, выжжены болью.
Оно смотрит в ущелье, и с губ не срывается слово:
«Боже, Боже, прости, что по ним не прочел я молитвы.
Но я знаю: никто не забыт.
И ничто не забыто».

ПАМЯТИ ШЕСТОЙ РОТЫ...

В тот день закончилась война.
Последний перевал.
Скорей домой! Уже весна!
На поезд! На вокзал!

И на перроне не забыть
Купить цветы жене.
К 8 марта подарить,
Вернувшись, в тишине.

А впереди сплошной туман
И ноша не легка.
За шагом шаг. Судьбы обман.
Безумный взгляд врага.

И бой внезапный. Выстрел, крик.
Нещадно косит смерть
Друзей твоих в единый миг.
Ни шанса уцелеть.

Они сражались до конца,
Россию не предав,
Жизнь офицера и бойца
Задорого продав.

И наступила вновь весна,
И расцвели цветы.
Букет оставила жена
У мраморной плиты.

МЫ ПОМНИМ

Забывается всё отшумевшей листвой,
Остаётся лишь пыль на погонах.
Распростёртое тело под чуждой звездой
Покидала душа с лёгким стоном...
Под прикрытием скал застрочил пулемёт.
Не хватило одной перебежки,
Чтобы с тыла к нему подобраться, и вот
Гибнут люди и нету надежды.
Лейтенантским погонам не быть никогда
Капитанскими или чуть выше.
На чужом небосклоне восходит звезда —
И душа её больше не ищет...
Первый взвод — на обход!
Забросал пулемёт.
Всё живое разорвано в клочья.
И, когда в полный рост поднялся первый взвод,
Ожил вдруг, застрочил пулемётчик.
Видно им не судьба, многих пуля нашла,
Лейтенанта сразила навывлет:
В двадцать лет с небольшим он лежал не дыша,
В груде скальных обломков и пыли...
Молодой военком будет долго молчать,
Отдавая семье похоронку.
Зарыдает жена и заохает мать,
Прижимая сиротку-мальчонку.
Сколько их погибало в ненужной войне,
Сколько предано было забвению?
В той войне, как потом уже после в вине,
Погибало моё поколение.

ПОДВИГ ШЕСТОЙ РОТЫ — НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ РУССКОЙ ВЕРЫ В СЕБЯ

Двадцать лет назад произошёл бой на высоте 776 в Аргунском ущелье Чечни, вошедший в историю, как подвиг 6-й роты псковских десантников.

В бою, который продолжался с 29 февраля по 1 марта, 90 российских десантников 6-й роты 2-го батальона 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии сдерживали банду чеченских боевиков и наёмников, численностью до 2,5 тысяч (по другим оценкам около 2 тысяч) человек.

Погибли 84 русских воина и по разным оценкам — от 400 до 600 бандитов.

Даже в масштабах Великой Отечественной войны подвиг 6-й роты псковских десантников выглядит, как выдающийся.

Однако любое событие вписано в контекст своего времени. Для начала «нулевых» это было... Когда автор этих строк впервые услышал из СМИ об этом событии, в памяти предстало что-то былинное, сродни подвигу отряда Евпатия Коловрата.

Почти полтора десятилетия перед этим нам внушалась мысль об ущербности прошлого России и ещё большей ущербности её настоящего. Доминирующие в СМИ объяснения наших великих побед — «завалили трупами». А в настоящем, внушали нам, Российская армия даже и трупами завалить не способна «чеченских сепаратистов», несмотря на подавляющее превосходство в живой силе и военной технике.

И действительно, казалось порой: откуда ныне взяться героизму в нашей деморализованной армии. К тому же эта армия тогда в сознании многих существовала как бы сама по себе, оторванная от того, чем жили люди на «гражданке».

Помню, как однокурсники накануне штурма Грозного под новый год 1995 года удивлялись, почему меня так заботит, как будут разворачиваться события где-то там, очень далеко на Кавказе. Однова живём: поколение «ПИ» пытались убедить, что главное в жизни деньги, и все те удовольствия, которые можно купить на них. И ведь многих убедили.

Но не тех 90 псковских десантников, которые приняли решение стоять до конца. А ведь и их, судя по данным радиоперехватов, боевики пытались соблазнить деньгами, предлагали полмиллиона долларов, чтобы террористы спокойно могли уйти от возмездия.

Поэтому 1 марта с полным основанием можно назвать не только днём подвига 6-й роты, но и днём начала возрождения русской веры в себя, в свой трудный, но мужественный путь.

За прошедшие годы возникло много трактовок героической гибели 6-й роты. В том числе и явно злонамеренных, имеющих целью очернить этот подвиг, не дать ему стать одной из опор русского духа.

Но сила этого подвига такова, что даже рассказы чеченских террористов о том, что, якобы, псковских десантников поразили «ангелы Аллаха», выглядят беспомощной попыткой скрыть своё в первую очередь моральное поражение. Да, рота погибла, но оказалась сильнее духом боевиков и наёмников. И последствия той победы сказываются на нашем настоящем, будут сказываться и в будущем.

Вот, что рассказал мне о подвиге, спустя 20 лет, Андрей Лобанов, который командовал сводным отрядом спецназа, первым оказавшимся на месте гибели 6-й роты.

— Почему вашему отряду не удалось до окончания боя прийти на помощь 6-й роте? Были для этого объективные причины?

— На момент начала боя мы базировались на высоте Даргендук 14.10 в трёх километрах от высоты 776.

До этого мы как раз выполняли задачи совместно с подразделениями 2 и 3 батальонов 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. 29 февраля 2000 года мы пришли с задачи, отдыхали. Ночью мне мой связист говорит: «Командир, внизу происходит что-то непонятное». Ребята из 6-й роты на 700 метров ниже нас были. До нас доходили звуки боя. У меня был хороший японский радиосканер и пеленгатор. Мы в радиозфире слышали бой от начала до конца. Что и как там происходило. Скажу больше — мы даже записали это всё. У меня есть запись этого эфира, которую никому и никогда не показывал.

— Почему?

— Мы с боевыми товарищами, которые слышали в радиозфире ход боя, решили, что не стоит бередить раны родных. Пусть запись так и останется между нами.

Мы пришли на место боя 1 марта около 12 часов дня. Быстрее прийти мы просто не смогли. Нам срочно дали задание, мы сформировали группу из спецназовцев из группы «Вымпел» и двух усиленных рот 108-го Кубанского десантно-штурмового полка.

Градус спуска с нашей высоты был достаточно большой, около 70 градусов, мы шли медленно. К тому же шли осторожно, проверяли, нет ли засад поблизости. Местами был глубокий снег.

Вышли на высоту Доставалова. Там десантники 6-й роты оборудовали окопчики ещё до боя на высоте 776. Высота Доставалова, кстати, достаточно удобна для обороны. Было видно, что ребята сорвались, оставили часть вещей и ушли. Мы поставили блокпост на этой высоте. Потом в обход по высотам

вышли к высоте 776. Мы проходили тропами, которые были местами залиты кровью. Это «духи» уходили, у них было много раненых. Позднее разведка подтвердила. Раненых боевиков у них было много, очень много. Я не могу вам всё рассказать, мы потом работали по этой банде... нашли всех.

На высоте 776 мы увидели всю картину боя. После него прошло 6-7 часов. Светило яркое солнце. Нас там было несколько офицеров, мы как профессионалы ясно восстановили всю картину боя. Точное число потерь боевиков установить было трудно, но значительно больше ста человек, это точно. Около двадцати бандитов было брошено на месте боя, присыпано снегом. Почему именно их не вынесли — я не знаю. Обычно «духи» старались не оставлять тел погибших.

— Есть разные версии того, как погибла 6-я рота.

— В героизме 6-й роты никаких сомнений нет. Где застал их бой, там они и сражались. Группами занимали очаговую оборону. Никакой растерянности, делали всё грамотно, профессионально, насколько позволяла ситуация.

Было видно, что несколько раненых были добиты выстрелом в голову. Представьте себе: прислонённый к дереву сидит контрактник или прапорщик, он весь перебинтованный, а полукругом рядом с ним лежат бойцы. Они отстреливались, перевязывали друг друга и на этом же месте погибали. Все лежащие вокруг десантники погибли в бою, а вот этот перебинтованный боец, видимо, живой оставался, когда на высоту зашли «духи». Они его добили в упор, было видно, что выстрел сделан в лицо.

— Вы прошли обе Чеченские кампании. Доводилось видеть много примеров героизма наших солдат?

За что погибали псковские десантники?

— Подвигов было много. Не раз боевые товарищи прикрывали друг друга, рискуя жизнью. Были примеры, когда наши танкисты не оставляли подбитые танки, продолжали сражаться, проявляли себя. Или можно вспомнить историю с защитой Железнодорожного вокзала в Грозном. Туда зашли рязанские десантники, помогли пехоте, которую сильно покромсали. Помогли им выйти, заняли этот вокзал и достаточно жёстко держали его. Морские пехотинцы Северного флота, пехотинцы 131-й Майкопской бригады тоже проявляли героизм. Примеров самоотверженности было много.

Просто 6-я рота — это пример, когда одно подразделение проявило массовый героизм. А если разобраться, в истории Чеченских кампаний есть множество примеров, на которых можно и нужно воспитывать подрастающие поколения.

A stylized, dark grey graphic of a quill pen, angled diagonally from the bottom left towards the top right. The quill is positioned behind the text, with its tip pointing towards the word 'ПОЛК'.

бессмертный
ПОЛК
русской поэзии

АКЦИЯ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

В год 75-летия Победы состоялась одна из наиболее масштабных и доступных для участия поэтических акций — историко-литературная акция «Бессмертный полк русской поэзии».

С 9 марта по 6 июня любой желающий мог записать на видео стихотворение поэта-фронтовика или поэта блокадника и стать участником поэтической вахты памяти, посвящённой нашей Великой Победе, озвучить то, что видели и чувствовали поэты, воевавшие на фронтах Великой Отечественной или жившие и писавшие стихи в блокадном Ленинграде.

Акция состоялась. В наш адрес пришло более 500 видеоматериалов, 428 из которых и стали этой поэтической вахтой. К сожалению, не все, приславшие видео, внимательно прочли положение об акции. Был отклонен ряд видеоматериалов, со стихами поэтов, родившихся после войны, либо живших и писавших в период Великой Отечественной, однако не являвшихся фронтовиками или блокадниками.

Но вернёмся к опубликованным видео. Они поступили из 37 субъектов Российской Федерации, а также из Германии, Эстонии, Белоруссии, Казахстана, Приднестровья и Донецкой Народной Республики.

Наибольшее количество участников — это жители Псковской области, откуда получено 189 видео. В акции «Бессмертный полк русской поэзии» приняли участие жители 12 районов области, а также городов Псков и Великие Луки. Причем наиболее активными участниками стали именно жители Великих Лук, откуда поступило 56 видеороликов со стихами поэтов-фронтовиков и поэтов блокадников. 43 видео поступило из Великолукского района, 34 — из города Пскова.

И дело здесь вовсе не том, что акцию организовали и проводили псковские писатели, а скорее в том, что её проведение пусть и не слишком активно, но освещалось средствами массовой информации Псковской области, в то время как федеральные СМИ проведение акции не заметили. То, что к акции присоединились жители других регионов России и зарубежных стран произошло как бы вопреки этому замалчиванию. О ней узнавали из социальных сетей, от друзей и знакомых. И чем дольше продолжалась акция, тем больше людей спешили присоединиться к ней. 60 видеороликов со стихами поэтов фронтовиков поступили от жителей российской столицы, 22 — из Белоруссии, 15 из Ярославской области.

Всего же в акции «Бессмертный полк русской поэзии» приняли участие 356 человек, 188 из которых — дети и юношество в возрасте до 18 лет. Самой юной участнице акции, Веронике Степановой из города Пскова — 4 года, самому старшему участнику — труженику тыла Александру Павловичу Быкову из села Пашково Кемеровской области — 91 год.

Акция была поддержана российскими актёрами, кинематографистами, писателями. Среди её участников народный артист России Юрий Назаров, заслуженные артисты России Юрий Конопляников, Наталья Пярн, Виктор Яков-

лев, актер, певец, композитор Николай Романов, первый секретарь правления Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов, сопредседатель правления Союза писателей России, поэт Александр Кердан, член правления Союза писателей России, поэт Александр Бобров, член правления Союза писателей России, главный редактор «Литературной газеты», поэт и прозаик Максим Замшев, секретарь Союза писателей России, поэт Сергей Соколкин, секретарь Союза писателей России, поэт Игорь Тюленев, секретарь Союза писателей России, поэт Алексей Полубота, известный донецкий поэт, бард, общественный деятель Владимир Скобцов, директор международного фестиваля молодых поэтов «Мцыри», поэт и общественный деятель Александр Чистяков, десятки других писателей России, ближнего и дальнего зарубежья.

«Бессмертный полк русской поэзии» включил в себя имена 107 поэтов-фронтовиков и поэтов-блокадников. Чаще всего в ходе акции звучали стихи Юлии Друниной — получено и опубликовано 51 видео с её произведениями. 42 раза прозвучали произведения Константина Симонова, 35 раз — Александра Твардовского. Наиболее цитируемым стало стихотворение Константина Симонова «Жди меня», которое было прочитано участниками акции 19 раз. 14 раз звучало с стихотворение «Зинка» Юлии Друниной, 11 раз — «Васильки» Бронислава Кежуна.

В связи с пандемией коронавируса и невозможностью проведения ранее запланированных очных мероприятий оргкомитетом литературно-исторического проекта «Чтобы помнили», было отменено ограничение по числу видеороликов, принимаемых от одного участника акции. Самым активным участником акции стал поэт из г. Калуги Михаил Бондарев, прочитавший в рамках акции «Бессмертный полк русской поэзии» 14 произведений поэтов-фронтовиков, 12 стихотворений представил для участия в акции актёр, кинорежиссёр, писатель и сценарист Игорь Черницкий. Самым массовым стало видео присланное из города Москвы, где сразу 19 учащихся 4-А класса Школы на Юго-Востоке имени Маршала В.И. Чуйкова прочитали стихотворение Семёна Гудзенко «Моё поколение».

Стихи фронтовых поэтов звучали со страниц Youtube, транслировались в специально созданных сообществах в социальных сетях «ВКонтакте», «Фэйсбук» и «Одноклассники», многократно копировались и размещались участниками акции на своих страницах, в группах и на сайтах глобальной паутины. Сейчас невозможно точно сказать, сколько всего человек просмотрели эти видео, слышали искренние голоса читающие стихи поэтов, непосредственных участников самой страшной в мировой истории войны, стихи тех, кто принёс нам эту Великую Победу, прочитали биографии поэтов-фронтовиков. Только на канале акции, созданном на видеохостинге Youtube, видеоролики со стихами поэтов-фронтовиков и поэтов-блокадников просмотрены более 19 тысяч раз.

В рамках этой книги мы представляем творчество псковских поэтов-фронтовиков, стихи которых прозвучали в ходе историко-литературной акции «Бессмертный полк русской поэзии».

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

Игорь Николаевич Григорьев, (17.08.1923, деревня Ситовичи, Псковская губерния — 16.01.1996, деревня Юкки, Ленинградская область) — русский поэт и переводчик. Создатель и первый председатель Псковского отделения Союза писателей, в годы Великой Отечественной войны руководил подпольем в Струго-Красненском районе, воевал в бригадной разведке 6-й Ленинградской партизанской бригады. С 2014 года Санкт-Петербургским отделением Союза писателей России и Фондом памяти поэта ежегодно проводится международный конкурс поэзии имени

Игоря Григорьева, а также чтения имени Игоря Григорьева.

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы —
Такое, как в дни старины!
Искромсаны в щепки берёзы
Нещадной секирой войны.

И стынут в тепле буйноцвета
Мужья... Бобыли... Сыновья..
Не сделано столько! Не спето!
А в рощу веселое лето
Вселило для них соловья.

А в сёлах глухие разрывы
Да толом пропахшая жизнь.
И кажется — тучные нивы
Рыдают над каждым: проснись!

Щетинится жердь у омёта
Вихрастой певучей листвою.
А в поле частят пулемёты,
Свинец высевая густой.

И день непроглядью лохматой
Задержнут на тысячу верст.
Отчизна! Твои ль это хаты
С окошками, полными слёз?

Твоя ль эта радость лесная,
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот, как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти бредущие люди?..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит,
Что будет! Что было! Что есть!

1941

* * *

В который раз одно и то ж,
В который —
Течёт, цветёт, дымится рожь
По косогору?

Родимый край, в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас —
На зорях росы.

Всё тот же галочий галдёж
Над придороженьем...
Так почему же не найдёшь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?
А здесь — дожди и валуны
И те живые.

И каждый высохший плетень
Певуч и волен...
Все та же речь! Все тот же день!
Все то же поле!

1942

КРАСУХА

Чернобыль над пепелищем
Да густой бурьян.
Оголтело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата —
Пусто впереди!
Только зарево заката
Душу бережит.

Только чёрные у речки
Трубы, трубы... в ряд,
Как потушенные свечи.
Горестно стоят.

Только ворон грозно, глухо
Каркнет о беде...
Что с тобой, моя Красуха?
Хата моя где?..

Где ж оно, окно резное,
Низенькая дверь?
Ой, село моё родное,
Как же мне теперь?

Я четыре тяжких года
Этой встречи ждал:
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью истекал

В ледяную завируху,
В чёрную напасть,
Чтоб тебе,
Краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: свидимся с невестой,
Успокою мать
...Где я? Памятное место
Сыну не узнать:

Ни родимой, ни подруги —
К сердцу сквозь кусты

Тянут высохшие руки
Серые кресты.

На тропе шумит, лопочет,
Шепчет чернобыль,
Словно всем поведать хочет
Дней проклятых быль.

В сорок третьем в тьме метели
На село моё
Набежали, налетели
Псы и коршунё.

Триста душ, ни в чём не винных,
Выгнали на снег,
Затолкали в пасть овина
Триста человек!

В каске, словно бес двурогий,
Лаял хауптманн:
— Где находятся дороги
В лагерь партизан?

Три часа на размышление,
Три и нуль минут.
Если скажете, — прощенье.
Нет — и всем капут!..

Нет! Ни слова об отряде:
Замер стар и мал.
И ни звука о пощаде
Враг не услышал.

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился адский чад!..
Не слышал — и не услышит:
Мертвые молчат...

Всем таким, кто к миру глухи,
Не мешает знать,
Что Россию, мать Красухи, —
Нет! Не запугать!

1943

БОЛЬ

Александр Агафоновой

Светлый ангел — сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги — темнота!

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердия,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель озлобленное сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест одноверца,
О согревшей любви не гореть?

И, добыв-таки рифмы золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные друзья — заботы
На меня наложили зарок?

Неужели?... Да выпеснишь разве
Все соблазны житейского дня.
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня!
Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумея: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить — ни про что — в никуда!

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи — что малые дети:
Плачется вдруг и смеётся.

Вихорь загикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми,
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланяясь тёмным избёнкам.
Ливень, отрадный, как милость,
Чалым бежит жеребёнком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая груда
Ахает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом раскатистей грома.
Травы в текучей полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Душу врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло — до тучки — на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломлённом зените...
Видите? Верите, други? —
Мы победили. Вдохните!

9 мая 1945

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ИВАН ВИНОГРАДОВ

Иван Васильевич Виноградов, (29.08.1918, деревня Шемякино Порховского уезда Псковской губернии — 02.05. 1995, г. Псков) — профессиональный журналист, поэт, прозаик. В годы войны он сражался в рядах 2 Ленинградской партизанской бригады — бригады, которая к сентябрю 1941 года стала ведущей силой партизанского движения. Начиная войну бойцом маленького отряда: участвовал в боях, разведках, диверсиях, месил ногами болотную грязь, голодал в лесу. Когда у партизан появилась собственная, хотя и очень несовершенная полиграфическая база, стал редактором партизанских газет:

«Народный мститель», «Коммуна», «За Советскую Родину». Был один из первых, кто в июле 1944 года вошел в освобожденный Псков. С 1944 года работал в Ленинградском и Псковском обкомах КПСС, затем заместителем редактора, далее редактором газеты «Псковская правда», собкором газеты «Правда».

* * *

Когда над Родиной военный гром
Прогрохотал со стороны заката,
Я не расстался в эти дни с пером
И подружился с грозным автоматом

1941 г.

* * *

Жителям бывшего Партизанского края

Подвиг никогда не умирает,
В памяти хранит его народ.
Слава тем, кто жил в заветном крае,
Слава тем, кто ныне в нем живет!
Слава тем, кто будни трудовые
Приравнял к отваге на войне,
Кто вдохнул в просторы голубые
Силу жизни. Слава им вдвойне!

Июль 1947 г.

КЛЯТВА

Окрасил дым волнистые туманы,
Ночное небо стало розовей.
В такую ночь собрались партизаны
И дали клятву Родине своей:

«Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага, как ночью, так и днём.
Скорей умрём, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрём!»

Прошёл отряд по просекам знакомым,
С тех пор — могуч и грозен тёмный лес.
Сосновый бор, ты стал родимым домом
Под вечной крышей — куполом небес.

Коварен враг, и цели его зверски,
Он за бронёй, но жмётся у дорог.
Страшны врагу леса и перелески, —
Стреляет в немцев каждый бугорок.

Строчит «максим» — не сунешься в ложину,
Бьёт автомат — свинцовый ураган!
Запомнит враг советскую Псковщину
И не забудет красных партизан!

За нашу кровь нам враг ответит кровью,
Где мы прошли, там путь непроходим.
Мы любим жизнь горячею любовью,
Но если надо — жизни не щадим.

Гордись страна отважными сынами,
Пройдём сквозь дым и лютую пургу.
Навечно жизнь останется за нами,
А злую смерть мы отдадим врагу!

И вздрогнет лес тогда в салютном гуле,
Исчезнут вмиг морщинки у бровей,
Мы встанем все в почётном карауле,
Мы — патриоты Родины своей.

«Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага как ночью, так и днём.
Скорей умрём, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрём!»

МОСКВА ИДЁТ НА БЕРЛИН

Гремят бои. Туда все взоры,
Где в кровь окрасились снега,
Где гром потряс седые горы,
Со свистом пуль слилась пурга.
Весь фронт в огне. Какая сила!
От юга до балтийских вод
Шагает грозная Россия,
Как богатырь, идёт вперёд.
Пробил для немцев час расправы.
Им не помог Арденнский клин,
Когда Москва от стен Варшавы
Пошла в атаку на Берлин,
Когда в стремительном движенье
Восточный фронт, бои кругом...
И чёрной тучей поражение
Нависло грозно над врагом.
Мы помним пепел Сталинграда,
И в Минске вражеский разбой.
Дрожи Берлин! С Москвою рядом
Все города рванулись в бой.
И тени павших в жаркой схватке
Идут незримо стеной...
Вперёд, герои!
Предкам внемля,
Рубите ворога сплеча:
Кто шёл с мечом на нашу землю —
Пусть сам погибнет от меча.
Хоть путь тяжёл, барьеров много,
Но твёрд народ наш, исполин.
Теперь у нас одна дорога,
Дорога эта — на Берлин!

ЗДРАВСТВУЙ, ПСКОВ!

Любимый Псков! Как трудно в этот час
Мне мысли высказать. Ведь ныне
Я вновь с тобой. Не разлучили нас.
Я вновь встречаюсь с древнею твердыней.

Не верится. Неужто наяву
Иду по плитам, с детства мне знакомым?
Как даль, воспоминания плывут,
И горечь к горлу подкатила комом.

Кругом развалины. Бросает в дрожь.
Враги убить тебя, мой Псков, хотели.
Родимый город! Как ты непохож,
Как много ран на непокорном теле!

Не стало прежней города красы —
Всё взорвано, всё в диком беспорядке.
И на дворце Советов замерли часы,
Остановилась стрелка на девятке.

И над рекой Великой вздыблен мост,
Как будто в ужасе застыл от взрыва.
Печные трубы вытянулись в рост,
О страшных днях вещая молчаливо.

Молчат сады, объятые тоской,
Угрюмо дуб нахмурился у склона...
Уж не твоя ли кровь, мой Псков родной,
Разбрызгана по листья клёна?

Сверкает клён, оранжевый, как медь,
Он видел всё, он слёз твоих свидетель.
Но день настал, — опять ему шуметь:
Уже подул с востока обновленья ветер.

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЕЛЕНА МОРОЗКИНА

Елена Николаевна Морозкина (16 апреля 1922 — 12 декабря 1999) — российский архитектор-реставратор, искусствовед, поэт. Родилась а в местечке Чёрный Бор (ныне — в черте Смоленска). После начала Великой Отечественной войны, в возрасте 19 лет (1942 год) ушла добровольцем в Красную армию. Три с половиной года служила рядовым в зенитной части — пулемётной роте 289-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

Вся жизнь Е. Н. Морозкиной — это талантливое сочетание поэта и художника, любящего Псковщину — все научное и литературное наследие поэтессы сегодня одна из самых ценных строк в летопись древнего Пскова.

ГОД 41-Й

Ничто
Никакой
Не имеет цены,
Кроме луны и звезд,
Дождя и солнца,
Морской волны
И почки, идущей в рост.
И родниковой чистой воды,
И отчего очага,
И сердца друга — во дни беды,
И пули — в сердце врага.

* * *

Ты не с палкою суковатой
По Руси пошла босиком,
А пошла, как Ванёк, во солдаты.
Записал тебя военком.

Построенье в тёмной приёмной —
Узелки, узелки, узелки...
Снег и грязь размесили колонны,

Отплывают грузовики...
Отплывают они не за счастьем,
А навстречу суровой судьбе...
И в какой же воинской части
Отслужить придётся тебе?

* * *

Эшелон грохотал — на фронт!
На платформах — орудия.
Пил и пел офицерский вагон...
Люди-люди!
«Всё, что было,
Всё, что мило,
Всё давным-давно уплыло...»
Оторвались от тыла.
Проплывали печей могилы...
Обелиски труб...
«Всё, что было,
Всё, что мило...»
А у станции — труп.

Выбегали девчонки в шинелях:
Брёвна — на дрова!..
Подымали их еле-еле...
Раз-два!
Не мужчины!
На глазах курящего чина.

И мелькали талые дали.
И бежали зигзаги траншей.
И девчонки лежали-мечтали,
Мылись снегом, щёлкали вшей.
И колёса скрипели, скрипели...
И качался, стучал вагон.
И тихонько «Лучинушку» пели.

Эшелон грохотал — на фронт.

* * *

Мы все, как солдаты:
Раз-два!
Раз-два!
Раз-два и обчёлся —
Долой голова.

Мы все, как солдаты:
Налево — кругом!
Налево?
Там выпьем
До встречи с врагом.

Не в службу, а в дружбу —
Достанется на всех!
Ругнём нашу службу,
Соврём про успех.
Но то, что нам свято,
У нас не отнять:
Мы все, как солдаты —
Нам насмерть стоять.

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. АЛЕКСАНДР ГОРЮНОВ

Горюнов Александр Алексеевич (01.11.1915 — 06.11.1988) Родился в деревне Беньково Вышневолоцкого района Тверской области в крестьянской семье. Трудовой путь начал в 1932 году. Работал учителем русского языка и литературы. Был призван в Красную армию Вышневолоцким РВК 27 июня 1941 года. Служил в разных частях 27-ой Армии Северо-Западного фронта, в последствии переименованной в 4 ударную Армию сначала Калининского, потом 1-го Прибалтийского фронта заведующим делопроизводством. С июня 1945 года был заведующим общим и секретным делопроизводством финансового отдела Прибалтийского Военного округа.

В годы войны сотрудничал с редакциями фронтовых газет 4-ой Ударной армии «Вперёд на врага», «Врага на штык», а также Прибалтийского военного округа. Демобилизован в звании лейтенант в 1946 году

* * *

Ещё дымились воронки,
И там, где выжжена трава,
Я вдруг услышал
Голос звонкий,
Простые, ясные слова.

Весь пропылённый, загорелый,
На камень опершись рукой,
Стоял боец в шинели серой
Над Шпрее — мрачною рекой.

У ног его,
Уже безгласный,
Берлин поверженный лежал.
А он восторженно и страстно
Гвардейцам Пушкина читал.

И понял я:
Пройдя полсвета,
Далеко от родных берёз,
Стихи великого поэта
Он в сердце бережно пронёс.

МАТЕРИ

В сорок первом году это было:
В блеске зарев вставал горизонт,
И немало ты слёз уронила,
Сыновей провожая на фронт.

Но звучал в назиданье солдатам
Твой простой материнский наказ:
— Стойте крепко, мои соколята, —
Вся страна за плечами у вас!

Пролетали суровые годы,
И, тревогу, в груди затая,
Все ждала ты, когда из похода
Возвратятся твои сыновья.

И, чтоб встретить скорее героев
В дорогах, с детства милых краях,
Ты работала, силы утроив.
На просторных колхозных полях.
Не сломили нас бури и грозы,
Мы врагу отомстили в бою
За твои материнские слёзы,
За великую правду твою.

Встав сурово у мира на страже,
Светлый край прославляя трудом,
Мы любимую Родину нашу
Твоим именем нежно зовём.

* * *

Снаряды падали в поля,
Гремел железный гром,
Свистели пули, и земля
Ходила ходуном.

Но сквозь колючий бурелом,
Вступив в свои права,

Шла в наступленье, напролом
Весенняя трава.

Играл нетерпеливо май
Листою лозняка.
Как журавли, в родимый край
Летели облака.

Не зная устали и сна,
Мы все рвались вперед:
Затем, чтоб в мир
Вошла весна
На полный разворот.

* * *

Пламенеют над Волгой закаты,
Дышат летней прохладой поля...
Я люблю тебя нежно и свято,
Золотая отчизна моя!

Не сгибаясь под ношею тяжкой,
Перешел я отцовский порог;
Мне в пути обметали ромашки
Пыль с тяжелых солдатских сапог.

Видел я твоих сёл пепелища.
Слышал, ухо к земле приклонив,
Как ветра бесприютные свищут
На широких равнинах твоих.

Шли за днями тревожные ночи,
Но, как верности верной залог,
От родимой берёзы листочек
Я в блокноте походном берёг.

ОБЕЛИСК НАД ЛОВАТЬЮ

Где, автоматам вторя, мины
С холодным бешенством рвались,
Сейчас, купаясь в небе синем,
Стоит крылатый обелиск.

Он с крепости времён петровских
В прохладу Ловати глядит
И красотой своей неброской
Так много сердцу говорит.

Он говорит, как в дни былые,
Единой спаяны судьбой,
Шли с братьями сыны России
На грозный штурм,
На страшный бой.

Был воздух взрывами расколот,
От жара плавился металл, —
И все затем, чтоб ты, мой город,
Весну свободную встречал.

Вовек поре той не затмиться,
Ей в сердце пламенем гореть!..
Сюда идём мы поклониться
Солдатам, что презрели смерть;

Всем, кто не дóжил до Победы,
Кто, верность Родине храня,
Отвел от мира грозы-беды
И возродился из огня.

Их доблесть
Мой старинный город
Не позабудет никогда.
...Во славу жизни в небе гордо
Горит бессмертия звезда.

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА

Николаева Елена Николаевна (14.05.1924 — 19.06.2010) — поэт, прозаик, член Союза российских писателей. Родилась в селе Вздрючек Куньинского района Псковской области. В 1941 году окончила Великолукское медицинское училище.

Призвана в Красную Армию Великолукским РВК 26 октября 1941 года. Служила полевой медсестрой на Ленинградском, Калининском, 1-м Белорусском фронтах в звании младший сержант, затем в 783-м санитарном батальоне 16-й воздушной Армии. Победу встретила под Берлином. После войны работала по вольному найму заведующей делопроизводством в воинской части Группы советских оккупационных войск в Германии.

* * *

Уходили в бой мужчины-
Звал, гудел набат.
А войны дороги длинны-
Кто придет назад?
Бога женщины просили:
-Боже, сохрани!
За Великую Россию
В бой ушли они.
И молились, и говели,
Заглушая боль.
С горя гнулись
и старели,
Но жила любовь.
Сколько писем
написали,
Плача в тишине!
И с надеждой ждали,
ждали
Павших на войне.

БОЙ В ПУТИ

Идет дорогами беда,
могилы вдоль обочин,
и поезд нас везет туда,
во тьме осенней ночи.
из боя в бой
 к земле чужой...
Но утро забелело,
и брызнул в щели
 свет живой —
Заря лучи продела.
И вдруг удар!
 Состав застыл —
налет! — бьют слева,
 справа.
Крестами небо враг закрыл
и рассчитал удары.
Мы кто куда —
 кричим, бежим
от смерти врассыпную.
К земле прижались у межи,
легли в траву сухую.
В дыму не видно света дня,
горит земля родная!
Но тише...
 тише...
 из огня
мы встали, замирая.
Еще дрожим, черны до глаз,
Подходим к командиру:
Считаем мы, считают нас,
В крови приносят Иру.
А поезд ждет.
 Один вагон
Отцеплен, догорает.
Последний вздох,
 последний стон —
Подруга умирает.

МЕДСЕСТРА

В комочек сжалась,
Села у костра.
Холодный ветер
Обжигает плечи
Не согреет руки

Ей кажется,
Что холод этот
вечен.

А ей бы лечь
И выспаться хоть раз
За долгий путь войны
по-человечьи.

И отдохнуть,
Чтоб гром войны не тряс
Хотя бы день один всего

Иль вечер.
А сон берет.
Все дальше голоса...
Смыкаются ресницы
 поневоле.

Подходит мать
И смотрит ей в глаза...
Родным теплом
Повеяло до боли.
-Откуда, мама!

Мамочка моя,
Ты здесь со мной?!-
К ней бросилась
навстречу.

И, вздрогнув,
Отшатнулась от огня...
Холодный ветер
 обжигает плечи.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Последний залп,
последний выстрел
в цветущем мае прозвучал.
Погас в ночи последней искрой,
заглох, затих и замолчал.

На грудь земли
чужого края
Душа солдата прилегла.
Над ней взлетела тишь земная
и распростерла два крыла.

На крыльях
россыпь золотая
и свет, как стая голубей.
Душа солдатская святая
звезде молилася своей...

Окончен бой
большой и страшный.
Солдат готовился домой:
в последней схватке рукопашной
он покачнулся над землей...

И ветер тут с родного края
к нему тихонько подошел:
припал, как сына, обнимая,
солдату стало хорошо.

Он взгляд на север
вдаль бросает –
слезинку некому стереть...
Рассвет над миром оживает.
В тиши прошла немая смерть.

Германия, 1945

ПОБЕДА — ВЫСШАЯ НАГРАДА

Бедя не всем была одна,
когда крестила нас война.
Не все стояли в поле ратном...
Войну всю отдали солдатам.
Они построили полки
и «гостью» встретили в штыки.
Строптивость дружно укрощали
и по-солдатски угощали.
Война их за душу взяла
и за собою повела.
Легла на плечи им — несли,
рубилa головы — росли.
И, потрясенная, спросила:
— Откуда в вас такая сила?
Они сказали:
— Впредь не лезь!
У нас в груди Россия — здесь!
На них она бросалась,
но
не отступали все равно.
Заткнули душу под ремень,
топтали землю ночь и день.
В мешке еда, в мешке тепло,
в глазах от тяжести — темно.
Ни слез, ни стоны — знали:
надо
ПОБЕДА — высшая награда.

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЛЕВ МАЛЯКОВ

Маляков Лев Иванович (1927, дер. Калашниково Гдовского района Псковской обл. 2002, г. Псков) русский советский поэт, прозаик, участник партизанского движения.

Родился 11 января 1927 года в деревне Калашниково Гдовского района в крестьянской семье. До войны закончил семь классов. В 1941 году ему исполнилось 14 лет. В годы оккупации сражался с фашистами в составе Второй Ленинградской партизанской бригады. В 1944 году до достижения призывного возраста Лев Маляков ушёл служить добровольцем в Военно-Морской флот. Был радистом на торпедном катере. За участие в боевых действиях по освобождению Прибалтики от фашистских захватчиков награждён боевыми медалями и Орденом Отечественной войны 2-й степени.

МАТЬ

В тот вечер холодный,
В тот вечер
Ты долго за ротою шла.
Как ворон, на скорбные плечи
Садилась чернущая мгла.

С бойцами усталыми рядом
Ты шла далеко за село
И вслед
Всепрощающим взглядом
Глядела, глядела светло.

Мы в ливни ходили стальные
И видели: рядом ты шла
По гневной великой России,
Спасала в минуты лихие
И совестью нашей была.

ПРИСЯГА

Гулко падали листья в ночь,
Звонко сыпались в август звёзды.
Нам никто не может помочь:
День и ночь
Фронт уходит прочь...
Ох, как душен
Холодный воздух!

Обложили село кольцом,
Топчут травы чужие солдаты.
И над школьным резным крыльцом
Хлещет свастикой флаг в лицо,
Глуше, глуше боев раскаты.

Кто нам скажет: когда,
Когда
Возвратятся наши с победой?
На селе — не в страду страда:
Придавила людей беда,
И пути всего — до соседа.

За село однажды тайком
Ночь свела сыновей солдаток:
Мы на цыпочках, босиком,
Где бегом, но больше ползком —
Прочь от вражьих колючих рогаток.

Мы ложились земле на грудь,
Забывали про все невзгоды,
Замирали, страшась дыхнуть,
Слово другу боясь шепнуть,
Землю слушали возле брода.

Под щекою в мягкой пыли,
Где Желча у камней смеётся,
Билось сердце родной земли.
Это значит — бои вдали,
Это значит — Русь не сдаётся!

Мне запомнилась эта ночь:
Над рекою созвездий гроздь,
И присяга —
Отцам помочь...
Гулко падали листья в ночь,
Звонко сыпались в август звёзды.

У КОСТРА

Думы уползают, как паром,
На волнах годов в иное лето.
Наша дружба давняя согрета
Партизанским памятным костром.

Сердце выжгло горечью дотла —
Нам невольно у огня молчит.
Машенька — предвестница-синица
В январе
желанного тепла.

Улетела не за океан,
Сгнула в немецком гарнизоне...
Не горит костёр,
от боли стонет.
Всхлипнув,
Пригорюнился баян.

Ты ль не говорила:
Будем жить!
Не ошиблась веселунья наша.
Мы на тридцать лет сегодня старше,
Но тебя не можем позабыть.

Посидим у нашего костра,
Не пугая громкими словами
Память о былом...
Побудешь с нами,
Маша — медицинская сестра.

ДУША ГОРИТ...

О время, время!
Плачут соловьи,
А вороны восторженно кричат...
Мне до сих пор
Грозят дымы твои
И душит по ночам
Тот страшный чад.
Он всё растёт.
В обугленных руках
Вздымает зов —
Проклятье палачам.
Ему греметь —
Не отгреметь в веках,
Сожженных воскрешая по ночам.

Я видел сам:
Каратели в гумно
Людей швыряли,
Как поленья в печь...
Я не сожжён,
Но душу все равно
Мне от того сожженья
Не сберечь.

Душа горит!
И через тридцать лет
Тревожат рощу плачем соловьи.
О время, время,
Мне дымы твои
И ныне заволакивают свет...

БЕССМЕРТЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. НИКОЛАЙ ИВАНОВ

Николай Иванович Иванов. Родился 4 декабря 1926 года в Тверской области. В 1934 году семья переехала в город Торопец. До начала Великой Отечественной войны окончил семь классов. Четыре месяца был в немецкой оккупации. После освобождения города, в 1942 году, пошёл работать в МТС. В 1943 году ушёл на фронт. Участвовал в боях в Румынии, Югославии, Венгрии. За форсирование Дуная награждён медалью «За отвагу». Под Будапештом был дважды ранен. В 1945 году вернулся в Торопец. Работал трактористом. Заочно окончил Московский техникум трудовых резервов и в 1954 году был направлен в новое училище в г. Великие Луки на преподавательскую

работу. В настоящее время проживает в Великолукском районе Псковской области.

ОТЗОВИТЕСЬ!

Отзовитесь, павшие на Буге,
Факелом сгоревшие в войне,
В поле похороненные вьюгой
Или утонувшие в Десне.

Прокричите из застенков плена,
Из пропахших морфием палат,
Только раз, восставшие из тлена,
Возвратитесь мысленно назад.

Из болот, траншей, из-под развалин
Голос ваш услышим в тишине.
Только сообщите, где вы пали,
Только расскажите о себе.

Отзовитесь вновь из Сталинграда,
Из-под Курска, из Великих Лук,
Только раз, и большего не надо,
Ни медалей ваших, ни заслуг.

Пусть помянут старенькие жёны,
Правнуки помолятся о вас,
Чтобы свет сияющей иконы
От свечи зажжённой не погас.

ПОД СТУК КОЛЁС

Громяхают на Запад вагоны,
А деревья бегут на Восток.
Побежать бы нам с ними до дома,
Только дом тот уж очень далёк.

Над теплушками горького дыма
Разметался кудрявый клубок.
Жизнь солдата с тем дымом сравнима,
Как упавший в золу уголёк.

Повторяют на стыках колёса:
«Буду жить, буду жить, буду жив».
И до ночи сползает с откоса
Грустной песни солдатский мотив.

Там, на нарах, накрывшись шинелью,
В забыти, как немое кино,
Видит парень под старою елью –
Дома светится ярко окно.

У окна накрывается ужин,
Две сестрёнки и старая мать.
Может статься, он будет контужен
И не сможет их больше узнать.

Может быть, что из этого дома
Навсегда он ушёл поутру
И на фронте сгорит, как солома,
В сухостойный июнь на ветру.

Только хочется, чтобы солдата
Этот поезд повёз на Восток
И с победною песней обратно
Невредимым вернуться он смог.

СТРАШНО ЛИ СОЛДАТУ НА ВОЙНЕ?

Думал ли о смерти на войне,
О ещё не наступившей ночи,
Как в кошмарном вымученном сне,
О весне, о доме и о прочем?

Если пуля ищет лишь тебя,
Может быть она шальная даже,
Значит, утро встретить не судьба
И вопрос становится не важным.

И работы непочатый край –
Сколько тех полей перед тобою.
Может у кого-то будет май,
Под огнём лежим в снегу зимою.

Незачем заглядывать вперёд,
И прожить ещё хотя бы сутки.
Быстро таял наш неполный взвод
У какой-то станционной будки.

Наша цель – продвинуться ещё,
Это смогут сделать лишь живые.
«К бою!» - выдвигается расчёт
И ползут в бессмертье рядовые.

Страшно ли солдату на войне?
Взвод уйдёт, и кто меня поднимет?
Все забудут вскоре обо мне
Будто и не шёл я рядом с ними.
Вместе не обидно умирать,
Делим долю общую на дольки.
Жаль лишь только плачущую мать
Над листком чернильной похоронки.

ОДНОПОЛЧАНИНУ

Пришло письмо от побратима,
Чрез толщу лет, издалека.
Душа солдатская ранима,
Слеза прошибла старика.

Я не забыл тебя, Серёжа,
И пулемётчиков моих,
Траншеи глинисто ложе,
«Максим» тяжёлый – на двоих.

Дожди нам были ненавистны,
В земле сидели, как кроты,
Нас оголтелые фашисты
Пытались сбросить с высоты.

Они нас танками давили,
Горели «тигры» под горой:
Мы всё же их остановили,
Накрыв завесой огневой.

Нам было лет всего по двадцать,
Никто про это не сказал,
Но приходилось расставаться:
Кто в «наркомзем», кто в «наркомздрав».

Да, список личного состава
Всё меньше, меньше с каждым днём,
Но не тускнеет наша слава,
Не порастёт война быльём!

Хотя давно свершилась битва,
Кто искалечен, кто убит,
Ничто пусть будет не забыто,
Никто пусть будет не забыт!

Словенское поле.
Священный Холм единения и славы России

Избранные произведения участников фестиваля

2020 год

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ – 2020 ФЕСТИВАЛЬ, КОТОРОГО МОГЛО НЕ БЫТЬ

В середине сентября 2020 года в Псковской области состоялся юбилейный десятый фестиваль исторической поэзии «Словенское поле – 2020».

Разумеется, подготовка к фестивалю началась задолго до его проведения. Сентябрь-октябрь 2019 года стали периодом напряжённой работы по подготовке заявки на соискание гранта Президента Российской Федерации. Именно тогда планировался и фестиваль 2020 года, продумывались его мероприятия, осмысливались детали. Победа в конкурсе президентских грантов совпала с первыми известиями из Китая о новой коронавирусной инфекции. Но где Китай, а где Псков?.. Тогда мы и думать не могли, что заболевание, зародившееся в далёкой китайской провинции, перевернёт жизнь всего мира и напрямую отразится на проведении фестиваля. С 1 марта 2020 года началась реализация литературно-исторического проекта «Чтобы помнили», тогда же, в марте, пандемия коронавируса докатилась до России, а уже к маю стало понятно, что юбилейный фестиваль «Словенское поле» может не состояться. Разумеется, я имею в виду очный формат фестиваля, с открытием у «Священного Холма единения и славы России», приношением к нему земель, чтением стихов на площадках фестиваля и другими литературными мероприятиями, многие годы проходящими на псковской земле.

«Словенское поле» традиционно проводится в последние выходные дни июля. В 2020 году фестиваль изначально планировался на 24-26 июля, но именно на июнь-июль в России выпал пик заболеваемости коронавирусной инфекцией и о соблюдении запланированных сроков говорить уже не приходилось. К тому же, закрытие границ, как и неодинаковая эпидемиологическая обстановка в регионах России, подразумевало, что многие потенциальные участники на фестиваль приехать попросту не смогут.

Идея проведения фестиваля онлайн, в сети интернет, безусловно рассматривалась, но никакое интернет-мероприятие с многочасовым сидением у монитора компьютера не заменит живое общение, не передаст атмосферу нашего фестиваля. И мы решили рискнуть, приняв решение о переносе фестиваля исторической поэзии «Словенское поле – 2020» на середину сентября. Одновременно мы объявили о проведении в рамках фестиваля заочных конкурсов, чтобы дать возможность принять участие в фестивале всем желающим, независимо от эпидемиологической обстановки в регионе проживания.

А дальше последовала незаметная для многих работа: приём заявок, оценка поэтических произведений членами жюри, составление длинных

и коротких списков, взаимодействие с партнёрами фестиваля, в общем, всё то, что называется подготовкой к проведению поэтического форума. К этому стоит добавить ежедневный просмотр статистики заболеваемости в регионе и отслеживание изменений, вносимых в указ Губернатора области по карантинным мероприятиям, и наши надежды на то, что к сентябрю ситуация улучшится.

То, что надежды оправдались, можно назвать маленьким чудом. Во второй половине августа ситуация с заболеваемостью коронавирусной инфекцией в Псковской области стабилизировалась, число заболевших стало уменьшаться, в связи с чем был снят ряд ограничительных мероприятий и стало возможным проведение фестиваля «Словенское поле – 2020». Учитывая, что организация мероприятий в закрытых помещениях была ограничена 30 участниками, мы приняли решение проводить ключевые мероприятия фестиваля «Словенское поле – 2020» на открытых площадках Государственного природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск». При этом пришлось отказаться от поэтического вечера «Вне формата», который ранее ежегодно организовывался в одном из кафе Пскова. 31 августа было получено согласование Управления Роспотребнадзора по Псковской области на проведение фестиваля, разумеется, со всеми сопутствующими этому условиями, такими как бесконтактное измерение температуры у участников, соблюдение социальной дистанции, наличие масок в случаях, когда эту дистанцию выдержать невозможно, наличие антисептиков для рук. Не буду утомлять читателя перечнем дел по подготовке фестиваля, выполненных за неполные две недели до его начала. Результат этой работы смогли увидеть и оценить участники поэтического праздника.

Первый фестивальный день традиционно начался с экскурсии. В этом году главной экскурсионной достопримечательностью стал Псков. Трёхчасовая экскурсия закончилась у памятника псковичам – участникам Первой мировой войны, с возложением цветов к памятнику и чтением стихов об этой войне. Приятным сюрпризом-стало участие в этой акции Главы города Пскова Елены Полонской, которая приветствовала участников фестиваля, отметив важное значение этого поэтического форума для Пскова. Завершением мероприятий первого дня стал круглый стол «История России в литературе и литература в российской истории», организованный редакцией Литературной газеты и Псковским региональным отделением Союза писателей России. Это единственное мероприятие, которое мы провели в закрытом помещении, впрочем, количество его участников не превысило связанные с коронавирусом ограничения. Как написала о круглом столе Литературная газета: «...пришли только те, кого действительно интересовала заявленная тема». А разговор получился интересный, жаркий, отчасти вышедший за рамки первоначальной темы. Говорили о противодействии попыткам фальсификации истории, о достоверности исторических событий и портретов исторических личностей в литературных произведениях, о самоцензуре автора и даже о ненормативной лексике в современной литературе.

Второй день традиционно начался у «Священного Холма единения и славы России», где председатель Псковского регионального отделения Союза писателей России Игорь Смолькин объявил фестиваль исторической поэзии «Словенское поле – 2020» открытым. Первый заместитель председателя комитета по культуре Псковской области Вера Алексеева поздравила всех участников с открытием фестиваля, а также зачитала приветственный адрес первого заместителя Губернатора Псковской области Веры Емельяновой. Участников фестиваля приветствовали директор государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск» Наталия Дубровская, председатель жюри конкурса «Высота», посвящённого памяти 6-й роты – поэт Игорь Тюленев и председатель жюри конкурсной программы фестиваля «Словенское поле – 2020» – поэт Дмитрий Мизгулин. После приношения земель к Священному Холму и традиционного фотографирования участники фестиваля направились в «нескучный садик» музея-заповедника «Изборск», ставший на время поэтического форума большой литературной и концертной площадкой, где прошла конкурсная программа фестиваля, многочасовые поэтические чтения, а также выступления псковских бардов, которые ежегодно поддерживают наш литературный форум, добавляя к поэтическому слову перезвон гитарных струн. В перерыве между выступлениями состоялась экскурсия по музею-заповеднику Изборск. Что же касается общения поэтов, обмена мнениями, обсуждения идей и совместных проектов, то, как мне кажется, они не прекращались с момента встречи у автобуса перед поездкой в Изборск и до возвращения в Псков.

Третий, заключительный, день фестиваля вместо традиционного концертного зала мы вновь проводили в «нескучном садике». Юбилейный десятый фестиваль как никогда был щедр на дипломы и памятные подарки: чествовали победителей конкурса «Высота», победителей конкурсной программы «Словенского поля», дипломами «Заслуженный участник фестиваля» были награждены поэты, принимавшие участие в пяти и более фестивалях «Словенское поле». Не остались без наград постоянные партнёры фестиваля, а также средства массовой информации и отдельные журналисты, в течение многих лет освещавшие работу нашего поэтического форума. По сложившейся традиции поэты, не ставшие победителями конкурсной программы, либо принимавшие участие в фестивале вне конкурса, получили памятные дипломы участника фестиваля «Словенское поле – 2020», такие же дипломы были вручены псковским бардам, а также юным талантливым музыкантам и чтецам Михаилу и Ивану Размысловичам, выступившим перед участниками фестиваля с литературно-музыкальной программой.

Именно в третий, заключительный день фестиваля была проведена акция «Книга в подарок», в ходе которой поэты передали свои книги в дар библиотеке

Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Псковская общеобразовательная школа-интернат».

В очной программе фестиваля приняли участие 52 поэта, прозаика и автора-исполнителя. Ещё 80 поэтов стали участниками заочных конкурсов фестиваля. К сожалению, из-за пандемии коронавируса не все желающие смогли участвовать в этом поэтическом форуме. Буквально в последние предфестивальные дни мы получили 7 уведомлений о том, что поэты не смогут приехать из-за собственной болезни, болезни родных и близких, либо в связи с ограничениями, введёнными РЖД для проезда лиц, возрастом старше 65 лет. Уже в ходе фестиваля пришлось отменить заявленные в программе выступления юных участников акции «Бессмертный полк русской поэзии» из-за болезни (к счастью, ОРВИ, а не коронавируса) нескольких учащихся театральной студии детской школы искусств села Серёдка, откуда должны были приехать юные чтецы.

Но главное – фестиваль состоялся, что в сложившейся эпидемиологической ситуации само по себе кажется чудом. Написана ещё одна глава истории фестиваля «Словенское поле», истории русской поэзии, истории России.

И ещё одно маленькое чудо. Накануне фестиваля в Пскове и пригородах неделю шёл дождь, но, как по команде свыше, в день начала поэтического форума небо прояснилось и за три дня фестиваля на его участников не упало ни одной капли. Но уже на следующий день после окончания нашего поэтического праздника вновь начались дожди...

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

Над полем Словенским высокое небо,
Равнина простёрта до дальних лесов.
Летают стрекозы и кружится слепень
Средь трав луговых и июльских цветов.

Рассыпались в поле ромашки, как звёзды,
Умытые тихим тягучим дождём.
А в белую ночь оживают берёзы
И листьями шепчут о чем-то своём.

Словенское поле — славянская доля...
Когда-то здесь бились в сверканье мечей
За наших богов, за свободу и волю,
За чистые воды Словенских ключей.

За право, за правду, за наши сказанья;
За то, чтоб сердца оставались чисты;
За то, чтобы русского слова звучанье
Будило не зло, а поток доброты.

На глади озёрной мелькнут и растают
Виденья вдали пролетающих птиц.
И царствуют здесь лебединые стаи
Без всяких правительств и душных столиц.

Словенское поле, топтал тебя враг,
Но мы не боялись ни лжи, ни угроз.
Ни хитростью он нас не взял, ни измором —
Оплотом остался нам древний Изборск.

Здесь наша земля — все равнины да взгорья,
Столбы да камня, кусты да межи.
А ветер, летящий в широком просторе
Завидует шири славянской души.

СОЛДАТ

Голубело утро раннее
Устоявшейся весной, —
Как вернулся он, израненный,
Искалеченный войной,
Где в бою не дрогнул, выстоял,
Славу добрую снискал...
Он в сенях курил неистово —
К новой жизни привыкал.
Как назло, лишь беды грезятся —
Ну, куда теперь без ног?
Никого к себе с полмесяца
Подпустить солдат не мог,
Даже друга, друга Якова
(Вместе вышло воевать), —
И жена тихонько плакала,
И вздыхала тяжело мать.
Но однажды... слышат жители —
У разошедшихся ворот
Запинаясь, нерешительно,
С хрипотцой — гармонь поёт.
И, чем больше было алости
В нарождавшейся заре,
Тем всё больше было радости
В разгоравшейся игре.
А гармонь, сияя планками,
Непростой вела рассказ,
И хотя порою плакала,
Но уже в последний раз!

* * *

С гор Уральских смотрю на Восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе звезда
Вифлеем выбирает она.
Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдёт в каждый дом,
Заберёт у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как в заре небосвод —
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

АЙЯ-СОФИЯ

*Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?
Ф. Тютчев*

Я по турецкому Царьграду
Мимо Олегова щита
Брёл, уподобившись Синдбаду,
В Стамбул приплыв издалека.

Босфор изогнут был красиво
Мамлюкской саблей на заре...
И вот она — Айя-София
Спит в Византийском серебре.

Премудрость Божия — София,
Век можно на тебя смотреть!
Султана истина взбесила —
Он превратил тебя в мечеть.

Ты величайшая из храмов,
Крестившая княгинь Руси.
Пережила ты столько хамов...
Мы просим, Господа: «Спаси!»

Спаси для нас Айю-Софию,
Иначе мы перекрестясь,
Почувствовав былую силу,
Царьград возьмём, как русский князь!

Ударим в колокол в Царьграде,
Как русский гений завещал!
В Крым возвратимся на фрегате
И отсидим на гауптвахте,
Чтоб «храбрый» турок не пищал.

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Так, значит, есть Небесная Россия,
На холмах облачный алмазный вертоград,
И нету тьмы — лишь голоса родные,
Словно лучи пронизывают сад.

А мне и любо: Пушкин и царевны,
А мне и славно, кто ж не будет рад,
Что нет лгунов — итоги их плачевны,
За пазухой у бога нет наград.

И нет блудниц, тем паче — власть имущих,
Нет распрей, грабежей и воровства,
Роскошные реликтовые кущи
Оберегают русские слова.

Порой душа пугается напрасно,
Переступить бессмертия порог,
Того не зная — умирать не страшно,
Коль Господу угоден русский слог!

* * *

*Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья
И. Бунин*

Осенью поеду на охоту.
За окном вагона — ночь, темно.
И о чем когда-то думал кто-то,
Именуя это место — «Дно»?

Холодно. Туманно. Сыровато.
Стынет воздух в синей тишине.
Здесь отрекся русский император,
И помчалось лихо по стране...

Здесь теперь, конечно, всё иначе.
Дом — без крыши. Церковь — без креста.
Но всё так же птицы горько плачут,
Оставляя милые места.

Вот летят, летят нестройным клином
И курлычут горько журавли...
Господи, ужели нас не минет
Участь этой горестной земли?

Много есть похожего на свете,
Но судьба у каждого своя.
И осенний, однозвучный ветер
Все гудит-поет в стволы ружья.

Как же от беды нам уберечься?
Как же нам родных не растерять?
И ужели надобно отречься,
Чтоб из пепла праведным восстать?..

* * *

Не дай-то бог, случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воет до утра.
Когда закружит вьюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.
Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена,
Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Не сможет даже СЛОВО
Тебе ничем помочь.

* * *

Смотрю на первый снег летящий
В сухой морозной лунной мгле,
Как много жизни настоящей
На этой сумрачной земле.

Где нет понтов и нет престижа,
Где бродит леший по лесам,
Где всё наивно и поближе
К обетованным небесам.

Давно получены награды
И стихнул ветер перемен,
И ничего тебе не надо —
Ни власти дым, ни денег тлен.

Устои рушатся и царства,
И ты, конечно, поспеши,
Прими молитву как лекарство
Для врачевания души.

И, переплыв сомнений реку,
На дальнем выйди берегу...
Как мало надо человеку,
Как много надо дураку...

* * *

Я не уеду никуда —
Останусь дома,
Где светит поздняя звезда,
Где всё знакомо,

Мой край озёрный и речной
Угомонился,
И, остывая, дым печной
С туманом слился,

В деревне каждый дом уснул,
Никто не слышит,
Как дождь ночной слегка плеснул
По чёрным крышам,

Во мгле фундаментальных лип
Мелькнуло платье,
Уключин осторожный скрип,
Слова, обьятья...

-

В сиянье лунном даль видна
Речной излуки,
И шепчет сонная волна
Слова разлуки.
Смотрю на даль осенних вод
На том причале,
Где мой последний пароход
Давно отчалил.

* * *

Владимирщина. Хмурые холмы
В размытой глине дух тысячелетий,
Улыбки увядающих соцветий,
Бессильные перед лицом зимы

Здесь раньше, оглашая тишину,
Скакали грозные опричники Ивана,
А нынче заросли вселенского бурьяна,
Втихую одолевшего страну.

Вот серой птицы промелькнула тень.
Как стон её и жалобен, и зычен!
Неужто беды новые накличет
На головы поникших деревень?!

Порывисто вздыхает близкий лес,
И ветер клонит травы ниже, ниже.
И кажется: я больше не увижу
Простор ликующий безоблачных небес.

...

А мне бы стать отшельником на Севере:
ловить форель, молиться в небеса
на тихий свет, сквозь облака просеянный,
и слышать Трифона¹ и братья голоса.

Расчёсывать укусы комариные,
и, укрепляясь муками Христа,
поститься терпкой горечью рябиновой,
не думая о трудности поста.

¹ Святой преподобный Трифон Печенгский — основатель самого северного в мире Свято-Троицкого Трифонов Печенгского монастыря

ПЕСНЯ ОПОЛЧЕНЦА

Эта Горловка —
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь — всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно — ты.
Нет, не умерло
в грозных сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка —
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

* * *

Ольге Блюминой

Отчего здесь такие горячие звёзды?!
Даже могут насквозь твоё сердце прожечь.
На студёных ветрах, вышибающих слёзы,
здесь так трудно остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул из-за тьмы терриконов,
словно зыки разбуженных бесов войны.
Но сильнее всё равно светлых глаз непреклонность
среди разорванной в клочья ночной тишины.

А в Сибири берёзы русские
разбегаются по полям...
Как бы так меж ракетными пусками,
умудриться припасть к корням?!

Дым и грохот над полигонами,
мечет пламя стальной вулкан...
А берёзы, в простор влюблённые,
Дарят золото облакам.

БОРОДИНО

...как наши деды умирали...

М.Ю. Лермонтов

Над Бородинским полем синева.
Торжественное золото по склонам.
И, как и прежде, позади Москва
В предчувствии иных Наполеонов.

О, как могуча наших предков рать!
В дали времён так грозно стяги выются.
Да, надо так и жить, и умирать,
Чтоб к правнукам преданьями вернуться.

Бесславно отступаем мы давно,
И в глубь страны противника пустили...
Так грянет ли для нас Бородино?!
Так сохраним свои святыни или...

ХИЛОВО

Старые лодки уткнули носы в рогоз,
Ключья тумана как будто застыли в танце.
Ивы сплели над протокой висячий мост,
Я бы ступила, да страшно впотьмах сорваться!

Ох, как сыра, как промозгла ночная даль!
Северо-запад не даст никому поблажки.
В голосе тихом невольно расслышишь сталь,
Пороха горечь глотнешь из походной фляжки.

Здесь не проедет конь, здесь заглохнет танк —
Сунется рылом и брюхом увязнет в топи.
А на шоссе ставит мины ночной десант,
Вскоре взлетит на воздух фашистский опель.

Здесь по краям болот не спешит рассвет
Платья рябин развесить в ветвях сушиться...
Здесь у погибших подчас и фамилий нет,
Лишь в котелках и касках земли кашаца.

Не перечесть их, расстрельных могильных рвов —
Возраст от двух и доходит до девяноста!
Порхов, и Луки, и Себеж, и Дно, и Гдов
В первый же год нахлебались страданий вдосталь.

Помнишь Красуху, каратель с надменным ртом?
Помнишь ли тех детей за санным сараем?
Кровь их горит на мундире твоём влитом,
Крик их до неба взметнулся вороньим граем!

Грозно молчит предрассветный еловый бор.
Лаем немецкий шмайссер вспорол дремоту...
...Розовый луч колыхнулся в просвете штор.
Ты за плечо трясёшь меня: что ты? что ты?..

Крыша беседки — для аистов милый дом.
Белые своды, ступени для входа в воду.
Храм у пруда, невысокий за Узой холм...
Мирное чудо неяркой лесной природы.

ЛЕНИНГРАДКА

Памяти

Антонины Михайловны Фляковской

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.
Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чуя ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.
Ты как тень среди других страдальцев —
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!
Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
Времени река не льётся вспять!
Бабушка, ах, если б было можно
Вам тепла и хлеба передать!

...путь домой лежит в январской стыни,
Ни собак. Ни галок. Ни огней.
Да вовек твоё святится имя
В беспощадной памяти моей...

РЫБКА

«Горе и радость!» — она сказала,
Руки ему положив на плечи.
В небе смеркалось, и гул вокзала
Смысл доносил, но слова калечил.
«Радость и... что?» — он спросил с улыбкой.
Ветер косынкой плеснул — и нету!
«Я приплыву к тебе белой рыбкой,
Белой, запомни мою приметку!»
«Шутишь... о чём ты сейчас шепнула?»
«Радость, любимый, во мне бушует!»
Вместе шагнули из тьмы и гула,
Он одесную, она — ошую.
Вместе купе обживали с толком,
Вместе чаёк с земляникой пили...
Он с батареей ушёл за Волхов,
Ну, а её под Москвой убили.
Нам не понять, деловым и ушлым,
Как это страшно — навек расстаться!
Как это — ночью бессонной слушать
Белую рыбку, слегка за двадцать...

НИКАНДРОВА ПУСТЫНЬ

Вьюнок, кукушкин лён, ползучий белый клевер —
Венка родной земли неяркие цветы.
Влечёт меня к себе прохладный Русский Север
Великой простотой разбросанных святынь.
Люпины, резеда, гвоздика полевая,
Черничные кусты в овражине лесной —
Пути к самой себе вернее я не знаю,
Здесь даже чудеса случаются со мной.
Никандровой тропы уложенные брёвна,
Радоновый родник — бессонный синий глаз!
Пусть ноги устают, но я рождаюсь словно,
В студёную купель ныряя в первый раз.
Малина на подол украдкой брызнет соком,
Докучливый комар нацелит копьецо,

Тень утки промелькнёт в разросшейся осоке,
И двери отворит высокое крыльцо!
Обитель тишины, умерь мои тревоги,
Оставь мои грехи и слёзы осуши!
Я обретаю здесь, у храма на пороге,
Лесной недолгий рай, пристанище души...

АВГУСТ

Тянет нивяник зелёные шейки,
Взгляд колокольчика свеж, как и прежде.
Дождь-непоседа из старенькой лейки
Вымочил луга цветные одежды.

Ягодник август, напевник, рассказчик!
Трудно мне будет с тобою расстаться!
Сыростью тянет из порховской чащи,
Ранит осока неловкие пальцы,

Ноет комар-пустозвон, не смолкая...
Спросите: что тебе дорого в этом?
Может быть, это причуда такая,
Может быть, это такая примета —

Кровью черники окрасив ладони,
Тихо смотреть, как у самой дороги
Аисты ходят, что белые кони,
Пряча в траве голенастые ноги?

Август — скитов потаённых смотритель,
Инок Никандровой пустыни дальней...
Тянутся дней паутинные нити,
Полнит вода ключевая купальни...

* * *

В. Кожин

От боя до боя не долго,
не коротко, лишь бы не встать.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
весь фронт наш — незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

* * *

Почему нынче вспомнились мне
те снега, те ветра, те пески
далеко-далеко на войне,
где мы были, как братья, близки...

Пролетали в ночи трассера —
разноцветные звезды войны,
и нам снились в горах до утра
ледяные солдатские сны.

Вот сижу над рекою Москвой,
на гитаре походной бренчу.
Я с войны возвратился живой,
я войну вспоминать не хочу.

Остывает уха в котелке,
недопито во фляге вино.
И сползает слеза по щеке,
что увидеться нам не дано.

И опять вспоминаются мне
те снега, те ветра, те пески
далеко-далеко на войне,
где мы были, как братья, близки.

ПИСЬМО

Прощай, ухожу умирать.
Нас мало уже в батальоне
и нечего нам выбирать
на горном расстрелянном склоне.

Увы, таковы времена,
что выбора нет и исхода,
что армия гибнуть должна
во имя чужого народа.

А коль времена таковы, —
я тоже погибну к рассвету.
Но сын пусть дойдет до Москвы,
ты мне отвечаешь за это.

* * *

Не дай мне Бог дожить до старости
И постепенно умирать,
Когда задует ветер яростный,
А в парусе моем дыра!
Нуждаться в помощи и жалости
И ждать, когда придет пора...
Не дай мне Бог дожить до старости
И стать добычей докторам!

* * *

Держи свою боль при себе,
Она никому не нужна:
Ножом пронзая хребет,
Будет сильнее ножа.

Боль собой накорми,
Душой стремясь к небесам,
Ты взорвешь ею мир,
Или взорвёшься сам.

* * *

А ведь нам говорили, что мы — дураки,
Не для умных устроена эта преграда:
На другом берегу пресловутой реки
Ожидает пустыня античного ада.
Ну и что, зазывали вперед смельчаки,
Ну и что, вот поток, за потоком — свобода.
Пожелай отпустить ободочек чеки
И черпай, сколько хочешь, нектар небосвода.
Нам свобода — награда! Награда за что?
Это песнь и молитва; и цель и причина.
Тяжело излечить отравление мечтой,
И шальную «свободу», что с нами случилась.
Как всегда, Достоевский (опять «Идиот»),

Чтобы русский был понят, примите мельдоний.
И ушедший в туман, хоть куда-то придет.
И умеющий плавать — однажды утонет.
Был оценен фальшивой монетою труд,
Чем быстрее, тем дальше бежали недели.
Или смерть не красна, или тесно в миру,
Только небо — отдельно и люди — отдельно.

* * *

Я тоже из лучших,
Неважно — брюнет или рыжий.
Ну чем я не Пушкин?
Ну разве что рожей не вышел.
Такие же губы,
И профилем Бог не обидел,
Враги меня любят,
Друзья иногда ненавидят.
Сколь это не вздорно,
Я сплю исключительно ночью.
От женщин — в восторге,
А женщины что-то не очень.
Но я интересен!
И мне дураки надоели,
Ах да, о Дантесе...
Ну к черту такие дуэли!
Я лучше, чем Пушкин:
Я ростом немного повыше
Калмыки и чукчи
Меня еще тоже услышат!

ОПОЛЧЕНИЕ

В войне извечной, мировой
я — ополченец, рядовой,
один из множества солдат.
Но мне не нужен автомат.
Вооружусь, идя на бой,
своей бессмертной душой.
Дано мне только в ней нести
стон покаянного «Прости»
и радость неземных небес.
Щитом нательный станет крест.
У кромки вражьего огня
обгонят слабую меня
те, кто смиренней, кто честней,
кто в вере крепок так своей,
что в пламени неповредим...
Сим Ополченьем — победим!

* * *

...любовь души моей
А. С. Пушкин

Есть праздник в середине октября,
В «Конюшенной» — негаснущие свечи,
Могила есть в тиши монастыря,
Поставлен обелиск у Чёрной речки,
Есть то, что никогда не одолеть
Ни пасквилю, ни лютному злословью...
И вероломная бессильна смерть
Перед душой, наполненной любовью.
Любил поэт свой Царскосельский сад,
Лицей, оковы дружбы братской,
Спасла его судьба — не встал он в ряд

Воителей, восставших на Сенатской.
Любил Покров в имении родном,
Любил простые русские напевы,
В Тригорском — с колоннадой барский дом,
Где правили пленительные девы.
Любил он сказки нянюшки своей
Метельными беззвёздными ночами.
Он величал «любовь души моей»
Свою жену со звёздными очами.
Любил Петра холодный строгий град,
Навек согрел его лучами славы.
Любил он Русь, как Царь и как солдат,
Разящие врагов у стен Полтавы.

* * *

России дух вовек не источится,
Как тысячу, как десять лет назад...
Бескровные, родные вижу лица
Погибших за неё солдат.

Отчизна — суть извечных упований
Героев Бреста, Ясс, Бородина.
Росси сердце — это поле брани.
С победой не кончается война...

И наши православные границы
Тьма одолеть пытается опять.
России дух вовек не источится,
Пока на Бога будем уповать,

Покуда в горний край Господни слуги
Возносят, утешая, души тех,
Кто отдал их за веру и за други,
И русских душ пред Богом больше всех.

ПАРАД ПОБЕДЫ ХХІ ВЕК

«Парад! — команду слушай: На пле-Чо.
И шагом МАРШ»! Славнейшее на марше —
Победы Знамя. Солнце горячо,
Как благовест над службой Патриаршей.

В любви объединилась вся страна.
Незримое легко прозрели души:
И смертный бой, и кровь, и ордена,
Сбылись «Тридцатьчетверки» и «Катюши».

Насущному минувшее — урок,
Наследие и символ, бесконечно
Напоминающий, что жизнь, имея срок,
При исполнении долга — вечна.

И сей парад продолжится в веках,
Ведь верность и любовь не имут тленья.
И длится на земле и в облаках
Святое поколений единенье.

Светлана Размыслович
г. Великие Луки

НА ХЛЕБ И ВОДУ...

*...Выйдешь в двери — там Россия.
Игорь Тюленев*

И плывёшь — то луной, то солнцем —
По небосводу.
Точно зная — душе даётся
На хлеб и воду.
Остальное — со лба устало,
С монеты — пылью,
Приживётся — иному мало,
Другому — былью.
Ясность неба да кривость толка —
Лишь суеверье,
Далеко уходя надолго —
Стоишь под дверью,
Ждёшь не оклика — только взмаха,
Бежать — как помнить.

Пустотой суета пропахла,
Войти — наполнить.
Угодить — велика морока
Тоске приезжей:
То вода растеклась без проку,
То хлеб — несвежий.
То закат не широк размахом —
К дождю, тем паче.
То былое — забытым страхом
Да лесть кошачья.
Через час — во черёд эклоги —
Упрёк бессилью:
Славь — куда б не вели дороги —
Придёшь в Россию!

КАК-НИБУДЬ

С пяти часов — ни с кем не разговаривать,
Жевать внутри тягучие словца.
Как по талонам — вёсны отоваривать,
Меняя их на маму и отца.
Как по команде, строиться и веровать
Во всё такое, что уже не раз
Из жил тянулось, разбухало нервами,
А после — выставлялось напоказ.
Поймав ближайший рейс, — искать пристанища
Среди переживавших как-нибудь.
И свежий воздух, выйдя из пожарища,
Ноздрями, как спасение, втянуть.
Быть дальше от разрухи и от голода,
Но ближе — к обустроенным вполне,
Оставив навсегда лихую молодость
В одной, увы — проигранной, войне.
Вдруг вечность ощутив, другое зрение
Раскрыв на подступающий режим,
Понять, что выше сил — до омерзения —
Остаться и свободным, и живым.
И вскинуть руки: «Господи, я верую
В твой правый гнев, в земное бытие!
Спаси от сумашествия безмерного
Святое поколение моё...»

РОДИТЬСЯ ЗДЕСЬ...

Родиться здесь.
Здесь выучиться.
Жить.
Встав в полный рост,
В жар-птицу превратиться.
Никем не показаться, но прослыть,
Умчавшись вдаль —
Обратно возвратиться.
Листать моря с оборванных страниц,
Сквозь пальцы, как туман, пуская выюгу.
Заметив след небесных колесниц, —
Быть верным не себе, но только другу.
И если вдруг предложат променять
Фамилию и родину на славу,
Ответить им, как выучила мать
На реющую в бешенстве ораву.
Своих корней в себе — не загубить,
И лишь затем, что может пригодиться
Умение здесь выровняться.
Жить.
Здесь умереть. И заново родиться.

Станислав Алёшин
г. Санкт-Петербург

ПОЛЯНИЦА

Откройся, поляница-дева,
булат звенит в твоих руках,
нам у костра ты можешь смело,
теперь всю правду рассказать.
Враги сожгли твою деревню,
одна ты выросла в лесах,
ветра родные пели песни,
волк заменил отца и мать.
В твоих глазах узором древним,
сияют всполохи огня.

Род будет мстить,
огонь возмездия,
сжигает города врага.
Тебя сестрою мы назвали,
живи под стягами орла,
семь дней пути и дрогнут греки,
от огнищанского меча.
Враги падут, и ты княжною,
войдешь в Ярилову ладью,
роды склонятся пред тобою,
прими с поклоном Лада Русь!

Анатолий Арестов
Алтайский край, г. Рубцовск

БИТВА СЛАВЯН

Русью славянской, держащей набеги монголо-татар,
Степь с ковылём и полынью пахнула в полуденный жар.
Тихо спустилось мгновенье в пространство стрелой,
Русские флангами шли на предутренний, яростный бой.
Горькой насмешкой звучало трещание хитрых сорок,
Ворон кружил в поднебесье — смертельный пророк.
Копья на древке тяжёлом блистали кровавым огнём,
Травы измяты спокойным до битвы красавцем конём.
Взгляды врагов сходились под натиском страха и зла,
Князя Владимира Русь православная верой чиста.
Гордо враги поносили дружину великих князей,
Души язычников гиблых под солнцем славянских полей —
Грязью смердили зловонной, как старый шаман,
Бил вдалеке от ватаги своей в небольшой барабан...
Битва!

* * *

*Легче камень поднять, чем имя твоё
повторить...*

О. Мандельштам

Доплетают пальчики венок...
Ветер, обжигая, мчится мимо...
А земля уходит из-под ног
Медленно и так неотвратимо.

Лужи отражают купола,
Плавность линий рябью разбивая,
Утренняя хмарь обволокла
Мысли, тон минорный навевая.

Ни письмо, ни встреча, ни звонок
Будущих событий не отменят.
Ветер волны у Великой вспенит,
Выбивая землю из-под ног.

ВЕСЕННЕЕ

Ну, что — опять по новой ледоход,
В сырой низине дозревает верба,
В лесу подснежник скоро зацветёт,
Заглядывая в мартовское небо.

А там — то солнце разольёт лучи,
То зимний морок наколдуют тучи,
На купола безмолвные в ночи,
Поспешно шапки снега нахлобучив...

И сквозь знакомых таинств череду —
Погод и дней, явлений и событий,
Навстречу Жизни я опять иду —
Как к чудному из всех земных открытий.

Но чудом бóльшим Русь стоит окрест,
Готовясь освежить свои наряды...
Земля родная, мой нательный крест.
Другой уже не будет.
И не надо.

* * *

На холодных краснах листопада,
Как за веком век ни непогодит,
Русь, неугасимая лампада,
Челноком сквозь сутемень проходит.
В паутинном хвойном тёмном лесе
Не пройдёшь умытым чистым телом.
И на дне лампы, и во взвеси
Много сора в масле помертвелом.
И фитиль горит не без нагара,
Он дрожит и клонится под ветром.
Но чужими ложными богами
Не избыть воспринятую веру.
Сложное слагая из простого
Мир твоих исканий сторонится:
Ты невеста чистая Христова
Или Вавилонская блудница?
Мудрая, юродивая дева —
Не понять лица под платом грубым.
Ты без счёта милости и гнева
Раздавала любым и не любым.
Колыбель нежнейшую качала
И на гибель кликала набатом,
Под бичами времени молчала
Существом навеки виноватым.
Каялась, а после остывала
К покаянью ровно на столетье
И опять срывалось покрывало
Времени безжалостною плетью.
Через храм идёшь — что мимо храма.
Но твоё блуждание не сгинет.
Ко Христу идёшь, пускай не прямо.
Потому и Он тебя воспримет.

* * *

Я давно не была у порога родного,
И мне больно приехать назад:
Покосились ворота у храма худого,
Что когда-то казался пузат.

Нет ни капель вина, ни дыхания жизни.
В нём уже не толпятся, шумя, по утрам.
Ему вечный помин, и лишь ворон на тризну
Залетит в продуваемый храм.

Спину гнёт колокольня, морозы почуяв.
Не слышна тропарей монотонная речь.
Позабывтую миром старушку хромую
Богу здесь не сберечь.

Куполами примято земли покрывало,
Через щель на стене — весь алтарный проём.
Мы поможем вернуть красоту Нотр-Дама —
А свою не спасём.

* * *

В тихий ноябрь спущусь с косогора.
Лес молчалив. Гулко дятел стучит.
Чувствует мир: неизбежно и скоро
Всё насовсем замолчит.

Вместо травы — иссыхание листьев,
Прелость земли — саркофаг для корней.
Дуб на плече у товарища виснет,
С жизнью прощаясь своей.

Маленький клён жмётся к мамочке родной
В траурном платье из чёрной листвы.
Не обнажившись, смущённо и гордо
Ждёт она миг темноты.

Лес не отпустит: в агонии холодной
Тонкими пальцами веток и жил
Держит за плечи и руки и жадно
Пьёт и тепло, и остаток сил.

Рвётся дыхание, и не взобраться
Вверх по крутому подолу холма.
Листья шуршат и ползут обниматься...
Дышит зима.

ЯНВАРЬ-43

Позади — белый сумрак
ушедшего прочь,
не похожего ни на вечер,
ни на ночь,
не боящегося ни совести,
ни огня, —
позади — белый сумрак
седого дня.

«Когда мы до победы с болью,
но доползём,
мы заставим их жрать порох
и чернозём!» —
говорили, блестя глазами,
над пареньком,
укутанным мёрзлой кровью
и январём.

Поравнявшись с сугробом,
молчал солдат,
вспоминая, как раньше,
сто дней назад —
или двести — теперь
только чёрт поймёт! —
он впервые вцепился
в свой пулемёт.

И была безжалостна
его рука,
когда он впервые
застрелил врага
и продолжил холодно,
не молясь,
разряжать обойму
в чумную мразь
за убитых прошедшей ночью
и год назад,
за схороненных на высотах
и пустырях,
за снесённый угол
родной избы,
за горячую нитку крови
из губы!..

Над безглазым теперь Воронежем
нет ворон,
испугавшихся не бомбёжек
и похорон,
а свирепости его преданных
сыновей,
истекающих чёрной кровью
донских степей.

Воет вьюга, как сотни страшных
железных птиц,
и в скелеты домов входит ветер —
в дыру глазниц.
От костра тени пляшут, солдаты смотрят
на огонёк.
Не лампадный — да и не важно.
Хоть бы
уберёг.

ОГОНЬ

Воздух от пуль загустел.
Взрывами взрыты поля.
Смесью металла и тел
стала родная земля.
Не было злее войны
и тяжелее невзгод,
лёгших на плечи страны.
Дружный советский народ
выдержал, выгнал орду
с многострадальной земли
и в разбомблённом саду
яблони вновь зацвели.
Плач сиротливых раки,
грустно запела гармонь.
В сердце солдата горит
скорби священный огонь.
Площадь. Сакральный гранит —
словно массивная бронь.
Неудержимо горит
подвига жаркий огонь.
Люди с цветами, смотри,
молча идут на поклон.
В душах потомков горит
памяти светлый огонь.
Время бинтует поля,
плотно, как марлей тугой,
зарослями ковыля...
Не забинтуешь огонь!

ПСКОВСКИЙ ПОДПОРУЧИК

Подпоручик, стерегущий реку —
Как ты молод! — Стоишь вровень с веком.
Залихватски вверх закручен ус.
Любой враг — пред тобою трус.

Гордое хранишь молчанье.
Подвиг не забыт и величаем —
И цветы у ног ковром лежат.
Строгие глаза как сторожа

Вдаль глядят — не враг ли там ходит?
Пули нет, в бою и штык пригоден.
И отчаянно отважен вновь —
В глаза смерти — чуть приподнял бровь.

Ты скомандовать: «В атаку, братцы!»
Сможешь вмиг, не стоит сомневаться.
И в атаку мертвые пойдут
Защищать последний свой редут.

И собрав остатки русской силы
Ты, двужильный, на краю могилы
Беспощадно будешь бить врага.
Честь мундира всё же дорога!

И рассыплется враги как черти...
Их бояться — много слишком чести.
Погибая, устрашать и бить!
Землю до отчаянья любить!
Подпоручик, рук твоих касаюсь —
Через сто лет сердцу не хватает
Невозможно-редкостной любви.
И земля российская в крови.

Стерегущий в Пскове древнем реку
Вровень с отгремевшим веком.
Низкий до земли от нас поклон,
Кто столетие спустя рождён.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Предначертанным знаменьем!..
Рок пакует жизнь в камень!..
Всё случится очень скоро!..
Тем!.. кто сводку передаст!..
А пока багровым хватом!..
Выстегается набатом!..
Кровоточная оскома!..
В горемычные псалмы!..
Двадцать первое число!..
Будет спрятано поспешно!..
И спецназ шагнёт в заснежно-
Отгрифованный покой!..
Только тридцать три свечи!..
Будут биться безутешно!..
Над святой мольбой кромешной!..
Что беду!.. не отвели!..
— Мы простили!.. всех простили!..
Тех!.. кто нас тогда подставил!..
Всепогостными крестами!..
Псковско-горестной страды!..
Но когда с последним вздохом!..
Пули в сердце замирали!..
Не скупилась мы!.. и кляли!..
Вселампасные персты!..
Нам упрёк в «под дых» не страшен!..
Мы предельно ждали наших!..
И паркетно-дутый кашель!..
Небеса с нас отмели!..
Бой был яростно-отважен!..
И дымился подвиг в саже!..
Непомерного коварства!..
Над которым взмыли мы!..

ПЕСНЯ

То не ветер в поле молится,
то слагает песню вольница.
(Прекращается там пение,
где кончается терпение.)
Кровь вскипает в жилах быстрая,
сила духа богатырская!..
(Все они равны во времени,
кто без роду и без племени.)
Те, кто смелыми и крепкими
вдаль ушли во травы терпкие;
скорой смертью обеспечены,
потому как Богом мечены.
Соль земли, зане — народная
форма жизни, благородная,
непреклонная в суждениях,
лишь в победах! в поражениях
жить не может, это — правильно,
поражение — отравлено...
Вот живут же, Божьей милостью,
упиваясь справедливостью.
Век — любой возьми, — грядущее, —
душу всю на части рвущее:
то Полония с Туретчиной,
то французики с неметчиной
разрушителями, ворами
да над русскими просторами...
прут с неслыханной жестокостью,
на пути им — жизнь со стойкостью!
Царство вечного движения,
храбрости, преумножения.
Вьется Русь моя былинная,
что березонька невинная.

ЗАЩИТНИКАМ ШЛИССЕЛЬБУРГА

У шара земного под Санкт-Петербургом
Я видела Юность с улыбкой богини.
Навстречу шагнула фантазии бурной —
Она не даёт мне покоя и ныне.
Смотрю и смотрю я на поступь планеты,
Мелькают военной истории даты.
Пилотки, штыки под стеклом иль в багете,
Но шар наш земной охраняют солдаты.
Фигуры защитников крепостью стали,
Сильнее со временем, с жизнью отцветшей.
Они из военной проверенной стали,
Хранимые Памятью, с неба сошедшей.
А рядом — богиня, знакомая многим
По фото на сайте, почти что родная.
Пусть будет счастливою доля в дороге,
Пусть будет как Память Девятое Мая!

Юлия Носова
г. Санкт-Петербург

* * *

27 мая — день основания Санкт-Петербурга

А Петербургу выпала весна —
Неповторимый и счастливый жребий!
И Перспектива Невская длинна,
И от земли рукой подать до неба...
А Петербургу выпала весна,
А Петербургу выпало родиться!
Награда ли, удача ли, вина —
С рожденья стать российской столицей?
Но Петербургу выпали века,
Не воплотились страшные приметы.
И линия небесная легка,
Как строчка гениального поэта.

ИЗ ЦИКЛА «НАЧАЛО ПЯТИДЕСЯТЫХ»

А над Шексною ветры яры,
мнут шкуры пегим облакам.
И горицкие «самовары»
поют с холма отпускникам.
А Вася, Вася Петроградский,
он Вася Горицкий уже,
с его ухмылочкой дурацкой,
ах, хоть завязочки пришей.
Всевышний, Вася, подсуропил,
твои уплыли корабли,
на кожаной потёртой жопе
скачи, артистами рули.
Они на бурых одеялах,
мужской растрачивая пыл,
поют про море и про скалы,
про то, как он её любил,
о том, что в мире много горя,
да только горе — не беда.
Пусть вологодские угорья
в ответ пытаются рыдать...
И то... Какие наши годы,
по сто бы нам на подогрев!
Трёхпалубные теплоходы
внимают песням, одурев.
И прозвучит, что я уеду,
что пропаду — и поделом!..
А Вася выпьет за победу
родной «Тройной» одеколон.
И зазвучит светло и страстно,
на все лихие времена,
что не напрасно, не напрасно
была нам молодость дана.

ИЗБОРСКАЯ СТОРОНА

Есть святыни в пределах России —
Берегут, словно девственность, славу.
Даже небо — изысканной сини...
Краем можем гордиться по праву:
Старый И'зборск встал крепкой стеною,
От Эстонии к древнему Пскову...
Невозможно представить иную,
А не русской — Изборска основу...
Он, как страж, прикрывал приграничье,
Первым в битву вступая с врагами...
Крепость знала былое величье,
А теперь постарела с веками...
Храм Николы — красивый и строгий —
Привлекает златыми огнями...
Ну, а Крепость — на взгорье высоком...
Предстаёт мощью стен перед вами.
Водопады с Словенской водицей,
И всегда греют душу закаты...
Мне в июле в Купалу не спится:
От венков и костров, чем богаты...
Мы страну в меру сил укрепляем,
Чтим героев Изборск прославлявших.
И ошибки свои исправляем,
Порицая устои предавших...
...Пастушок, белобрысый мальчонка,
Рядом с лошадыю — с преданным другом...
Он привязан к любимой сторонке,
А не к той, что граничит за лугом...
От гостей-лебедей белоснежно,
На гербах они — символы бденья...
Охраняют Изборско прилежно,
И надежду сулят к Возрожденью.

К ИОАНУ

Книгой Новый завет итожа,
Пишет он за строкой строка,
Искушённо, на первый взгляд тоже,
Что и Марк, и Матфей, и Лука.
Первый шаг в Галилейской Кане,
Сотворив из воды вино,
След оставил Он в Иоане,
А потом за звеном звено,
Цепь плелась и плелась неспешно:
Исцеление, пять хлебов...
«Где ты видел людей безгрешных,
Среди книжников и рабов?»
И цепляясь пером за кожи,
Чтоб осталось слово в веках,
Пишет юноша вроде бы тоже,
Что и Марк, и Матфей, и Лука.
От чернил почернеет пальчик,
Тень тоски на худом лице.
Пишет книгу любимый мальчик,
Об Учителе и Отце.
Пишет истину, слово в слово,
Ни мгновенья не исказив,
Завтра станет Заветом новым
Этот искренний нарратив.
Мне из всех четверых дороже...
Чем? Не смог объяснить никак —
Иоан, всё одно, не тоже,
Что и Марк, и Матфей, и Лука.

* * *

Семь ручьёв, семь дней, семь цветов, семь нот.
За семь долгих лет до красного понедельника
С якорей снимался Балтийский флот,
Поправляя крест нательный под "тельником".

Проходя под радугой, гряньте марш,
Впереди просоленных странствий месяцы,
Кто-то будет ядрами смолот в фарш,
Кто-то от тоски на рее повесится.

Бело-голубая соль четверга
Выступит на каждой детали брига...
В Питере декабрь, мороз, снега.
В кабаке спивается поп-расстрига.

Этот ли кричал в паруса псалмы
И крестил кормы золотым распятием?
Если Бог позволит, вернёмся мы,
Обретём прощенье в его объятиях.

Воскресенье! Господи, дай нам си...
Кожи цвет становится фиолетовым.
Семь цветов, семь дней в один ком меси,
Семь ручьёв, семь нот, моряками спетыми.

* * *

Падёт стена, в проломы хлынут гунны
И рухнут под напором силы юной
Седые и уставшие вожди,
Погрязшие в обмане и пороке.
Уходят прочь из города пророки,
А след их смоят вешние дожди.

И на руинах, перепачкав лица
Золою, победитель веселится.
Он топчет матерей, детей и жён.
Телами тех, с пронзёнными сердцами:
Мужьями — сыновьями и отцами,
Назавтра будет город заражён.

В один поток сольются две стремнины,
Два звука — звон струны и вой звериный
В один сольются, гимном став навек.
Пророк вернётся, верный путь укажет,
Его рука им на головы ляжет
И примет Бога новый человек.

ЛЕГЕНДА О СВЕТЛОЯРЕ

Словно зеркало в овале,
Отражает неба дали.
Он земле московской дар
Этот дивный Светлояр.
Враг польщен большой добычей.
У него один обычай:
Город дерзким штурмом взять,
Грабить, жечь и убивать.
Устоять не сможет город.
Сокрушает льдину молот.
Рать несметная вперёд
К стенам города идет.
Прогибается земля.
Льются воды на поля.
Утонул жестокий враг.
И ушёл под воду город.
Так легенда говорит...
Гладь озерная блестит.
Едут люди за святой
За озёрною водой.
Как крещенская вода,
Сохранится на года.
Девушки помолятся
И водой умоются.
Верят, станешь красивей,
Если умываться ей.
Если воду эту пить,
Можно хвори излечить.
И светлеет мал и стар.
Чистит души Светлояр.

ГЕРОЯМ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941-1942

Тридцать пятая батарея...
Стяг Андреевский гордо реет,
и земля твоя зеленеет!
Было правдой иль было бредом:
собирали со стенок влагу,
но назад — ни метра, ни шагу,
и прикрытием с неба — флаги,
и никто и никем не предан.
Тридцать пятая батарея...
«Заберите же нас скорее!» —
губы шепчут, пальцы немеют
на затворах. Снарядов нет.
Подкрепленья не будет тоже.
Смерть близка. Соль вырастает в кожу.
Но уйти не позволит всё же
С батареи мой партбилет.
Холостыми давно стреляя, —
а колоннам конца нет, края! —
Обречённый Град принимая,
проводим в морские слёзы:
побережье — братской могилой,
что тела волною покрыла,
а на белых ангельских крыльях
из подземья души — да в звёзды!
И свечой церковной мерцая,
примыкая к тающей стае,
в мире горнем вдруг засверкаю,
отражаясь звездой морской...
...Севастополь уходит в рейды,
морю Чёрному душу грея...
...Тридцать пятая батарея,
возвращаюсь в тебя с тоской...

НЕВСКИЙ

Дымили костры на Купалу,
кричала в ночи коростель,
природы чутьё предвещало,
невзгоды для русских земель.

В багряной короне светило
и в бездне небесной черно,
неведома жуткая сила
и боязно, страшно, темно!

На Русь устремляется рыцарь —
железные латы, копье,
обходит дозоры лисицей
и точит меча острие.

Несётся орда кочевая,
внезапный, жестокий набег,
удельные распри терзают,
обуглен истории век.

Легки на подъем новгородцы,
достоинством город велик,
но сделать уступку придется
и данью платить за ярлык.

Под «орденом» Псков и Копорье,
но Невский готовит «изгон»,
притихли тевтоны, не спорят,
на милость сдаются, в полон.

Уменье ковалось годами,
победами князь окрылён,
наукою, данной отцами,
стихией огня закалён!

Словенского поля героя
народная славит молва,
не ведало сердце покоя,
и святость душа обрела.

ВОРОЖЕЯ РУСЬ

Земля родная, преклоню колени
Пред величием простого пустыря.
Воле вольной не сыскать подмену,
О Россиюшка, Вселенная моя!

Я — листва трепещущей осинки
На твоём неистовом ветру.
Принимаю каждую былинку
За опору крепкую свою.

Греет солнышко твоих ромашек,
Любовь пророчит каждый лепесток.
В чувствах мне неведомо промашек,
Просто твой пустырь в них так высок.

Не его ли отдал мне в наследство
Всемогущий Воин Пересвет?
Беды обращает мои в бегство,
Ничего дороже в свете нет!

Преисполнюсь вновь былинной силою,
Благодаря той, что не испить...
Ворожея Русь во спасенье хилому,
Коль простой пустырь так хочется любить!

ЖИЗНЬ

Банальная история:
он её бросил.
Ни с чего заспорили
о культе в наркомпросе.
А ребёнок — маленький,
и зарплата — тоже.
Всё богатство — валенки,
да портфель из кожи.
Только много надо ли
в жизни вам, учитель?
«Дети, на дом задали...»
«Эту сумму вычитите...»
Годы мерно капают,
как вода из крана.
Время мягкой лапою
загладило рану.
Дочка быстро выросла,
вся судьбою в маму:
детям в школе яростно
«Мама мыла раму!...»
Мчат десятилетия:
два и три, четыре.
Пенсию отметила
в крохотной квартире.
В пору предосеннюю
тихо отходила,
прямо на Успение
в объятия могилы.
Под конец подумала:
«Всё чего же ради?»
Раз — путёвка в Юрмалу,
два — гора тетрадей...

* * *

Раскинулась за домом нежно радуга,
И мы расселись важно на крыльце,
И дверь была закрыта туго-натуго —
Ушла хозяйка, позабыла о жильце.

От «козьей ножки», полной самосада,
Газетная распространялась вонь.
Болтал вязьмич смешно, замысловато
О том, как не использовал он бронь.

О том, как посреди крестов и свастик
Дымящихся Зееловых высот
Кончины ожидал десятиклассник
В тот самый важный сорок пятый год.

Он говорил, что Божий он избранник,
Что баловень он, как ты ни крути,
Что починил на днях сапог и краник,
А я смотрел на две его культи.

* * *

Расписная косынка,
Свет в глазах не померк,
Не старушка – тростинка,
А брала Кёнигсберг.

Говорит: «Знаешь, сколько
В равелинах ребят,
И Серёжа, и Ольга,
И Егорыч лежат...

После минного взрыва
Меня вынес майор»,
И пошла горделиво
На обедню в притвор.

Память годы полощет,
Превращая в дымок...
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.

* * *

Таился страх в тиши ночной.
Страх, самый сильный во вселенной.
Ты ждал, что вскоре за стеной
Раздастся снова вой сирены.
Ты ждал, что в небе, над Невой,
Летя на смерти чёрных крыльях,
Люфтваффе подлый грозный строй
Покроет стены улиц пылью
От взрывом поднятой земли.
А взрывов было очень много!
И руки дряхлые свои
Смерть потирала у порога.
Ты снова ждал в тиши ночной
От взрывов грозные раскаты,
Но не звучал сирены вой —
Блокада снята с Ленинграда!
Не верил ты, что мир настал
И так же всматривался в стены...
Внутри таился и терзал
Страх, самый сильный во вселенной!

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Старик сидел на лестнице. Грустил.
А мимо тени прошлого мелькали...
Большую слишком цену заплатил
За то, что жив. Прохожие не знали,
Что в юности героем на войне
Под пули лез и ранен был три раза.
Но повезло! Он долг отдав стране
Остался жив. Один... Война — зараза
Друзей его отправила в гробы!
Он видел, как они на поле боя,
Не сетуя на тяготы судьбы,
Сражались. Где же видано такое,
Чтоб люди, вопреки всему, вперёд

Бежали, принимая смерть отважно?
Отец ведь не осудит, мать — поймёт!
А прочие? А прочие — не важно!
И он, как все — бежал! Бежал, как мог!
Туда, где враг. Но, сваленный судьбою,
Упал на землю. Друг ему помог —
Случайно оказался под ногою.
Давно, лицом в грязи, едва дыша
Лежал. Он умирал, неся спасенье.
Итог — одна спасённая душа.
Итог не человечности — везенья!
И вот, один! Среди толпы людей,
Старик сидит на лестнице, вздыхает.
Он жив! Сегодня снова юбилей...
Ах, как друзей погибших не хватает!
Прошло уже немало долгих лет.
Свеча его со временем тускнеет...
Он помнит всех, кого сегодня нет!
И ноша эта только тяжелеет...

МООНЗУНД

Хмурое небо свинцом налилось. Слезы тяжёлые падают в море.
Семь кораблей на заливе сошлось в грозном немом разговоре.
Выверен строго орудий прицел, сверху команда дана на сближенье.
Все в ожидании — ревун онемел — пару минут до сраженья...
Реет на мачте Андреевский флаг. Против пяти два Российских линкора...
Очень силен повстречавшийся враг! Но не увидит позора
Флота великого в этом бою! Красное вовремя поднято знамя.
— Встретимся, братцы, мы скоро в раю! — Вспыхнуло выстрела пламя...
Восемь орудий на тридцать... Увы, войны не ведают равенства силы!
Но не всегда в окончанье главы слабых встречают могилы...
Выстрелов восемь на тридцать в ответ — враг отстрелялся неважно. И всё же
Девять накрытий! Спасения нет! В море никто не поможет...
Только орудия! Только вперёд! Чужда бесстрашным матросам усталость!
— Целься точнее — опять недолёт! Жить нам не долго осталось...
Но, у врага, не иной результат — силу числом невозможно измерить!
Он отступил, устремился назад... Как тут в судьбу не поверить?
Так и бывает — за пару секунд, всё изменили отвага и воля.
Новых героев нам дал Моонзунд! Дал он и новое горе...

МЕДСАНБАТ

*Врачам и медицинским сестрам, офицерам и солдатам
100-го Отдельного (Баграмского) медицинского батальона
108-й Мотострелковой дивизии посвящается.*

Разведчики, все по уши в пыли,
Ещё не отошедшие от боя,
К нам в медсанбат «трехсотых» подвезли
К площадке у приёмного покоя.
Они ещё в бою, на кураже.
Медсёстры, — ангелочки, недотроги.
Но, в обморок не падают уже,
Увидев их оторванные ноги.
Не сердятся на их отборный мат, —
«Ругайтесь, парни, скоро станет легче,
Ведь вы попали в «Сотый» медсанбат».
А у самих подрагивают плечи.
«Держись, боец. Цепляйся, дорогой!
Борись за жизнь, а мы тебе поможем.
Тебе же надо к матери, домой.
А смерть твою мы временно отложим».
Конечно, — на войне, как на войне.
Бывают безвозвратные потери.
В больничной существует тишине
Смесь атеизма, вер и суеверий.
Но, мы не боги, нам уж не вернуть
Покинувшего этот мир солдата.
Земной его, такой недолгий путь,
Закончен здесь, на койке медсанбата.

За чьи — то жизни бились до конца.
Но, надорвались! Многие в могилах, —
Других спасая души и сердца,
Свои спасти, порой, уже не в силах.

МОЛИТВА

В висках стучит одна молитва,
Я повторяю сотый раз:
(И душу режет, словно бритва)
«Господь, прости! Помилуй нас!»
Прости нас всех за ту жестокость,
Что каждодневно мы несём,
Прости за боль, прости за гордость,
Прости — неправильно живём.
И смертный грех — теперь уж норма.
И все вдруг стали сочинять,
Как будто есть другая догма,
Где разрешал Ты убивать,
Где называл войну священной
Коли за веру, за Тебя,
И что за звон монеты медной
Грехи откупятся шутя.
Прости нас всех за заблужденье,
Прости за всё, что есть сейчас!
Отцово сделай наставленье!
Господь! Прости, помилуй нас!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

«А нам нужна одна победа» —
Что в этой фразе для меня?
История, рассказанная дедом
Под залп салютного огня.
А для него что значит, для страны,
В которой он вырос и женился?
Мелодия оборванной струны
И счастья миг, к которому стремился.
Он воевал. Он радость знал победы.
Он не искал ни славы, ни чинов.
Для нас он отстоял рассветы —
Для молодых Отечества сынов.
И будем чтить мы этот подвиг славный,
В парадную весну до самого утра
Благодарить за праздник главный
Словами вечными «Победа!» и «Ура!»

ПОИСКОВИК

Он простой поисковик
Из посёлка ближнего,
Ко всему уже привык,
И без шума лишнего
Он недрогнувшей рукой
Из трухи подстилочной
Череп вытащит с дырой
Посреди затылочной.
Снять безвестности покров
Нужно, без сомнения,
Только от тяжёлых снов
Нет ему спасения.
Ночь. Видений хоровод
Снова начинается.
И со лба холодный пот
Тихо испаряется.
Видит он во тьме ночной
Не штыки немецкие —
Кости в палец толщиной.
Маленькие. Детские.

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Снегирёво-алым солнцем греет вечер в январе.
В белых шапках за оконцем все скамейки на дворе.
Старый дом, чужие вещи, на столе лежит тетрадь.
Хрупко лепестки трепещут, подпись: «Лето — «35»».
Почерка тугого бусы заполняют нити строк.
Завиточек пряжи русой, а поверх — сухой цветок.
Счастья ветхая подруга пролежала много лет.
Кто тогда гулял по лугу, собирая свой букет?
Кто среди строк, уже нечётких, показал судьбу свою?
Кто в конце упрямо черкнул: «Всё равно тебя люблю»?
Год-другой — и станут лишни, как истлевшие цветы,
Межвоенного затишья подростковые мечты.
Но, того ещё не зная, мчится он в потоке слов:
Счастье без конца и края среди лета и цветов.
Прочитать — и до рассвета то взлетать, то падать ниц
И ловить мгновенья лета меж исписанных страниц.

ИХ НЕ ПОДНЯТЬ

Лесной ручей торопится, течёт
И пробегает старый мост бурливо.
Их не поднять. Их больше шестисот.
Они лежат в низине под обрывом.
И каждый здесь к соседству их привык,
Все знают, что могилы рядом где-то.
Цветы давно дичающих гвоздик —
Единственная верная примета.
Их не поднять. Густой долинный ил
Затёр их имена на медальонах.
Их не поднять. И множество могил
Поглощено низиною бездонной.
Их не поднять. Да стоит ли о том?
Как знать, какую будет наша доля...
А в роще над обрывом строят дом,
И чуть поодаль распахали поле.

Никита Рыжих

Украина, г. Новая Каховка

* * *

Где голая щербатая луна
глотала жадно чуткий шорох пороха
и птичка, что порхала, вдруг от шороха
упала вниз со страха — там Двина
плыла вперед, чаруя племена
людей и птиц, объятых властью молоха.
Литовский друг — он враг в пустыне спохоха.
Пылают славных воев знамена.¹
О розы рая, адские врата —
рекой ли овладела пустота,
душой ли завладел вселенский молох?
О чары ночи, солнце ясных дней —
кто прав, кто плут, кто рыцарь, кто сильнее?
Пусть будет ночь... Пусть отсыреет порох...

¹Битва на реке Двине — сражение русско-польской войны 1654—1667 годов, состоявшееся 24—25 августа 1665 года, на реке Западная Двина. Литовские войска были разбиты войсками князя Хованского.

* * *

Старику Берендею невмочь.
Разуверилась в сказках Отчизна.
Нелегко воду в ступе толочь,
Не колодезную — магазинную.
Пыль дорожная — ох, нелегка,
Не истоптанная ребятишками.
И куда ты, судьба, увела,
За какими-такими коврижками...
Обещаниям оплела,
Соблазнила девчонок мальчишками,
У которых в руках — пастила...
А деревни, расцветшие вишнями,
Ждут и помнят, и окна избышек
Отражают лучи на заре,
И толчёт в позабытом ведре
Древний дед Берендей из веснушек
Колдовское своё крем-брюле.

* * *

Река была намного шире.
Стремительней была река.
В сивухой пахнущем трактире,
Где целовальник мял бока
Забывшим заплатить пропойцам,
Купцы за лучшим из столов
Делили барыши по-свойски,
А Ванька, местный богослов,
Грозил им пальцем из-под лавки.
Мол, хватит набивать мощну.
Забыли вы завет Синайский
Про помощь брату своему.
И раскошеливались, что же
Юродивому не помочь?
Да, пьянь, но человек-то Божий.
И шли домой. Глотала ночь
Их силуэты на дороге,
И всё стихало до утра.
Лишь Ванька, стоя на пороге,
Враспев читал псалмы царя.

ЗА ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

гимн

Разведка боем, дан приказ,
Пошли в атаку батальоны,
Разбиты немцы и пленённые,
Исполнен матерей наказ.
А на дворе стоял январь,
Метели злые лютовали,
Победной птицей трепетали
Знамена красные, как встарь.
За древний город на реке,
Геройски бились все народы,
И крепче не было породы,
Снежинки таяли в руке,
Людей, сломивших мощь врага,
Поработившего Европу,
Святые жертвы за свободу
Хранят гранит и берега.
Здесь Красной Армии успех
Навечно занесён в скрижали,
Бойцы Победу приближали,
Помянем всех! Помянем всех!
Сирени майские цветут,
Салюты небо украшают,
Героев люди вспоминают,
И песни славные поют...

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ И ПЕРВАЯ КОВИДНАЯ ВОЙНЫ

Кто-то ранен, а кто-то убит
Кто-то деньги, медали получит,
Кто-то в землю родную зарыт,
Кто сожжён — ветер списки озвучит...
Не стремимся мы правду узнать,
Не нужна её горечь лихая.
Расцветает весна — благодать!
Песни птиц високосного мая...
Я по улицам города тихо пройду,
И они, и берега нашей речки пустынные,
И скользят облака по небесному льду,
Словно души людей — высоки и невинны...

ХРАМЫ РОССИИ

Бездомен Дух, все сущее творя,
В глазах святынь застыл немой укор,
В сожжённых и разграбленных церквях
Господь свою десницу распростер.
Давно уж позолота содрана,
На маковках вьет гнёзда воронье,
Покрыла крыши сорная трава,
Дорога к храмам поросла репьем.
Давно уж в храмах службы не идут:
Нет пастыря, и паства разбрелась,
Давно здесь чуда от икон не ждут,
И вместо веры — кровь, навоз и грязь.
Библейских заповедей здесь не чтут,
И осквернен братоубийством храм,
Коров в жару здесь летнюю пасут,
А в холода костры жгут по ночам.
Никто теперь не кается в грехах,
И лики для молитвы не годны:
На фресках на разрушенных стенах
Черты святых неясные видны.
У колоколен вырван не язык —
Живым им сердце вынули одно, —
Колокола, к чьим звукам мир привык,
Разбиты и низвергнуты давно.
Разломаны и стены, и остов,
Грехи прощающий Христос распят,
Поруганные церкви без крестов
Глазницами ослепшими глядят.

ПСКОВИТЯНКИ

Реки Великой мчатся волны
Неся события с собой
И воды горестями полны
Они смешались со слезой
А повествуют эти волны
О тех событиях былых
Как над рекой звучали стоны
И грохот с башен крепостных
Как насмерть воины стояли
На страже этих рубежей
И псковитянки дома ждали
Своих израненных мужей
А сыновья их подрастали
Чтоб взять оружие потом
На место павших они встали
И защищали этот Кром
И псковитянки вслед рыдали
И умоляли: "Возвратись!"
Когда на битвы провожали
И знали твердое: "Молись!"
А силы столько в псковитянках
Что хватит впредь и на века!
Любви и мужества славянкам
Не занимать, и связь крепка!
И стало воинство небесным
Из павших в битвах псковичей
Их много, много неизвестных
В горящем пламени свечей...

ГДЕ ТЕЧЁТ ВОДА

Город Псков, плоский как блин,
В небе чайка кружи
Белый норковый палантин
На берегу лежит.
Моря не слышно, но чайки есть-
Значит, течёт река;
Белую пену и серую жесь
Видно издалека.
Известь, кольчуга, устами к ней ночь,
Лошадь, как птица дронт,-
Вновь за спиною уносятся прочь
Город и князь Довмонт.
Сучья деревьев, их чёрный прут
Застит кресты церквей.
Вещие птицы крылами взмахнут,
Если им крикнешь: «Эй!»
Город смывает ненужный грим,
Как безутешный актёр.
Каждому городу снится Рим:
Опера, площадь, собор.
Всё, о чём думал, откроется в миг.
Там, где течёт вода,
Моря не слышно, но чаек крик-
Как прозвучавшее «да».

* * *

Оставлен уже Царицын,
Ростов и Темрюк...
Обозы идут на юг-
за Кубань; в копытах и спицах-
не холод оледененья,
но призрак уничтоженья.
Весна уродилась неласковой.
Берег морской
Войско Донское,

Добровольческую и Кавказскую
проводит сквозь строй акаций —
в эвакуацию.
В Батайске, в затёртой повозке
с траурной лентой-
генерал Тимано́вский
в гробу под брезентом,
Железный Степаныч, марковец —
как символ бесстрастный, безмолвный и дикий-
в марте
предстал пред Деникиным...
...На палубе курит Кутепов-
прощайте российские степи,-
в Новороссийске —как в морге-
тихо. «Царевич Георгий»
отходит, сутулый и серый,
из труб выпуская дым.
Палладиум веры-
есть ещё Крым!

ЦАРЬ

Он проделал нелегкий путь-
От балтийских болот к Уралу;
Не давали огни уснуть,
И по следу беда бежала.
Недоверчиво русский глаз
Озирал сапоги и тару,
Вдоль бесчисленных пыльных трасс
Щебетала мордва, татары.
И когда, как немой предмет
Что остался в черте отлива,
На неясный, размытый след
Он смотрел и молчал с обрыва,-
Подошёл и спросил солдат,
Теребя бороду-лопату:
— Для чего ты пришёл сюда?
— Для того, чтобы быть распятым...

ANNA DOMINI
(диптих)

Памяти Анны Ахматовой

I

Анна, Анна, не ходи по краю!
Анна, Анна, обернись назад!
Анна, Анна, небеса карают,
тех, которых отторгает ад.
Странной, странной ты прошла дорогой
по эпохе травли и кнута...
Анна, Анна, что же ты у Бога
вместо крыльев не взяла креста?
Крылья тоже — ноша для титана...
По колено вмерзла в колею,
но несла ты, Анна, божья Анна,
гордо суть пернатую свою.
Дремлет век во дворике Фонтанном,
жёлтый флигель снегом замело...
На скамейке ангелица Анна —
от неё ли городу светло?..

II

Худой девчонкой с горбатым носом,
с колючим взглядом была ты, Анна,
пока не сделалась королевой
и Петербург не склонился долу...
Во стольном граде многоголосом
ты — тень Кассандры, чей рот — как рана,
чье небо бьётся под шёлком слева,
что пришивает сердца к подолу...
...а скольких верных тебе казнила
одна улыбка, одно движение
руки, как палочкой дирижерской,
взмахнувшей тоненькой папирсой,
какая разница, если был он
эпохи ветреной отраженьем —
твой карий взгляд из-под челки жесткой,
тот взгляд пророчицы горбоносой?

ВРЕМЯ КИТЧА

(из цикла «Питеромания»)

Надо что-то менять: отречься от выцветших истин,
поворачивать вверх по течению усталую реку,
убирать запятые из тяжеловесных конструкций,
сокращать предложения, времени китча в угоду...
Только мне после всех этих мутно-пивных евхаристий,
после всех этих низких поклонов железнному веку,
после вырванных с корнем немодных и вычурных букв
очень хочется выйти в тираж, не входя в эту моду.
Очень хочется выйти из поезда мартовской ночью,
потеряться во мраке столицы российских провинций,
стать пробелом одним между небом её и брусчаткой,
по которой — кто с тростью, а кто с пистолетом — ходили поэты...
И глотать вместо дыма табачного серые клочья
ядовитых туманов, и верить, что скоро все птицы,
будут сыты одной зачерстневшей в кармане облаткой,
что наступит весна, а за ней — запоздалое лето...
И бродить по местам, от которых на сердце занозы,
но не чувствовать больше желания плакать стихами,
и гадать по трамвайным сетям о несбыточном счастье —
чашке свежего чая в такую сырую погоду...
Это блажь... Эта ложь с послевкусием плохонькой прозы,
не годится для века, который сожрет с потрохами,
завершив возлияньем пивным несвятое причастие,
и поставив ремиксы псалмов моих китчу в угоду.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

*Лидии Литвяк, летчику-истребителю,
посвящается.*

Позывной Лидии — Белая лилия

Небо над крыльями синее-синее
Манит и манит в свою глубину!
Что же печальна ты, Белая лилия?!
Воздух над Родиной в чёрном дыму!
В чёрном дыму снова гибнут товарищи,
Гаснут, как свечи на сильном ветру!
Нет на земле им отныне пристанища,
Ввысь улетают они, в синеву.
Нежная, хрупкая Белая лилия
Над Сталинградом в смертельном огне.
Ты же везучая, ты же счастливая!
Смерть не догонит тебя в вышине!
Вам бы, красавицам, легкие платица,
С милым прогулки в ночи допоздна!
Только другое в судьбе вашей значитсЯ!
Только вдруг встала пред вами война!
Кудри и локоны, туфельки, бантики...
Жить бы и жить всё, не чувствуя смерть!
Вам предназначено было, романтики,
Жизни отдав, эту смерть одолеть!
Где ты, красивая, смелая, сильная?!
След самолета растаял во мгле.
С неба высокого Белая лилия
Звездочкой ясною светит Земле!

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Нет, не смолой здесь пахнет — пахнет кровью
От елей, сосен в жаркий летний день!
Здесь жизнь была! Скользят ветра по полю.
От заживо сожжённых только тень.
Травой покрылся пепел от жилища,

И вырос лес над памятью людской.
Но вновь вызывает, как отмщенья ищет,
Над чёрным пепелищем бабий вой!
Над горькою, растоптанною жизнью,
Над муками погубленных детей
Тот страшный вой! Мой дом, моя Отчизна,
С годами думать о тебе больней!
Фашистским ты растерзанная зверем,
Устало смотришь, а в глазах — укор!
Смертельна рана! Страшные потери,
Как язвы, незажившие с тех пор!
И вновь безлюдны, как в войну, деревни,
И вновь пустеют бывшие поля.
Любимая, то плачешь ты, то дремлешь,
Измученная Псковщина моя!
Но бросишь взгляд сурово ты и твёрдо,
Жалеть себя навеки запретишь!
И молча, губы сжав, ты встанешь гордо,
Тревожно глядя в призрачную тишь!

АННА

*Разведчикам Великой Отечественной
войны Анне и Анатолию Сысоевым
и их дочери Анне посвящается...*

Ей немного надо: кружка молока,
Мамины колени, папина рука.
Нет надёжней места — папино плечо!
Ничего не нужно Аннушке ещё.
Переходы ночью по глухим лесам.
Привыкала Анна к тихим голосам.
Не кричала громко, не будила смерть.
Тайно шла разведка, и нельзя шуметь.
Год сорок четвертый. В ригу на ночлег
Попросились люди, десять человек,
И ребёнок с ними, легче мотылька.
Маленькие ручки просят молока.
Был латыш приветлив, он любил детей,
Но своих отправил к немцам сыновей.
Плыл рассвет кровавый, смерть вокруг неся, —

То, что Анне вовсе было знать нельзя.
Там слились, смешались боль, тоска и страх!
Уносила Анну мама на руках.
Но у кромки леса, не дойдя чуть-чуть,
Мама вдруг упала, будто ткнули в грудь!
Можно плакать громко, можно звать отца,
Но и для ребёнка им не жаль свинца!
В эту бездну муки ей нельзя смотреть!
Маленькая Анна принимала смерть!

Юлия Борисова
г. Санкт-Петербург

СЕБЕЖ

Нёс август октябрины-холодины.
Мысок, как волосок ковыльно сед.
А я прошла дорогой лебединой
По тонкой межозёрной полосе.
По тонкому, по краешку, по кромке,
Где меж озёрной, с проблеском слюды —
История: вот предки, вот потомки,
Как эти две соседние воды.
Как нынче важно дружным быть и нужным,
Поскольку та дорога коротка.
Немаранным и внутренне жемчужным,
Хоть лебедю крыло, а нам — рука.
Но сила дружб, что нам дороже хлеба,
Раскрылась, будто крылья надо мной.
И я пошла, как будто бы по небу,
Над псковской приграничной стороной.
Мой путь лежал уже исповедимый,
И проплывая, пели фонари,
Всем, кто ходил дорогой лебединой
И небо человечье нёс внутри.

АТАКА МЕРТВЕЦОВ

11 ноября 2018 года 100 лет
со дня окончания Первой мировой

Враг думал, что мы все погибли,
Встаём из праха,
Ведь русский дух сломить нет силы,
Бежит враг в страхе...
Пусть всё горит, земля и небо,
Цветы увяли.
Пусть даже нету крошки хлеба,
Из мёртвых встали...
Из мёртвых встали и в атаку,
Враги, бежите?
Нас 60, бежит во мраке
Врагов семь тысяч...
На мертвецов мы все похожи,
А вы живые,
Бежите и мороз по коже,
Как черти злые.
Пред русским духом,
Русской правдой,
Что всех дороже,
За Родину идём, по праву,
Нам Бог поможет...
Нас не купили, не сломили,
Мы— дети риска,
Дух русский не сломить могилой,
Надежда близко...
Призыв поручика мы слышим,
«Друзья, в атаку!»
Мы, мертвецы, мы еле дышим,
Встаём из праха!
Но с нами Бог, ещё поручик,
Котлинский гордый,
Как бумеранг, вас газ научит
Бежать от мёртвых!

* * *

Я общаюсь с корнями живыми —
Уходящими в землю людьми...
Через толщу тотальной потьмы
Слышу деревья древнее имя,
Породившее крону и ветки,
Полноводное, словно река,
Я склоняюсь пред памятью предков,
Чьи деянья в моей ДНК.

Через поле иду осторожно,
В нём былины скрывает ковыль,
В нём живёт, не стреножен, острожный
Русский дух, он и небыль, и быть.
Русский Гамлет — ты волк-одиночка,
Окольцованный лебедь надежд,
Из-под Вия несомкнутых вежд
Чуешь ту, что растерзана в клочья...

Отвечают крепящие корни:
«Эту землю остывших пиров
Соберём по крупичам раздорным,
И восстанет, могуч и здоров,
Русский дух, возведясь из-под спуда...»
Не иссякнет живая вода,
Через корни берясь ниоткуда,
Через крону идя в никуда.

БЛОКАДНЫЙ РЕЙС

Невесомую жизнь удержав на руках,
над невидимой смертью взлетаем,
и несется машина в густых облаках,
и гремит, словно клетка пустая.
За такую болтанку полгода назад
на ответственном рейсе в столицу
можно запросто было лишиться наград
и чинов, а потом застрелиться...
Самолет покачнулся и резко нырнул,
но никто не стучится в кабину,
и ни стоны, ни плача не слышно сквозь гул
против ветра летящей машины.
Пассажиры у нас тише зимнего сна,
терпеливее всех на планете —
по губам синева, на глазах пелена —
ведь они ленинградские дети!
Им не страшно лететь, им не хочется есть,
им не больно, они засыпают.
Не идут к ним ни радость, ни добрая весть,
только смертушка бродит слепая,
и наощупь берет одного за другим
в костяной колыбельке баюкать,
и сжимается горло захватом тугим,
и по ребрам колотится мука...
И уже расплывается кровь на стекле
(или это над Ладогой брезжит?),
и пылает мотор на пробитом крыле,
и вызывает, и плачет надежда!

ПОБЕДА

Идёт, макушкой небо задевая,
Наградами и славою звеня,
Великая! Священная! Живая!
Победа, в свете праздничного дня.

Одета в нашу память, как в доспехи,
Идёт парадным шагом, сквозь года.
В дозор встают боёв минувших вехи,
Дают салют герои-города.

История твердит нам неустанно:
Победа (не секрет ни для кого),
Несёт феномен «Русского Ивана»
И беспримерность подвига его.

Напрасно всевозможные деяги
Пытаются теперь всё очернить,
Наш красный флаг —
Как роспись на Рейхстаге,
Не даст им цвет Победы изменить.

Так будет впредь: пока потомки живы,
Годам победным не прервётся счёт!
По улицам, как будто кровь по жилам,
«Бессмертный Полк» в Бессмертие течёт...

ПОДВИГ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Каменоломни Аджимушкая
Как лабиринты самой войны.
Стекает робко слеза мужская.
Когда весною тревожат сны.
За Керчь сражались, не помня страха:
Был Крым в тугое кольцо зажат.
И души воинов, как в небе птахи,
У обелисков опять кружат.
Фашисты газом солдат травили,
От ран и жажды страдали там...
В победу веря, сражались, жили
И не сдавались, назло врагам.
Под плащ-палаткой неспящей ночи
Из подземелий ходили в бой.
Над морем чайки о них клекочут,
Об их отваге поёт прибой.
Взрывали немцы колодцы, входы —
Из-под завалов мы слышим стон...
Аджимушкайцы свергали своды,
Был несгибаем тот гарнизон.
Почти полгода рубеж держали
И приковали врага к себе.
Был страшный голод, но не роптали
И погибали они в борьбе.
А те, кто выжил, отважно, смело
Пошли в последний неравный бой...
Здесь, в катакомбах, победа зрела —
Защитник Крыма — всегда герой!
Навеки эта земля святая
От крови павших, от детских слёз.
Воспоминаний кружится стая —
Их ветер с моря опять принёс.

ПОЕДИНОК

Что видел Пересвет в последний миг,
Копьём насквозь пронзая Челубея,
Когда над полем рёв орды затих,
Когда Мамай, икнув, присел, слабея?
О чём подумать он тогда успел,
В удар вложив нестарческую силу,
Когда над Куликовым ввысь взлетел
Клич Челубея, чтоб упасть в могилу?
Мне не дополнить летописей свод,
Не прикоснуться к тайне изначальной.
Века бегут. Но не забыл народ
Тот поединок радостно-печальный.
Он помнит, как текла за ратью рать
И падала подкошенной травой,
Чтоб Русь смогла хотя б с колен привстать,
А не скорбеть с поникшей головою.
Не страшно в битве сгинуть за неё,
В родной земле последним сном забыться.
Ты не кружи над полем, вороньё,
Тебе погибших не клевать глазницы.
И не пророчь грядущую беду.
Давно знакомы нам её приметы.
В бой за Отчизну — помолчи — идут
Иных веков потомки Пересвета!

Павел Волынский
г. Москва

ЭМИГРАНТСКИЙ ПАРОХОД

Я уплываю в край далёкий
Чужой неведомой земли.
За дымкой берег невысокий
Мерцает призрачно вдали.
Мне думы тяжкие осели
На дно израненной души.
Христу во славу мы пропели,
Стоя на палубе в тиши.
Протяжный слышится гудок
Трубы, коптящей пароходной.

Над головами чёрный смог
Тоской повеял безысходной.
Каюты, трюмы до предела
Набиты множеством людей.
В преддверии нового удела
Забрали ценность, лишь детей.
Томится в духоте котельной
Цвет нации, не пряча слёз,
А миг опасности смертельной
Настигнуть может всех всерьёз.
Здесь профессура, духовенство,
Дворянство, высшие чины.
Для всех нас стало это бегство
Спасением от огня войны.
Запасы силы на исходе
И дух скорбями ослабел.
От плена, пусть к другой свободе,
Я в миг последний лишь успел.
На Бога только уповаю.
Пади, с державы гнёт оков!
Вернуть домой я умоляю
Отчизны дорогих сынов.

Юлия Гордеева
г. Санкт-Петербург

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В пекло и неистовую стужу, —
В облике любом ты мне нужна.
В грязную судьба толкнула лужу,
Но не дашь её коснуться дна.

Мне глотка достаточно живого,
Пересечься взглядами насквозь,
Каждое мгновение весомо,
Прочная судьбы моей ты ось.

В луже оказалась я глубокой,
Но не потону, не захлебнусь:
Чувствую живые я истоки,
В сердце — незапятнанную Русь.

КУЛИКОВО ПОЛЕ. КОВЫЛЬ. В ПЕРЕПЛЕТЕНИИ ВРЕМЁН

Ковыль — серебряные нити
В узор таинственный слились.
Под шёпот ветра плачут птицы,
Заслышав шаг, взывают ввысь.
Цветы в серебряных прорехах, —
В узор жемчужины вплелись —
Как лица воинов в доспехах:
За Русь! И битва не на жизнь!
Ковыль тревожным переливом —
Он помнит всё — в поклоне сник.
На поле полегли дружины,
На травы головы склонив.
Ковыль серебряной вуалью,
Как ризой воинов накрыл...
Князь Дмитрий разгромил Мамаю,
И враг бежал, гонимый, в Крым!
Ковыль — серебряные струны,
Игра степи ласкает слух.
Из веры сотканы этюды —
В непобедимый русский дух!

Наталья Смехачёва
Тверская обл., г. Торжок

ПЁТР ТРЕТИЙ

В морозном блеске шпилей и крестов
Санкт-Петербург надменен и спокоен.
Холодною серебряной луною
Украшены обрывки облаков.
Гольштейнский герцог, бледен и суров,
Один в дворцовых сумрачных покоях,
Прижавшись к скрипке детскою щекою,
Доверил ей тоску недетских снов.

Последний внук Великого Петра
С доверчивым, не знавшим ласки, сердцем
Под громовое русское «ура!»
Взойдёт на трон российским самодержцем —
И упадёт невспыхнувшей звездой.
Оболганный. Непонятый. Чужой...

Михаил Бондарев
г. Калуга

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Решающей битвы настала пора.
В холодном поту — гимнастёрки.
За Родину, братцы, в атаку! Ура! —
В бой ринулись «тридцатьчетвёрки».
И небо чернеет над Курской дугой.
Армада идёт на армаду.
Механик-водитель, нажми, дорогой!
Ответим германскому гаду!
Дым, копоть и грохот, и море огня.
«Пантеры» оскалились, «тигры».
Сражение покажет, чья крепче броня,
Чьи крепче бойцы, командиры.
Летят во врага за снарядом снаряд.
Жара. Под бронёй — душегубка.
Кресты полыхают и звёзды горят.
На Курской дуге — мясорубка.
На выступе Курском орудует смерть.
Дерутся как звери нацисты.
Броня нам поможет и русская твердь, —
Уверены наши танкисты.
Уродует землю за взрывом разрыв,
Глуша крики раненых, стоны.
Советские танки пошли на прорыв,
На запад идут батальоны.
Врагу не сломать Красной Армии клин, —
Пусть в Лондоне знают, в Нью-Йорке.
Весной в сорок пятом ворвутся в Берлин
Советские «тридцатьчетвёрки».

МИХАЙЛОВСКОЕ

Смуглощёкое небо усеяли сплошь конопушки,
И крестьянкой-простушкой глядится оно в Маленец.
Здесь незримо, но столь ощутимо присутствует Пушкин!
Он — владелец усадьбы и наших влюблённых сердец.
Мы в Михайловском, Боже ты мой! В полуночную пору!
Сердце так барабанит, ей-ей, прибегут сторожа.
Днём почтили Воронич, Тригорское, Савкину гору...
А сюда не успели. А нынче с утра уезжать.
Но сбылось! Мы в ином измеренье, в именье Поэта,
В мире горькой неволи Его, вдохновенья, проказ...
За оградой ждёт нас такси, ах, простите — карета!
Чутко дремлет возница, одетый в костюм «adidas».
Домик няни прижался дитятею к барскому дому.
Здесь, у няни под крылышком, скрашивал ссылку поэт.
То ль звезда отразилась в оконце, то ль данью былому
В той избе негасимым остался заботливый свет.
Антрацитовым оком блеснул остров уединенья.
Без сомненья, в его зазеркалье уснули века.
В эти воды гляделись восторги, волненья, смятенья...
Мелок маленький прудик, но память его глубока.
В ней отныне останутся наши счастливые лица.
Причащение к Вечности — щедрый Божественный дар.
Кладезь чудных мгновений пополнили яркой частицей:
Поцелуй на мосточке, пропущенный сердцем удар...
Запах росной сирени в такси принесли мы с собою.
К твоему прижимаясь плечу, изумлённо молчу:
За окошками тени, но будто над нашей судьбою
Няня, мудрая нянюшка теплит и теплит свечу.

* * *

*Почти у каждого пацана из Сибири матери
или бабушки зашили ладанки или крестики...
С. Ямщиков*

В гимнастёрки вшиты ладанки,
За плечом остры штыки,
Площадь Красная парадная —
В бой идут сибиряки.
Снег стеною, небо серое,
Звёзды видятся едва.
Только духом, только верою
Ныне выстоит Москва.
Тем, что было заповедано
И в душе сохранено.
Впереди весна победная,
Поминальное вино.
Позади леса дремучие,
Дом на взгорке у реки.
Примут долюшку горючую
Бабы, дети, старики.
Им работа непосильная
В радость будет день и ночь,
Лишь бы рожь росла обильная,
Лишь бы Родине помочь.
Пусть не будет долго весточки,
Издалёка ей лететь,
Лишь надежде тонкой веточкой
За окошком зеленеть.
В чистом поле, у дороги ей,
Где густые тополя.
А назад придут немногие,
Обезлюдует земля.
...Образа, свеча горящая,
И душа теперь светла,
Богородица скорбящая
Русь, как прежде, сберегла.

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО...

Помянем дедушку Петра
победною весной!
Не виноваты доктора:
война тому виной,
что канул дедушка во мрак
в числе других больных
в могиле, общей, как барак
брюшнотифозный их.

У смерти логика своя:
нагрянула война —
и значит, каждая семья
отдать ей дань должна.
На поле брани пасть могли б
отец мой и дядья.
Но дед один за всех погиб...
до фронта не дойдя.

Не годный к службе строевой,
сражался не в бою —
как трудармеец рядовой
он принял смерть свою.
Залили хлоркой дедов прах
в одной из тысяч ям...
На чьих мы топчемся костях,
никто не скажет нам.

УКРЕПРАЙОН

Долгая пустошь ежами уставлена.
Дол — как терновый венец на челе.
Доты и надолбы. «Линия Сталина»...
Юный Союз, на имперской земле
цепь укреплений в лихие тридцатые
вдоль усечённых границ возведя,
в тридцать девятом столбы полосатые
сдвинул на запад по воле вождя.

К новым кордонам щиты оборонные
переместить не успела страна —
в западнорусские земли исконные
лютою бестией вторглась война...
Кровля небес — ослепительно синяя.
Мир на ухоженных минских полях.
«Линия Сталина» — людная линия,
к ней не прервётся наезженный шлях.
Память не станет безжизненным остовам,
в омут не канет, не сгинет в золе...
Схожий музей обустроен под Островом,
славной твердыней на Псковской земле.
Есть и на юге подобные крепости.
Жаль, обветшал укреплённый район
западной Киева. Верхом нелепости
видится то, что не ценится он.
Видится злым извращеньем сознания
то, что насельники южной страны
в тяжком угаре крушат изваяния
общих героев победной войны.
В братских могилах, в безвестности мертвенной,
замерли тени убитых солдат.
Как за поправление памяти жертвенной
павшие — падших живых устыдят?..

О ВРЕДЕ КАНЦЕЛЯРИЗМОВ

До Петра и остзейской атаки
на устои соборной Руси
утвердили бояре и дьяки
всенародное право: «Проси!»

Коль придётся особенно тяжело
и невмочь помирать ни за грош,
бей челом, низкородный Ивашка,
в лучшем случае шишку набьёшь!

И досель за свою же работу,
где и рубль уподоблен грошу,
я пишу в заявленьях без счёту
заповедное слово «прошу».

И доселе казённые зданья,
чьи насельники в «слугах» у нас,
именуют свои предписанья
по-военному грозно: «Приказ».

Пострашнее стенного похабства,
что всего лишь изнанка реклам,
канцелярские формулы рабства,
с малолетства вестимые нам.

Я не знаю надёжного средства,
чтоб очистить родимый язык
от шаблонов поры военпредства,
от клише дооктябрьских владык.

Но живу я мечтой неизбывной:
все, что вам излагаю сейчас,
не покажется блажью наивной
и заставит задуматься вас...

Ксения Мотыженкова, 12 лет
г. Оренбург

НЕОБЪЯТНАЯ РУСЬ

Родилась россиянкой среди белых берёз,
Черноглазой, как ночи степные.
В колыбели спала из ромашек и роз.
Сон мой бережно травы хранили.

В Оренбургских степях, в окружении гор
Меня ветры учили быть стойкой.
Полюбить Оренбург и родной косогор,
И умчаться вперёд птицей — тройкой.

Погляжу на просторы великой страны,
Необъятную Русь золотую.
И твержу: «Русь, Россиюшка, долго живи.
О Господь, сохрани Русь родную».

Ты сражалась за наши родные края.
Отступила назад вражья сила.
Ты орлицей клевала толпу воронья,
И корону царицы носила.

О Россия моя, изумляй, расцветай,
Прогоняя далече невзгоды.
Смотрят бурый медведь и имперский орёл
На семью наших славных народов.

Алла Даниленко
Беларусь, г. Брест

У ВЕЧНОГО ОГНЯ...

Я не пишу на злобу дня,
Храню свой крик немой молчаньем.
Пред вечным пламенем огня —
Душа болит воспоминаньем
О не вернувшихся домой,
Виной войны и волей рока,
Ушедших в свой последний бой,
Схороненных в полях до срока.
О вас, что выжили в аду
И в мае принесли Победу —
В том долгом, памятном году,
В счастливый день недели — среду,
Безвестно канувших в боях,
Стоявших яро брат за брата —
С пометкой «выбыл» на полях,
В листках войны, без адресата...
О всех бойцах, до одного,
Что шли за жизнь на смерть в атаку!
...О чести деда моего,
Дошедшего до стен Рейхстага...
Стою у Вечного огня
В Победный день святого мая,
Молчаньем боль души храня...
За мир, что выжил, умирая!

АПОКРИФ

*Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва
Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов.*

(Евангелие от Марка, глава 16, песнь 9)

*Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она,
думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты
вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.*

(Евангелие от Иоанна, глава 20, песнь 15)

Три креста и ржавые гвозди,
Иудею тревожит рассвет,
Винограда сочные гроздья
На холсте оставляют след.

Ну, а если тебе всё ж неймётся,
Потерпи хотя бы три дня.
Я услышу, что сердце вновь бьётся
И зовёт в Палестину меня.

Придёт час, я покину гробницу,
По скалистым тропинкам пойду.
Для тебя расстелю плащаницу
На лугу в Гефсиманском саду.

Постучусь в окно как любовник,
Обрывающий листья с куста.
Ты вздохнёшь: «Ну, здравствуй, садовник,
Без тебя пересохла уста»...

Поутру вспоминать любовь глупо,
На рассвете все чувства новы...
Там в крови лежали два трупа
На зелёной глади травы.

* * *

Мой дед остался на войне
Под Ленинградом в сорок третьем,
И долго бабушка во сне
Его звала... но только ветер
Стучался в окна. Годы, старость
Съедали жизнь, и по утрам
Напрасно сердце с болью рвалось,

Сбиваясь в такт чужим шагам.
Стареют дети, внуки старше,
Чем дед в те дальние года,
И безымянно возле пашни
Горит могильная звезда.
Пред ней прошли пять поколений,
Ведь только ими жизнь светла...
Дед не пришёл, но в день последний
Всё так же бабушка ждала.

Георгий Романюк, 16 лет
Псковская область, с. Середка

ПУТЬ

Стеклянное солнце пустыни
И бледный мертвец — потолок
Над скатертью чистой и длинной,
Разбит божества уголок.
Картины со стен разобрали
На образы «после» и «до».
И что потерял ты вначале
Найдёшь у последних берегов.
Где мудрому знания скрыты,
Там бедный находит ночлег,
Под ветхой и ломанной крышей
Не знает он счастья иль бед.
Откуда им взяться... из сердца?
С глубин погоревшей души?
Покуда очаг есть согреться
Не будет и распрей внутри.
Покуда есть силы отбиться,
Бредёт по пескам человек.
И фляга пустеет амбиций,
Моргает... Но теплится свет.
Ты... Веришь в судьбы предсказанья?
Иль в то, что бормочет пророк,
Укутанный шалью из тайны?
Вот мне, например, невдомёк
Куда через тёмную чащу
Златая тропа поведёт?
Закончиться серою пастью
Мой век... или всё ж... повезёт?

ПРОЩАЛЬНАЯ МАЗУРКА

Теряя высоту, сквозь тучи
«Фарман» ложится на крыло.
Ну, что ж Вы, господин поручик,
Вдруг ткнулись головой в стекло?
Как скоротечен бой воздушный,
Когда один против пяти!
Из рук, внезапно непослушных,
Штурвал пытается уйти.
Держись, пилот! Садиться пробуй!
Не выпускай из рук штурвал.
Ведь некой ветреной особе
«Вернись», — на ушко ты шептал.
Вчера она в разгаре бала,
Как благосклонности намёк,
Тебе мазурку обещала
И подарила свой платок...
Он окровавленным батистом
Глаза невидящие трёт.
Мотор то глохнет, то басисто
Откашлявшись, опять взревёт.
Но пули бьют в обшивку гулко,
Слепую злость не утоляя,
И, как в обещанной мазурке
Кружатся небо и земля.

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Не мог он жизнь прожить иначе,
Его судьба — сюжет в роман.
Любимец ветреной удачи —
Поэт, гусар и партизан.
В чём можно было с ним сравниться?
Я затрудняюсь вам сказать.
Писать стихи в альбом девицам?
Иль в жаркой схватке побеждать?

Вальсировать с прекрасной дамой?
Ему и в этом равных нет.
Он мастер колкой эпиграммы
И политических бесед.
В бою сомнения не ведал,
В атаках был неудержим.
Повсюду рядом с ним Победа,
Повсюду Слава рядом с ним.
Герой двенадцатого года!
Лихой наездник и храбрец,
Счастливый баловень свободы,
Супруг и любящий отец.
Одет ли он в мундир гусарский,
Иль в скромный штатского сюртук
Неимоверно щедр, по-царски
И Пушкина сердечный друг.
Потомок! Вспомни и завидуй,
Ему талант от Бога дан.
Таким он был — Денис Давыдов —
Поэт, гусар и партизан.

СТРОКА ИЗ ТЕТРАДИ

*Поэту-фронтовику Николаю Майорову,
погибшему в 1941 году на Смоленщине*

Восходит солнце. Тренькает синица.
Шинелей пятна устилают склон.
Снежок, не тая, падает на лица,
И не поднять в атаку батальон.
Пошли они в атаку не за славой,
А за своих любимых и родных.
Бил пулемёт по ним на фланге правом,
Повзводно отправляя в мир иных.
Вершитель судеб, вражий пулемётчик,
Решил со смертью тот жестокий спор.
Короткой жизни тонкую цепочку
Он вместо ленты вкладывал в затвор.
Не тает чёрный снег на пепелище,
Бойца позёмка будет заметать
Дневник его навряд ли кто отыщет:

Клеёнчатую тонкую тетрадь.
Студёный ветер украдёт листочек,
Запрячет где-то посреди снегов.
Не сохранится торопливый росчерк
Поэтом недописанных стихов.
Когда наступит мирное затишье —
Пусть это будет лучшей из наград:
Убитые отчётливо услышат,
Как строчки эти внуки повторят.

Андрей Канавщиков
г. Великие Луки

ЗЕМЛЯ

Зёрна сухи и слепы
И томятся в печали.
Мы уходим на небо,
Но в землю вначале.
Потеснится и примет,
Пусть не думали даже.
Мы становимся глиной,
Придорожным пейзажем.
Мы становимся пеплом,
Горсткой листьев опавших,
Верим: прочно и крепко,
Но сочимся меж пальцев.
Верим в зёрна и карму,
В то, что поняли мельком,
И ложимся под камень,
Словно бы в колыбельку.
Нас качают метели
В зыбке плавно и нежно,
Пахнет душицей терпко,
Мятой, воском и... прежним.
Ни чудес, ни дороги,
Ничего не открою.
Хочешь небо потрогать —
Стань вначале землёю.

У СТАРЦА НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА

Думали — кошка. Назвал старец Липой,
Олимпиада в Москве гремела.
Взяли котёнка маленьким, хлипким,
Сто граммов мурчання и тёплого тела.
Думали — кошка. Всё вышло иначе,
Вымахал кот — вот такая подстава.
Но так и осталось, что имя девчачье
К коту приросло и навеки пристало.
Старец улыбку в устах лишь покоил,
Гладил кота, приговаривал: «Липа.
Божья душа. В нём основа и корни.
Кошек пускают к сиянию Лика».
Однажды по юности, по листопаду
Кот птицу поймал и как раз в воскресенье.
И Липа вымаливал долго пощаду,
И тёрся о ноги, желая прощенья.
Старец потом говорил проходящим:
«Смотрите, и кот может видеть печали.
Кот понимает! Что ж люди не чаще?!
Хотя бы чуть-чуть зло с добром различали».
Кот Липа мурлыкал в руках Николая,
Щурился, словно он солнце увидел,
И уходила судьбинушка злая,
И забывались все грусти, обиды.
Хотелось молчать, не кричать, не хвалиться.
Кот Липа играл, и улыбка, как должно,
У всех проходящих играла на лицах.
И было легко. И тепло. И надёжно.

БАТАЛЬОН

Лучи алеют над дорогой,
Как сотни воинских знамён.
Ценой успеха фронтового
Здесь стал погибший батальон.
Комбат всё знал: не уцелеют
Бойцы в бою, и схватке быть,
Им звонко птица пела трелью,
Шёл май, и всем хотелось жить.
Приказ святей молитв о жизни,
Окоп - её земная грань,
И нет других сынов Отчизны,
Но есть война, огонь и гарь.
Под танк с гранатами в обнимку
Вползти комвзвода не успел,
Поджечь броню, метнув бутылку,
Сержант израненный сумел.
В России истинную волю
Имеют с детства млад и стар,
Удержан был залитый кровью
Оборонительный плацдарм.
Повсюду люди распростёрты,
И ввысь, до облачной каймы,
Единым памятником мёртвым
Восходят чёрные дымы.
Убит комбат. Нет смелой Тани,
Полёт свинцовой смерти скор,
В аду отчаянных баталий
Погибло много медсестёр.
Закат блеснул и лёг гвоздикой
На тёмно-серый небосклон,
Цена того, что стало тихо, -
Один стрелковый батальон.

В МОЕЙ СТРАНЕ

В стране, где тропы и дороженьки
Ведут к просторам, душу радуя,
Поют особенные дожди,
Встают невиданные радуги.
Деревья дружно их приветствуют
Ветвями, тронутыми брызгами.
Уходят грозы в даль небесную,
Теряясь розовыми искрами.
А утром солнце раскрывается,
Места высвечивая райские.
Взлетают радостные аисты
Навстречу дню и небу майскому.
Но каждый луч своими гранями
Сродни штыку остроконечному,
Вокруг свинцом леса изранены,
А нивы сталью изувечены.
Крещёные и некрещёные
В атаках смерть делили поровну,
Огнём в святые вознесённые,
Они явили мощь народную.
Остались русскими названия
Родимых мест, а над погостами
Бойцов фамилии и звания
Берёзки шепчут длиннокосые.
Хранимы Память и обычаи
От посягательства и скверности
В стране особого величия,
В стране невиданной чудесности.

* * *

Красной рюшкою по белу сарафан на подоле

Подсолнухи на синем подоле,
Загаром солнце одарило плечи,
И Трувор-клён, смущенье одолев,
Прошелестел восторженные речи.
А у ворот, захваченный врасплох,
Встречает часовой в шипастых латах —
Пурпурный свой шелом чертополох
Склоняет пред моим конём крылатым.
Ладьи озерный не тревожат путь —
Века немало унесли водицы,
Но силятся объятья распахнуть
У дальних камышей три белых птицы.
Скала, где, верно, прячет великан
Поэтов мёд, томящийся в забвенье,
Взрывается каскадами зеркал,
Ключами от истока вдохновенья.
Сгорает день, к моей молитве глух.
Ложится вечер, затихает слово.
Совиных перьев, сброшенных в углу,
Наряд постылый надеваю снова.

ЗАЛЕССКАЯ СКАЗКА

*Переславлю-Залесскому —
жемчужине Золотого кольца России*

Как над озером да над Плещеевым
Свет-заря волной разливается,
Вокруг пней гнилых в лесу Кощеевом
Голубой туман завивается,
Все кикиморы да вместе с лешими
В топи гиблые возвращаются,
А Залесье вновь лучами вешними
От ночного зла очищается,
И скользят лучи-ладони по земли,
Сам Ярила-бог улыбается,
Переславль седой в волшебном озере,
Статным молодцем отражается.
В краски дивные, в росу жемчужную
На рассвете он наряжается,
Избы ладные да пашни дружные
Взору путника открываются.
Славу добрую сквозь века храня,
Берендеев край просыпается,
В древнем городе, в колыбели дня,
Сказка русская продолжается...

МАША ДА ИВАН

*В результате Белградской операции
(28 сентября — 20 октября 1944)
Югославия была освобождена и
восстановлена как государство*

Только «Маша». И ни слов, ни даты.
Там «Иван». Безмолвствует гранит.
Строем неизвестные солдаты.
Безымянность душу леденит.
Всполох славы холоден краток.
Серых плит внушительен парад.
Не сносить почётных плащ-палаток
батальонам, павшим за Белград.
К ним вплотную с самого восхода
южная жара и кутерьма...
Ну а здесь, в любое время года —
неизменно русская зима.

ЖИВОТНЫЙ ИНСТИНКТ (рассказ очевидца)

Куропатки, белки, фазаны
не боятся грохота войны
и в Донецк отрядами идут —
им отныне безопасно тут.
Чует зверь, теперь он будет цел,
не его преследует прицел:
хоть звериный действует устав,
в бойне — человеческий состав
и одна забота дорога —
до подвига истребить врага.
На пределе взвинченных идей
здесь идёт охота на людей.

РОССИЯ

В мировом сообществе медведь
выступает устойчивым атрибутом
российского государства.
Может я и не медведь,
но медведица.
Бойся, глядя шерсти медь,
присоседиться.
Бойся, черпая с глубин
сердца золото, —
будет всё в дыму лавин
перемолото.
Бойся, если попадёшь
в сталь объятия.
Сгинут в нём и неги дрожь
и проклятия.
Бойся, если под сосной
думу думаю,
заглянуть в души лесной
ртуть угрюмую.
Что стоишь ты, бел и тих,
без движения,
оловянных глаз моих
отражение?

Мария Цвенева
г. Тверь

* * *

Сверни, изобретая новый курс,
Достойно покорив ступени риска,
Сознай, что покаяние — искус
Хранителей мечты авантюристской.
Войди в часовню путников других:
Возвышенных стихирою певучей,
Забрезжит агасферам вещей гимн
Каскадом профетических созвучий.
Твоей удачи тусклое гало
В финале триумфальной вспыхнет аркой,

Отринь видений сбивчивый галоп —
Изыдет в Лету сгусток сплетен марких.
Смотри, как ангел демона разит,
Как брызжет кровь из русла дней текущих,
Верши межгалактический транзит,
Стяжай венец Христа во млечных куцах.
Молись, обескураженный радист,
В линкоре альтер эго — сонмы брешей,
Ведь так отступник ищет парадиз,
Его сокровищ в сердце не обретши!

Сергей Горшков
г. Псков

ЗА ВЕРУ И ОТЕЧЕСТВО, ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ!

Спокойной ночи, господа, спокойной ночи!
Пусть будет пухом вам земля у белой рощи.
И пусть фуражки у крестов напомнят встречным
О том, что Русь всегда была и будет вечной!

Сыны Империи по роду и крещенью,
Вы пронесли наш русский дух через сраженья —
Пускай вас примет, господа, в свои объятья
Земля отцов и матерей, сестёр и братьев.

А нас простите за щелчки курков пустые —
Нужны патроны для врагов Святой России.
Вы долг Отечеству отдать сполна успели —
Покойтесь с миром, господа, в земной купели.

И пусть фуражки у крестов напомнят встречным
О том, что Русь всегда была и будет вечной,
И пухом примет вас земля у белой рощи...
До скорой встречи, господа... Спокойной ночи...

ДЕДУ

Мы попросим нашу бабу
Протопить нам к ночи баньку,
И, ступая на порог,
Мяты, липы, зверобою
Не забудем взять с собою,
Чтобы слаще был парок.
В шайке веничек распарим,
Чайник травами заварим —
Помогает пропотеть,
Будем чаем упиваться,
Будем веником стегаться,
Долго ахать и кряхтеть.
Дверь откроем и с разбега
Упадём в объятья снега,
И под юною луной
Канут хвори и заботы,
И к тебе вернутся годы,
Годы, взятые войной!..
Если ж так
Вернуть их сложно —
То, давай, тогда мы сложим
Жизнь твою и жизнь мою
(Пусть мне тоже будет больно!)
И разделим — как обоймы
Поделили бы в бою.
И расправятся морщины —
Жизнь примеряют мужчины
Вновь, как чистое бельё...
Как, тебя мочалкой драя,
Я о шрамы обдираю
Сердце штатское своё!

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

*В боях за честь, свободу и независимость
нашей Родины на Тульской земле погибло
тридцать восемь с половиной тысяч
воинов Советской Армии и партизан*

Над землёй родною, над равнинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,
Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.
Над землёй родною, соловьиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Гнёзд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной тысяч
В рощах их не скажут о любви.
Над землёй родною, тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет средь полей:
Не сажать — откуда же им взяться? —
В честь детей своих, что не родятся,
Здесь отцам убитым тополей.
Над землёй родною, над невинной
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» —
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звёзд зажечь и обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велю...
Над землёй родною, над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь —
Вместе с нами русское раздолье
Сторожат от горя и раздора.
И попробуй нас располовинь!..

РОЩА ПАМЯТИ

*В Польше сносят памятники
Великой Отечественной войны...
Информация из СМИ*

На вопрос мальчишки, совсем простой,
Непростой ответ у фронтовика:
«Почему рукав пиджака пустой?» —
«Потому что в Польше рука!»
И мальчишка замер, изумлён:
«Деда, расскажи про бои!» —
«Там погиб гвардейский батальон,
Боевые братья мои!
Там, под переправой через Буг,
Кровью пропиталась земля!
Там лежат герои —
И столько рук!!!
Вот бы их сложить в тополя —
Чтобы встала роща над рекой,
Там, где берег бомбами взрыт!
В ней —
Друзьям, навеки нашедшим покой,
Соловьи бы пели навзрыд,
В ней —
Цвели б медалями на сукне
Кителей
Тюльпаны её полян,
В ней —
Сажали б саженцы по весне
Внуки ветеранов спасённых стран...
Не разрушить варварам, не снести б
Эту Рощу Памяти, что на века,
Где зелёной веточкой зашелестит
Правая моя рука...»

* * *

Сна не хватает, Бог вперемешку
С мыслями суетными бредёт.
Все происходит будто в насмешку,
Будто бы в очереди, у Ворот
В Горние дали, все в ожидании,
Каждый услышит слово своё.
Гордые души, в шумном собрании,
Вдруг раскричались, как вороньё.
Длинная тропка протоптана в вечность,
Душам усталым не видно конца.
Понял я вдруг, что бесконечность,
Тенью ложиться на лик гордеца.
След оставляя глубокой тоскою,
В сердце войдя раскалённой иглой.
Песня взлетает, подобная вою,
И поднимается, в след, за душой.
Проще простого остановиться,
Не поднимая к Небу глаза.
Тени сомнений, в испуганных лицах,
Тени печали, на Образах.

* * *

Закрыто всё, и двери, и душа,
И путь на север, и глаза на небо,
На острие Его карандаша,
Остались беды.
Как образы на выжженной земле,
Вплавляя в душу, чей то отпечаток,
Им остается только зеленеть,
В плену сетчатки.
Моя земля, мой северный покой,
Живущий на окраине вселенной,
Я навсегда, соединен с тобой,
Как статуя, колено преклоненный.

Так распустились звёзды, как цветы,
 На перекрёстке, у разбитой церкви,
 Как слёзы мира, также велики,
 И также бесконечны, словно цепи,
 Обвитые вокруг всего меня,
 Тяжелые, как суетные мысли,
 Возьми к себе, безликая земля,
 И уложи седой росой на листья.
 Возьми к себе, не спрашивай, зачем,
 Я прихожу, как будто на свиданье,
 И плачу, в окруженье старых стен,
 Предчувствуя на веки, расставание.
 И дождь стучит по брошенным камням,
 Дробя на буквы, эти песнопения,
 Прости меня, за то, что это я,
 Такой усталый и такой весенний.

Ольга Тоболенская

Псковская область, п. Пушкинские Горы

СИРЕНЕВЫЕ СУМЕРКИ

Сиреневые сумерки. Сирень
 С собой усадебный напитывает сад.
 И в гроздьях каплями душистыми блестят
 Следы дождей, так освежавших день.

И ни души... Покой со всех сторон.
 И терпко травы пахнут в воздухе сыром.
 Гостей докучливых не слышит больше дом,
 Лишь только пенье птиц из мокрых крон.

Быть может, когда парк безлюдно тих
 И в ветвях яблонь — мягких сумерек печать,
 Вздохнув, усадьба начинает вспоминать
 Всех прежних обитательниц своих?

Когда-то нежный смех вплетался здесь
 В листву, играющей от ветерка, напев

И, заблудившись в летнем шорохе дерев,
В вершинах старых лип остался весь.

Хранятся отраженья милых лиц
Под аркой мостика в бездонной темноте:
То над поэмой предающихся мечте,
То локон поправляющих девиц.

Они мне ближе тут, где всё живёт,
Не в комнатах, «принадлежавших господам».
Над безмятежностью зеркального пруда
Туманы водят зыбкий хоровод.

Ряд окон повторяется в воде,
Как будто плавно поднимаясь из глубин.
За переплётом — мимолётный взмах руки? —
Вдруг промельк в колыхнувшейся волне.

Мне легче услышать их тихий шаг
Не от паркета, чья начищенность резка, —
От красноватого и влажного песка
Дорожек — будто юбки их шуршат.

Входя под сень аллеи вековой,
Гляжу скорей в её затейливый зигзаг:
А не покажет ли зелёный полумрак
Хоть мельком белый зонтик кружевной?

Как прежде, под шатром еловых лап
Ажурных папоротничков сквозит узор,
Оберегая утончённых леди взор
От вида ящерок, лягух и жаб.

И парк лелеет капельки небес,
Разбрызганных над потаённым ручейком, —
Он всё мечтает незабудковым венком
Наряд украсить барышень-невест.

Для них укромный грот плющом обвит...
А слова «барышни» и нет уже давно.
Не знаю, ведает ли правду, но
Усадьба свято верность им хранит.

ЛУЧИК СОЛНЦА

Уходит ночь, и розовое солнце,
Ещё скрывая первый теплый свет,
Вот-вот заглянет с робостью в оконце
В тот дом, где для обиды места нет.
Туда, где всё решается спокойно,
Без громких слов и резких грубых фраз,
Где утро начинается достойно,
С приятной строчки и любимых глаз.
— Моя душа, ты спишь? — и очень нежно
Послышится тот радостный ответ:
— Я — нет... Мой ангел безмятежный,
Давно ли ты встречаешь наш рассвет?
Ответом станет милая улыбка...
Вдруг лучик солнца постучит в окно.
И нет сомнений, что любовь проникла
В дом тех, кому быть вместе суждено.

Константин Товескин , 17 лет
г. Омск

НАША ИСТОРИЯ

*...В целом школьники знают важнейшие события истории России, однако заметные трудности участники экзамена испытали при выполнении заданий на основе исторической карты, а также при аргументации предложенной точки зрения на исторические события...
Руководитель Рособрнадзора о результатах
ЕГЭ по истории в 2019 году*

Выкорчёвывать — наторели,
Рвать как скрепы из Мать-Земли.
...Мы —побеги. Нас — проглядели.
И мы всё-таки проросли!
В ком Отчизны вцепились намертво,
Души вынесли смело — в синь.
Топорища удар касательно —
Где-то близко...Господь, спаси.

В нас — неровных и непохожих
На великих ещё пока
Бродит дух под некрепкой кожей
Дерзновенной любви ростка.
Молодых не ломает ветер,
Лишь упорней поможет стать.
Мы земли нерушимой дети
Обретём исполинов стать!
...Но, назначено быть поленьями.
Печь — ЕГЭ освещает тьму.
Всё «сдающее» поколение,
Проходите!
По одному!

Ирина Яненсон
г. Псков

ПСКОВ. СНЕГ НА ЗАВЕЛИЧЬЕ

А снег валит, укутывая Псков
Волшебной пеленой предновогодней,
Как будто с неба милостью господней
Нам снизошло прощение грехов.
Мороза нет, снежинки под ногой
Капризно хлюпают и быстро тают,
Ну что ж, видать, судьба у них такая,
Пока что не послал Господь иной.
Но всё равно такая красота
У нас на Завеличье, на краю у Пскова,
И кажется, что нет нигде такого,
Снег падает, как в Рождество Христа...
На улице покой и тишина,
Мир замер как картинка на иконке,
Гирляндами украшенная ёлка
Блестит почти из каждого окна.
И вдруг мелькнёт при свете фонаря
Подхваченная ветром тень монаха,
Восставшая на улице из праха
«Стефана на лугу» монастыря.

ЛЕС МОИХ СТИХОВ

Вместо участия ставили равнодушие,
Вместо касания — бешено рвали связь.
Верить-не верить: вот как в минуту рушится
То, что пытались строить, не торопясь.
Если идёт война — не сдаваться, выстоять,
Если любовь, то крепко зажать во рту
Эти слова-ножи, эти крики-выстрелы,
И с головой в звенящую немоту
Падать. В объятия трав, васильков и лютиков.
Падать. В молчание маков и зелень мхов.
Если уйдёшь сейчас, то клянусь: убью тебя,
Похоронив в лесу из своих стихов.
Брошу в костёр улыбку, предам забвению
Дерзкий изгиб бровей и азартность глаз.
Это уже не ты, а стихотворение
Вполоборота, в профиль, спиной, анфас.
Я запишу без знаков и только строчными
голос походку привкус табачных губ
Я обращаю их в паузы, многоточия
И уложу в могилу под старый дуб.
Всё закопаю в памяти очень тщательно,
Скорбно вздохну, на прощание подарив
Тонкий венок из ямбов, хореев, дактилей
С ленточкой ассонансных неточных рифм.
Вырванное из сердца заклею пластырем,
Вымету, выжгу, спрячу, перевяжу.
Можешь идти. Желаю любить и здравствовать.
Прямо сейчас. И я тебя не держу.
Скоро взойдут стихи, что ещё не сказаны,
Мне не впервой уже наблюдать за тем,
Как по весне мой лес расцветает фразами,
Брошенными давно и не помню кем.

ПОГОДА ОПЯТЬ...

Погода опять портится.
Дождями земля полнится.
И кошка беспри-зорница
Под этим дождём моется.
А небо опять хмурится.
И тучи пришли чёрные.
Тоскливо глядят улицы,
Как будто заклю-чённые.
И город опять маленький.
И стены в нём сплошь серые.
А мне бы цветок аленький,
Чтоб сердце зажечь смелое.
Глаза фонарей — кошкины,
И люди вокруг — нелюди,
И сказки здесь баб-ёжкины —
Всё гуси, да не лебеди.
Дороги опять спутались.
Какого числа, месяца?
Витрины. Одни глупости
Неоном в ночи светятся.
Кругом голоса — шёпотом,
И морды машин хитрые.
А где-то внутри что-то там
Стучится метро-ритмами.
Прони-занная холодом,
Во что я теперь верую?
Я стала сама городом,
Где небо всегда серое.
Где стены домов чёрные,
Глаза фонарей щурятся,
И словно заклю-чённые
Вздыхают в ночи улицы.

Ветераны не сидят в Инстаграме

Взял бы лучше позвонил своей маме,
Не мешая шашлычок с алкоголем.
Ветераны не сидят в инстаграме,
Ну а мёртвым, тем и вовсе не больно.
На антенне полосатая лента
И пилотка тех времён... Неуместно.
О войне — по фильмам и документам,
Ты не сможешь повторить, если честно.
Нет, не только ордена и медали,
Не парады, танцы, залпы салютов.
У Победы привкус крови и гари,
Страху гибели в любую минуту.
У Победы запах пороха, пота,
У Победы голос тех, кто остался
На полях, в лесах, в землянках, в болотах —
Не дошёл. Недолюбил. Не дождался.
Пусть о важном будут тихими фразы,
Не о силе напоказ, но о мире,
Где любовь и вера не по приказу,
Где надежда не в военном мундире.
Пой, покуда песнь, летящую звонко,
Не задавят сапогом ненавистно.
Смерть стоит и наблюдает в сторонке,
Уступая место пламени жизни.

* * *

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.

Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут, чем могут, всем миром.

Там невест чистота,
И людей красота,
Там не строят дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки —
Ждут удачу свою на рассвете.

Там живёт мой народ,
Там природа цветет,
Там смеются залиvisto дети.

Деревенский уклад.
И, наверно, стократ
Буду Господу Богу молиться,

Чтобы тысячи лет
Тёплый искренний свет
Освещал эти русские лица.

Станиславу Субботину

Нынче писать стихи —
себе дороже,
Каждый — ценитель,
но каждый десятый —
каратель,
Вот и готово поэту
прокрустово ложе,
Чтоб не торчали пятки
из общей кровати.

Только не тот поэт,
кто ищет где слаще,
Кто отупел от жлобства
и от гламура.
Есть еще,
поверьте,
стихи настоящие.

Именно в них летит
пуля-дура.

Я ЕЩЁ ЖИВОЙ

*И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним...
Николай Зиновьев*

Не надо плача! Я ещё живой, —
Назло кликушам, в пику лжепророкам, —
Живу в краю лесов, озёр и сопок,
В краю степей с нескошенной травой.

Не надо жалости, не надо горьких слёз, —
Ведь это я держал штурвал «Варяга»,
С победой я стоял у стен Рейхстага,
И первым я рукой коснулся звёзд.

Я утопал в болотах и в песках,
Я строил БАМ, я мастерил ракеты,
Я исполнял в обители обеты,
Я был распят за веру на штыках.

Я здесь во всем, в берёзах, в ковыле,
В моих сынах и дочерях, во внуках,
Я выжил в них и в счастье или в муках —
Они есть я. Мы живы на Земле.

Не прав поэт. По нам не плачет Бог.
В годину смут крепчает русский норов,
Мы будем жить! И, как сказал Суворов,
Мы — русские!

Горжусь!

Какой — восторг!

СВЕТ ОБИТЕЛИ

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СТАРЦА
СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО
МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)

По благословению митрополита
Псковского и Порховского Тихона

МАЛОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Говоришь, что мучает тоска?..
Едем на маршрутке до леска!
Там церквушки белые бока
Дотемна видны издалека.
Льётся свет над церковкою той,
Как над сельской бабушкой простой,
Что кутью варила и компот,
Что ходила в храм из года в год —
Палочка в морщинистой руке,
Чёрная кошёлка налегке...

Люстры понапрасну там не жгут,
Помощи от города не ждут,
Но стоит живая тишина,
Словно изнутри озарена.

Знаешь, эта церковка свята
Тишиной присутствия Христа...

Галина Щербова
г. Москва

ЕВАНГЕЛИЕ ЧИТАЮТ

*...Как только начинается чтение
Евангелия в храме, прекращать все
посторонние дела...
о. Иоанн Крестьянкин «О чтении
Евангелия дома и в храме»*

В окне небеса рассветают.
К Николе пойдём, к Илие, —
Евангелие читают.
Читают Евангелие.
Сердцам благотворны касанья
речей, озаряющих храм:
словами Святого Писанья
Христос обращается к нам.

Мы слушаем их. Да не слышим.
Мы рядом. А мыслями — нет.
Но голосом тихим из ниши
доносится старца совет:
«Не трогай фитиль у лампы,
поставить свечу не спеши, —
молитве довериться надо,
порыву открытой души.
Отринув дела рядовые,
до неба пройти за Христом.
На этом пути, как впервые,
себя осеняя крестом.
Заветы и кровью питают,
и плотью твое бытие...»
Евангелие читают.
Читают Евангелие.

Валентина Ефимовская
г. Санкт-Петербург

* * *

России дух вовек не источится,
Как тысячу, как десять лет назад...
Бескровные, родные вижу лица
Погибших за неё солдат.

Отчизна — суть извечных упований
Героев Бреста, Ясс, Бородина.
России сердце — это поле брани.
С победой не кончается война...

И наши православные границы
Тьма одолеть пытается опять.
России дух вовек не источится,
Пока на Бога будем уповать,

Покуда в горний край Господни слуги
Возносят, утешая, души тех,
Кто отдал их за веру и за други,
И русских душ пред Богом больше всех.

* * *

Отче наш!
Во гневе и любви
Я молюсь Тебе во искупление,
Чтобы все свершения мои
Не служили скудости и лени.

Славят: книголюб и книгочей.
Я молюсь и в праздники, и в будни,
Чтоб гордыне суетной моей
Не отдать и крохотной секунды.

Изречение сирое мое
Так ли уж кому-нибудь и нужно?
Слова заостренное копье
Слишком уж опасное оружие.

И во дни короткие мои
До тех пор, покуда кровь не стынет,
Дай мне, Боже, веры и любви
И избавь от гнева и гордыни...

Валентина Коростелева

Московская область, г. Балашиха

КОЛОКОЛА

Опять вовсю звенят колокола, —
И замолкают, и светлеют люди.
Сияет церковь, розово-бела,
Да вечно на земле она пребудет!..
Порою мнится, что иду ко дну,
И не шутя прощаюсь с чудесами, —
Но если снова в церковь загляну
И встречу с Богородицею глазами, —

Душа освобождается от пут
И на судьбу обиженно не ропщет...
Так неизбежно по утрам бегут
Ночные тени из весенней рощи,
И город — в ожидании тепла,
И кажется, что где-то рядом счастье, —
Когда вовсю звенят колокола,
И нет, и нет иной в округе власти...

Галина Стручалина
г. Белгород

МОЛИТВА МАТЕРИ

Вечер у изголовья,
В стёклах дрожат огни.
«Верю и любовью
Души детей осени.
В горестях, на чужбине,
Будут в болезнях они —
Верой, любовью, как ныне,
Души детей сохрани.
Даже из пепла, где мерой
Вечность, один еси
Боже, любовью и верой
Души детей воскреси!»
Этой молитве много
Минуло сотен лет.
Молится мать. У Бога
Давности срока нет.
Отсвет её лампадки
Пусть не затянет мгла.
Ангел слетел украдкой,
Тихо простер крыла.

САДЫ

Есть ли что на свете краше
рукотворной красоты?
Вековое чудо наше —
монастырские сады!

Забредя в обитель, вдруг ты
видишь, глядячи окрест,
экзотические фрукты,
ягоды из южных мест.

В Соловках растят арбузы,
а в Сибири — виноград
и не видят в том обузы
инок Нил и брат Кондрат.

И крестом в нездешних куцах
осеняет прихожан —
и усопших, и живущих —
светлый старец Иоанн.

В этой жизни скоротечной
знатный был садовник он:
вертоград любви сердечной
в наших душах им взращён!

Не избыть земной заботы
у небесного крыльца:
садоводческой работы
много в Царствии Отца.

Что представлю, обмирая
от болезни, от беды?
Чудотворный образ рая —
монастырские сады.

СКИТ

Затерян скит в лесу далёком,
Где даже птицы не поют,
Но кто-то молит одиноко:
"Кому повем печаль мою?"

Молитвы тайное творенье
Ночной порой, в глухом краю,
Свечи неясное горенье —
"Кому повем печаль мою?"
А над тайгой грозы раскаты,
Дожди ночами льют и льют...
А в доме теплится лампада —
"Кому повем печаль мою?"

И только лишь в беседе с Богом
Весь мир огромный узнаю.
У каждого своя дорога —
"Кому повем печаль мою?"

Татьяна Лашук
Беларусь, г. Гродно

ОБЕРНИТЕСЬ НА СВЕТ

Есть у имени смысл, есть у вечности миг,
Чтобы свет не затушен был смертью.
Сквозь туманность времен проясняется лик,
Как свеча потерявшимся светит.

У Марии есть Бог, а у Марфы есть хлеб,
Чтоб Христа утомленного встретить.
Только страждущий глух, только алчущий слеп,
Озверели Господние дети.

Есть в ладонях тепло и есть нежность у век,
И бессильна бесовская челядь.
Пусть над шахтой метет алапаевский снег:
Меру веры Крестом нужно мерить...

КРЕЩЕНИЕ

Минус сорок.
Мрак вселенский,
Ночь темным-темна.
Стынут в проруби крещенской
Звезды и луна.
Пред купелью, окаянный,
Встану не спеша.
Стали нынче Иорданью
Воды Иртыша.
Помяни нас, Русь Святая,
И спаси нас Бог.
Обожгла вода святая
С головы до ног.
Верю — душу уврачует,
Отведет беду,
Ну а после — ног не чуя,
Побежал по льду —
Разлилось тепло по телу
Все сильнее-сильней,
И немного потеплело
На душе моей.
Оклемался. Выпил чаю,
Задышал опять,
Вот теперь, кажись, и чаю
Божью Благодать.
И не страшен мрак вселенский,
Горе и беда...
Стынет в проруби крещенской
Поздняя звезда.

ТРОИЦА

Душе светло и незлобиво.
Упала от деревьев тень,
Во всей красе, неторопливо
Встает из-за причала день.

Сегодня Троица. Я свечку
Затеплю пред Твоим Лицом,
Дух переброшен через речку,
Как радуга, Твоим Отцом.

И те, кто умер, те, кто вживе,
Той радугой озарены,
Неважно, при каком режиме
Иль новых бедствиях страны.

Даль прояснилась, волны стихли,
Небесный шорох ловит слух...
То гомон райский или стих ли,
Или Господня сердца стук?

Мария Парамонова
Смоленск-Тверь

БАЛЛАДА О СЛОВЕНСКИХ КЛЮЧАХ

Под Старым Изборском, у древней тропы
Я встретила камень, людьми иссечённый.
Года и столетья он вспять торопил,
Поэту открыв, что сокрыл от учёных:
Изборские травы вбирали лучи,
А дева босая в сорочице белой
Росой умывалась и шла на ключи,
Воды наливала и с птицами пела.
Изборские травы роптали в ночи,
А женщина в красной с шитьем поволоке
Срывала их с корнем, несла на ключи,
При свете луны омывала в потоке.
Во Пскове на берег Великой-реки

У стен крепостных, за причалами сразу,
Солому и брёвна везли мужики —
Священным огнём успокоить заразу.
Двенадцать ведуний и жён-повитух
Взошли на костер вековых суеверий.
Огонь, разгоревшийся было, потух.
Толпа — клекотала, шипела, ревела.
Раздули огонь, он коснулся небес.
Мольбы и стенанья, горящие платья.
Лишь ведьма — одна из двенадцати здесь,
Бесслёзно и злобно метала проклятья.
Зараза стократ извела псковичей —
От смерти злодейством нельзя откупиться.
Но люди, испив от Словенских ключей,
Снискали здоровья и веры крупницы.
А старец-отшельник печерский сказал:
Двенадцать ключей — это Божия милость,
Двенадцать Апостолов молят в слезах,
Чтоб верою наша земля сохранилась!

Марианна Соломко
г. Санкт-Петербург

* * *

Сколько бы ни кроили,
Рвали, опять сшивали, —
Теплится на Украине
Веры свеча живая.

Сколько бы ни бесились,
Каркая и гнусавя, —
Не упадёт в России
Светлой надежды знамя.

Сколько б границ ни узили,
Подло толкая к яме, —
Гимном любви в Беларуси —
Рощица с соловьями.

Тщетно могила роется,
Злобно готовится плаха, —
Родины звёздная Троица
В битве не знает страха.

МОЛЧАЛЬНИКИ, МОЛЕЛЬНИКИ

Молчалиники, молеельники,
заступники, затворники.
Твердыни слова вешего,
твердыни слова горнего.
Не спят они, а молятся,
поклоны за поклонами,
молитва за молитвою,
лампада пред иконою.
За буднями, за битвами,
за куполами, звонами,
не громкие, а тихие,
стоят они за Родину.
Стоят они, нездешние,
не слабые, а мощные,
стоят в тиши молеельники,
не малые — огромные!
А если враг объявится,
раскинут плат на стороны.
Молитву скажут тихую —
ответит небо молнией.
Стоят земли защитники,
и будет вечно слово их.
Не громкое — а тихое,
не слабое — а мощное!

КОЛОКОЛА

Свечу любви!.. терзаньем душ!.. храня!..
Россию!.. озаряют!.. небеса!..
Верховных истин свет!.. венец огня!..
Всевышний крест!.. распятого!.. Христа!..
И каждый миг!.. рождение!.. творя!..
Молением!.. всесильностью!.. добра!..
Из века в век!.. духовностью!.. кропя!..
Над нами!.. «в стон» поют!.. колокола!..
Колокола звонят!.. и рвутся!.. ввысь!..
Их звон всегда!.. гармония!.. звучанья!..
И мы, внимая им!.. находим!.. нить!..
Соединения!.. всевышнего!.. начала!..
У них!.. всегда высотность!.. глубина!..
Их звон!.. как отражение!.. вселенной!..
Они!.. венчают храмы!.. в куполах!..
И мы под звон!.. становимся!.. добрее!..
Колокола!.. Звонят!.. колокола!..
Сердца людей!.. им вторят!.. своим жаром!..
С владимирских времён!.. живёт!.. страна!..
Святая Русь!.. с колоколами!.. в храмах!..
Их отливали!.. под молебный!.. вздох!..
Порыв души!.. присутствовал!.. в творенье!..
И их рожденье!.. чудо!.. до сих пор!..
Как маленькое!.. Божье!.. Воскресенье!..
И возрожденье!.. храмов!.. на Руси!..
С молитвой будет Русь!.. будить!.. со звоном!..
И пред распятым!.. хочется!.. просить:
— Спаси, Господь!.. от дьявольского!.. крова!..
Верни нам то!.. что было всем!.. как свет!..
Святая вера!.. и духовность!.. жизни!..
Чтобы слова!.. «я русский человек!..»
Звучали гордо!.. и совсем!.. не стыдно!..

МОНАХ МАРТИРИЙ

*Монаху Псково-Печерского монастыря
— последнему в обители участнику
Великой Отечественной войны*

Меняются, проходят времена,
Но двери тайны остаются узки.
Монах и боевые ордена —
Всё так привычно и по-русски.
Нет, не в смирение чувств и слов
Есть понимание вселенной,
Но раз Отчизне тяжело,
То всё вокруг — второстепенно.
Вот и идут на смертный бой
Учитель, инок, отрок, взрослый...
Ведь если сердце наше — Бог,
Служить ему — дышать. Всё просто.
Монах Мартирий. Шубин Марк.
Что здесь первично? Всё едино!
Всё вечно складывалось так,
Что всё обычно и всё — диво.
Отважный брянский партизан,
Освободитель Будапешта,
Победный в Праге слышал залп
И принял постриг как надежду,
Открылась истинная ширь,
Глубины истинного в мире,
В Псково-Печерский монастырь
Попал солдат-монах Мартирий.
Молитва, распростёрта длань,
Провидеть важно зрячим оком:
Похожи очень духа брань
И брань у вражеских окопов.
Как одолеть фашистский танк —
Так одолеть врага молитвой.
Монах Мартирий. Воин Марк.
Одна душа. Одна в ней битва.

АПОКРИФ

Проходил селом богатым Спас, а с ним апостолы —
был в тот день великий праздник, колокольный звон.
Все село тогда молилось, пели алконостами
литургийные стихиры, праздничный канон.
А когда накинул вечер покрывало мглистое,
все сельчане собирались у огней лампад,
и внимали благодати, и молились истово,
и горел закатным златом тихий листопад.
Но не слушал Спас молитвы, не стоял во храме Он,
а сидел в избушке старой на краю села,
где над маленьким ребенком голубицей раненой
пела песенку сестренка, пела и звала...
И апостолы внимали, словно откровению,
и сложили в красный угол хлебы и гроши
догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души.

Юлия Гордеева

г. Санкт-Петербург

ТОТЬМА

Здесь первозданная Россия:
Русско-крестьянские дома,
И в небосводе светло-синем –
Нежно-перловые снега.

А путь к Музею Мореходов
Жемчужным выстелен ковром,
И к церкви Рождества Христова,
Где обрела я кровный дом.

Сквозь время Тотьму вспоминая,
В холодном быте я томлюсь,
А там Русь чистая, живая, –
Я ни за что не отдаюсь!

ЦВЕТЫ ВЕЧНОСТИ

Жизнь — борьба добра и зла,
Но, Всевышнему хвала,
Есть конец у всех земных дорог.
Каждый, как настанет срок,
На Его святой порог
Принесет души своей цветок.
Кто ромашку, кто тюльпан,
Кто домашнюю герань,
Кто шипы давно увядших роз...
Соберёт Господь букет.
А красив он или нет? —
Ты задай себе такой вопрос.

От потерь и от разлук,
От того, что предал друг,
Боль порою не даёт вдохнуть.
Не боец и не герой,
Ты за правду встал горой,
А ведь мог и легче выбрать путь.
Боль пройдёт твоей души,
Так израненной о жизнь —
Исцелит её небесный свет.
Но не дай душе пропасть
Ни за деньги, ни за власть,
Для нее тогда спасенья нет.

В этой жизни нелегко поверить:
Вечности для нас открыты двери,
Если мы души не потеряли
На земном нелёгком перевале.

ВЛАДИМИРСКАЯ РУСЬ

Хрещатый яр, народ идет к Днепру,
Владимир смотрит вдаль и ищет Бога;
единственная, в сущности, дорога
приблизиться не к вере, но к добру.
Дремучий лес, дремучие века,
в селениях неистовствует нечисть,
посадам и очиститься-то нечем,
дубиной не раздавишь червяка;
повсюду ложь, интриги и вражда,
в опухшей пустоте тоска и дрязги,
мятеж огня, языческие пляски,
и вечная казенная нужда;
на первый взгляд, зазорная она,
трофейная политика притворства,
в подвохах перемирия — сиротство
и нет рационального зерна;
а делать что? град стольный нелюдим,
периметру соседствует ограда... —
вот, каменная крепость! значит надо,
чтоб мир тот стал навек непобедим,
мир истины. Вторгается в леса
хрустальным звоном эхо чужестранца;
очищенное водами пространство,
темнеющие было небеса
пронзает луч, срывая пелену.
Владимир смотрит вдаль и видит Бога.
Все страхи смыты, чистая дорога!
Отныне князь спокоен за страну.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

*по картине Н.К. Рериха
«Святой Сергей Радонежский»*

Преподобный выстроил Храм,
Не из камня и древесины.
Создан в Духе великий Ашрам.
В нём укрыто сердце России.
От коварных мечей,
И завистников стрел,
От туманных речей,
И неправедных дел.
Небо зорко следит,
За маршем стройных полков,
Словно Бог говорит:
«Довольно Миру оков!»
Мастер смог на виду,
Тайну нам показать.
Спрятав Правду одну,
Что не каждому знать.

Виктория Каланчина

Алтайский край, г. Рубцовск

МОЛИТВА

Припадаю с молитвой к иконе,
В сердце бережно веру храня.
Наполняется сердце покоем:
«Боже святой, помилуй меня!»

Отче наш, ты спаси от напастей,
На путь истинный, Боже, наставь.
А случится уж если несчастье,
Ты в беде, я прошу, не оставь...

Научи нас прощать, быть добрее,
Бескорыстно и верно любить.

Стать чуть искренней, каплю нежнее...
Каждый миг своей жизни ценить!
...Верю я, что молюсь не напрасно,
Ведь душа моя снова чиста.
И стоит пред глазами — так ясно!
Светлый образ Иисуса Христа...

Татьяна Халаева
г. Севастополь

РОДСТВО

Играют солнечными бликами
Картинки русской старины:
То малыми, а то Великими!
Коль поглядеть со стороны.

Сквозит то зависть, то ирония,
В потоке шумном бытия.
Со стороны глядят сторонние,
Чужие люди, но... не я.

Я не чужая! И не дальняя!
Такою быть не соглашусь.
Я — дочь! Моя многострадальная,
Великая, Святая Русь.

Живу с твоею ноткой в голосе,
С твоею силою земной,
С косою русой, цвета колоса,
С твоей Молитвою живой.

И я давно уже заметила,
Что помню всё, из всех веков:
И праздники, и лихолетия,
И запах маминых духов...

Играя солнечными бликами,
Течет истории река.
А надо мной, тревожа кликами,
Летят, как журавли, века...

КСЕНИЕ, БЛАЖЕННАЯ

«Немоту Христову возлюбивши» —
Точно ближе к свету, чем к огню,
Из забвенья прах освободившей,
К ней одной, как ко Христову дню:
Ксение, Блаженная, о мати,
Мир безумен снова, оглянись!
Странницей ушла — вернись в палаты,
И за нас, заблудших, помолись.
Всяк просящий — будет да услышан,
Мать — за сына, дочь — за отца.
Благодать, дарованная свыше —
Как жена за мужа — без лица,
Столько лет без имени и крова,
В обветшалом платье вдоль морей.
Как сама на тяготы готова,
Так и ныне — вышла из дверей
На Смоленский в сумеречном бденьи.
Горькое знаменье таково —
Вновь Россия просит о спасеньи
Верного народа своего...

Надежда Регентова
г. Санкт-Петербург

* * *

Звёздочки рассыпчатой крупую
На церковных главках почивали,
И быстрее всего они желали
Утром солнце встретить золотое.
А на дне колодца, отражаясь,
Воссияет крест на колокольне.
Радостная встану я сегодня,
В день грядущий плавно погружаясь.
И росой серебряной умывшись,
Воссияют звёзды дивным блеском.
Накануне долгим сном забывшись,
А с утра проснулись и воскресли.

МОЛИТВА

Душа запросилась на исповедь
И потянулась к храму.
Молилась в тиши неистово.
Впервые в жизни, упрямо...
Молитвы слова невнятные
Голубями взлетали,
А Богу были понятными —
Искренними в печали:
Спаси нас, Господи! Не все...слышишь?
Ты нашей болью вместе с нами дышишь.
И светлой радостью сердца питаешь,
И таинствами души наполняешь.
Спаси нас, Господи! — и примем мы уроком.
Смиренье, веру обретем глубокую!

Глория
г. Краснодар

* * *

Снимаю шляпу перед Чистой Душой,
Способной отдавать без сожаления!
Ласкать, жалеть и жертвовать собой,
Не требуя взамен вознаграждения.
Такие люди — редкость, как алмаз,
Добытый в недрах потом и старанием.
И все, что делают они — не напоказ.
Идет от сердца, помыслов, желания.
И не стяжают для себя они
Ни благодарности, ни вечного признания.
Распространяя Светоч Доброты,
Как Божьи Вестники любви и сострадания!

И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликёрец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
Сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...

Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утрясь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...

Снится: у рая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!

— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!..

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Пост Великий
настал уже!
Я иду церковным
двором,
избавляясь от язв
и сарком
в покаянной своей
душе.
Если слёзы до дна
выпреснить,
душу до глубины
выплеснуть —
всё равно ведь ещё
останется
перед Богом мне в чём
покаяться!
Если сердца усталость
выбросить,
и у Бога прощение
выпросить —
всё равно я останусь
греховным,
с сердцем трепетным,
беспокойным!

ИМЕНА

Как нежны русские мужские имена:
Иванушка, Николушка, Андрюша, —
Смиренна их созвучий глубина,
Словно в раю друг друга кличут души.
Как славны русские мужские имена!
С надеждой называет их Держава,
Когда в опасности родная сторона:
«Георгий! Александр! Димитрий! Савва!»
Пантелеймон, Василий, Михаил —
Торжественно звучит, благочестиво,
Евламий, Феодосий, Даниил, —
Как свет лампы, слог неистощимый.
Дар Божий — имя доброе твое,
Издревле освященное святыми.
По имени да будет житие,
А житием — да озарится имя!

Елена Букурова
Краснодарский край, станция Староминская

ОБРАЩЕНИЕ К АНГЕЛУ

Обиду отпустила —
Простыл коварный след.
Покоя не просила —
Хотела видеть свет.
Как будто этой ночью
Я говорила с Ним
И видела воочию,
Как засветился нимб.
Слова лились простые
И ясные, как день.
Молитва не остынет,
Не ляжет злая тень.
Мой ангел, мой хранитель,

Ты сохрани удел —
Души моей обитель
От ядовитых стрел,
От разочарований,
От боли и от лжи,
И от пустых признаний,
Где только миражи...
Об исцеленье близких
Просила слезно я —
И опустились низко
Ладони на меня.
Дышать и слышать легче —
Тепло душе, тепло!
Тут догорели свечи:
Вновь утро расцвело.

Лариса Назарова
Московская область, г. Одинцово

ИВОЛГОЙ

Бабушка, полная телом,
Чтобы держать эту жизнь.
Ванечка яблочком спелым
Тихо в подоле лежит.
Бабушка полная думой,
Чтобы кормить и беречь.
Пёс Бармалейка угрюмый
Складную слушает речь.
«Только бы не разболеться,
Зорюшку встать подоить».
Бабушка, полная сердцем,
Чтобы сильнее любить.
Сшила подушечку с пухом,
Учится тоньше свистеть.
Бабушка полнится духом —
Иволгой в небо взлететь.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

*Вода, огонь и глина —
В Трёх Лицах Всё Едино. Всё
сходится в Одно Едино Божество...*

Амвон полей травой усыпан, алтарь небесный раскалён.
А с клироса лесного птицы поют нестройно над ручьём.
В лучах шафрановых цикады звенят под благовеста гул.
Ветра из-за лугов прохладу в чернильном облаке несут.
В день Троицы светло и звонко. С утра старушки с Богом в храме.
Цветёт рублёвская иконка лучами солнца и цветами.
Весна перетекает в лето. В Трёх Лицах Света Жизнь течёт.
Кто ищет Истины на небе, тот в этой Истине живёт.

Геннадий Синицкий
Псковская область, г. Невель

МЫТАРСТВА

Земных высот стяжаем раны,
ведём за вольности борьбу,
в надежде вечной строим планы,
клянём за промахи судьбу.
И каждый лезет вон из кожи,
и шаг сменяется на бег,
но в этом мире ты прохожий,
обычный, смертный человек.
Чем выше, дальше — шире сети,
обман, трясина и тупик,
а мы, как маленькие дети,
через грехи, да напрямик.
И пристань наша — тёмный омут,
где поздно душу обнажить,
ведь за чертой — мытарства стоны
и вечность с бесами делить.

ДЕРЕВНЕ ХОРОСТОВО

Памяти всех сожжённых деревень Белоруссии в ВОВ

Февраль. Пятнадцатое. Сретенье Господне.
Все прихожане в церкви собрались,
Священник Иоанн со всем приходом
За здравие молиться принялись.
Но вдруг в деревню ворвались фашисты,
Они в селе искали партизан,
Рукой карателей, рукой нечистой
Храм подожгли и триста прихожан.
Горела церковь, в ней горели люди,
Горели заживо детишки, старики,
Хоть крики боли разрывали грудь им —
Не протянули во спасение руки.
Сожгли деревню в партизанской зоне,
Остались только трубы от печей,
Да пепел, что людскою болью стонет...
Была ль душа тогда у палачей?
Отстроили деревню, обновили,
На новый храм воздвигли купола,
Но люди и сегодня не забыли,
Какой деревня в страшный год была.
И в память их, загубленных невинно,
На Сретенье зажгутся свечи вновь,
И помянут сожжённых в годовщину,
Чтоб на земле был мир, жила любовь.

* * *

Котомка
к рубаше, и колос
в кармане холщовом.
Он шёл,
и ступени казались
всё выше и твёрже.
Колени сгибались,
не разгибаясь, до дрожи.
Сутулясь и старясь,
он падал, но шёл, не сдаваясь.
Ступени скрипели,
скрипели колени.
Ворчали ступени,
колени — немели.
Года — не недели.
Виски поседали.
А впереди —
всё те же ступени,
и нужно идти.
Все ниже колени.
Все ближе ступени.
И дом.
И ласковый голос:
«Мой сын, ты пришёл!»

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

*Святые отцы говорят, что полезнее изменить
себя, а не обитель, ибо... ваш монастырь стоит
на Господней земле и под покровом Божьей Матери.
Чего же ещё больше искать?*

Преподобный Антоний Оптинский (Путилов)

Сверкают маковки на солнце
Церквей обители святой.
Послушник тут глядит в оконце:
Вокруг гармония, покой.
Здесь так уютно и красиво,
Пропитан воздух стариной.
Монахов жизнь благочестива —
В трудах, молитвах со свечой.
А «Богом зданные пещеры»
Хранят нетленные тела:
Спят вечным сном, кто был за веру,
Свершал великие дела.
Путь выстилается цветами
И свежескошенной травой.
Успение празднует веками
Обитель, ярко, с широтой.
Ведь Богоматери икона
Всегда защитницей была.
Держал и Псков с ней оборону,
Чтоб вражья сила не прошла.
Преданий и историй много
Хранит Печерский монастырь.
Не зарастёт к нему дорога.
Пусть здравствует церковный клир!

* * *

Дождик идёт, за собою маня,
Словно Господь сам целует меня.
Капли повисли, как виноград,
С крыши слетают они невпопад.
Наземь летят, их руками ловлю —
Душу, как землю, питают мою.

Василий Краснов
Тамбовская область, г. Жердевка

ТРОИЦА

Перекрестившись, кружку кваса
Он залпом выпил, а потом
Потрогал кисть, поправил рясу
И страх оставил за бортом.
Доска, пропитанная грунтом,
Девницей красною ждала.
Вся без зазоринки, без шпунта,
Тиха, как ангел, и светла.
И было первое касанье —
Мазок — божественнейший вдох.
Бессмертное произрастанье
Творения сквозь тьму эпох.
Монахи в келью заходили,
Шептались за спиной, дивясь
Тому, в какой тогда был силе
Андрей — иконописи князь.
А он, измученный постами,
Стеснялся лишний раз вздохнуть,
Между землёй и небесами
Прокладывая людям путь.

РУССКОЕ ВОИНСТВО

До чего ж Господь любит Россию!
Как невеста ему дорога!
Дал ей духа могучего силу
И наряд подвенечный — снега.
Над рекою широкой — закаты:
Разлилась по земле акварель.
И слилась с голосами пернатых
Пасторали пастушечьей трель.
А дурняще-духмяные травы!
Босиком бы по ним пробежать,
Искупаться в росе и, право,
О несбывшемся помечтать.
Пусть не раз на Руси нас крестило
Горе горькое общим крестом.
И страдание в душах застыло.
И дотла уничтожен наш дом.
Расхристованы словно раздеты...
Голой грудью врага превозмочь?
И летят нищих духом обеты
Богу в церкви в пасхальную ночь.
Мы все — воины Божьего войска.
Встанем общей стеной на врага.
Духу русскому не успокоиться.
Пядь земли каждой нам дорога!
И взойдёт над Россией Ярило,
В нас вливая божественный свет.
Души светлые — не унылы,
Излучают лишь радость в ответ.
Над рекою как прежде — закаты.
И теплом одаряет земля.
Мы с молитвою в сердце — богаты.
Снег в июле нам шлют тополя.

ЕСИПКА ИЛИ МОЛИТВА МАТЕРИ

Александра так молила за четвёртого,
К дню Победы за сыночков получив
Три листочка. Полосами. Жизни мёртвые.
Алексейка. Евдокимка. Серафим.
Здесь в сожжённой деревеньке пни истёртые...
Головы не прислонить ей у окна...
Беспощадно книгу смерти кто-то свёрстывал:
Почернела, ужасающе сильна.
Но была судьбина сталью очертанена:
Приняла мальчика нездешняя жара.
И взяла по Гоби след молитва мамина
Нитью тысяч вёрст, под зноем не горя.
Потерпи, сынок, не бойся солнца рыжего.
Нет страшнее в голове пустой огня.
«Есипка!» — хрипела. «Мой последний, выживи.
Ты ведь стойкий, новогодний у меня».
«Вспомни Комар-мох, картохи запах угольный,
Да корой дубовой губы не порань».
«Господи» — взывала. «Доведи», напугана.
Сорок шесть иссохших в сыне килограмм...
Вырывала синь криниц родных бездонную,
Умоляла проливных сойти дождей!
И откуда-то... безмолвно... на Монголию...
С Евдокимом. Серафимом. Алексей.
В простынях пустынь просохли слёзы чёрствые.
Краски пепельные воинов-юнцов.
Их теперь не отыскать как сны четвёртого...
Но Иосиф выжил... в Гоби... за птенцов...
И вернулся старшиною... Было сужено.
Материнскою молитвою храним.
Не придут домой за все награды мужества
Серафимка. Алексейка. Евдоким.

ИЗ «МЕТАФИЗИЧЕСКИХ СОНЕТОВ»

Когда сольётся плоть в мучительном стане,
Когда восторг из плоти души изымет,
Тебе подобает, Господи, песнь на Сионе,
Тебе воспоётся слава в Ершалаиме...
И злая мука в небесных звуках утонет,
Останется только святое великое имя,
И вызреет голос для слуха людей — огромен,
И вырастет тихий, и мир тишиной обнимет.
И песня славы наполнится тишиною,
Какой полна река за час до рассвета,
Какой крадётся месяц тропой лесною
И дышит небо, касаясь макушки лета...
Тогда остаться прежними мы не сможем
В том мире, что называется миром Божьим.

Светлана Полежаева
Челябинская область, г. Копейск

КУЛИЧИ

К святому дню прабабушка
Затеет куличи.
Мы, правнучата, рядышком —
По лавкам, на печи.
Горячая, могучая,
Духмяно дышит печь.
Мы слушаем певучую
Прабабушкину речь,
Склонив головки русые
В предчувствии чудес,
О жизни Иисусовой,
О том, как он воскрес.
Со страхом, с ликованием

Сердца у нас стучат.
Никто не съест заранее,
До Пасхи, кулича —
Душа священным полнится.
И через много лет
Светло и ясно помнится
Мне тот пасхальный хлеб.

Вера Грибникова
г. Тверь

ВЕСНА

В начале славного пути
Весна, совсем ещё ребёнок,
Спешит в апрель переползти
Из мокрых мартовских пелёнок,
И там легко рванётся в рост.
Девчонкой ловкою да смелой
Бросает наземь горсти звёзд:
Лиловых, синих, жёлтых, белых...
Грачи восторженно галдят,
Вернувшись на свои гнездовья,
И вербы-лапушки глядят
На мир с великою любовью.
Все ручейки и речки — всклень!¹
Всё чаще фейерверки почек!
Какая сонь, какая лень,
Когда весна везде хлопочет?!
А ну дружней берись за гуж,
На отдых и минутки жалко.
А ну-ка из квартир и душ
Весь мусор выбросим на свалку!
И в колокольный светлый час,
Чаруя щедростью и статью,
Весна у храма встретит нас
Невестой, в яблоневоm платье.

¹ Полнёхоньки, полны по края.

ТВОЙ ХРАМ

*Не лишим себя храма, когда можем, но и
с собою носить его научимся: сердцем
упражняйся в незлобии, телом — в чистоте,
то и другое сделает тебя храмом Божиим
Иоанн Крестьянкин.*

Не камнем и не золотом червлёным
Отмечен в человеке божий храм.
Он — в каждом смертном, матерью рождённом,
Заметен светом по простым делам.
Он — как сосуд для духа и для силы.
Не оскверни, что послано тебе
Источником надежды негасимым
На трудной и извилистой тропе.
Какие ждут поверстно перемены? —
Наверное, хватит каждому из нас
Порогов Енисея, страсти Лены
И Каспия солёного гримас...
Успеется ещё слезой умыться.
Смиреньем душу отерев при том,
Будь благодарен, что дано родиться
И быть испытанным, как все, грехом.
Не расплескать — нелёгкая задача.
Приумножать учись за шагом шаг
Добро души, от глаз других не пряча,
В движеньи сердца выйдя на большак.
До самого последнего мгновенья,
Когда ещё полезен можешь быть,
Благословляй и поиск, и сомненья,
И боль души умей благословить.
Не причитай, не жалуйся — пустое.
Не разбивай божественный сосуд,
Взгляни, какое небо голубое!
И, кажется, что нас там правда ждут.

МИР

*Ущерб, изнеможение — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья...
Ф.И. Тютчев*

Скорбь безмолвия нагих и чистых рощ —
давняя наперсница разлуки.
Тощие берёзы через дождь
дряхлые, слабеющие руки
утешительно на плечи мне кладут.
Замкнут круг разлук, коротких встреч.
Мы обручены с тем миром Горним.
Не предотвратить и не сберечь,
всё одно и истина бесспорна:
сотворённое имеет свой конец.
Ложность опрометчивых шагов...
Совести сюиту не расслышать.
Дольний мир, отрёкшись от основ,
Редко, хрипло, затруднённо дышит,
устремив вперёд стеклянный взгляд.
И не ощутить тепла дыханья
в листопаде жизней, судеб, дней;
только грусть в порыве увяданья.
Путь к тебе, чем ближе, тем длинней.
Лишь молитвы свет неколебим.

Виктория Черкасова
Башкортостан, г. Кумертау

* * *

Их в народе зовут Соловками...
И похожи на старцев они...
Многословия нет и тоски...
Мы глубинно поймём их едва ли...
Словно иноки отделены
Острова те от шумных селений...
Здесь когда-то в пучине лишений

Проходили «закалку души» —
Заключённые и не сдавались.
Среди тьмы тьмы смогли избежать.
Не боялись за правду стоять...
С ложью в битву вступить не боялись...
О, обитель у моря, твой звон
Колокольный чуть слышен и нами...
И своими простыми стихами
Шлю тебе я с Урала поклон!

Александр Чжоу
г. Москва

* * *

Грянул гром в небесных хлябях,
Недруг мчит на нас гурьбой,
В тяжкий миг Андрей Ослябя
Заслонит меня собой.
Страха нет и сердце радо,
И сомнений тоже нет,
Коль стоит со мною рядом
Александр Пересвет.
Ветер воет заунывно,
Путь осенней мглою скрыт,
Авва Сергей, старец дивный,
Русь молитвою крепит.
Ночь придёт черна как сажа,
Да людской вершится труд —
Словно витязи на стражу
Храмы новые встают.
Пусть природа всё суровей,
Топит всё и солнцем жжёт,
Матерь Божия с любовью
Нашу землю бережёт.
Начал зверь свою ловитву.
Копит силы вражья рать.
Только с Верой и молитвой
Суждено нам устоять.

РОДИНЕ

Звени, звени, золотая Русь...

С. А. Есенин

Русь моя — беспредельно святая,
Ясен твой поднебесный лик!
В облака с куполами взлетая,
Встречи с Богом даруешь миг.
Дерзких нас ты так кротко прощаешь,
Долго терпишь, любовь храня,
Православной душой ограждаешь
От неверия злого огня.
Сквозь берёзово-нежные дали
Взор пьянят красоты твои.
Утоляющая все печали,
И мою тоску утоли!..
Я прильну к тебе, можно, родная?
Пусть твой воздух наполнит грудь!
Русь моя — чудотворно живая,
Процветай и вовеки будь!

Анатолий Балицкий
Вологодская область, г. Сокол

БУДЬ ПРИГОДЕН...

Электризуется простор,
Когда все мысли-непоседы
Ведут совместный разговор
Лишь как враги, а не соседи.
Когда на веточку, устав,
Присела птица-невеличка.
А ты, её права поправ,
Сигнал оттуда по привычке.
И не подумал: больно ей
Такое «хамское» внимание.
Проснись на полосе ничьей,
Когда войны вокруг стенанья?

Когда со всех сторон огонь
И бьют орудия прицельно.
Быть может, ты поймёшь тот стон
Судьбы, глотнувшей страха зелье?
Путь в Божий Храм — не приворот,
Всего лишь малая попытка
Пройти своё неверье вброд,
Чтобы душа была открыта.
Я примиряю мысли сам,
Как понимаю, как учили
Отец и мама, Божий Храм,
Молитвы, что душа просила.
В жизнь не бывает гладких троп.
В свою? один с утра заходишь.
А помогали тебе что б,
Другим помочь ты будь пригоден.

Николай Хрипков

Новосибирская область, село Калиновка

* * *

Мы будем жить и славить
Всевышнего, Творца.
И будем свечи ставить
За Мать и за Отца.
Напряслину бахвалить
Приструним подлеца.
Пусть бродит всем на зависть
Безропотно овца!
Мы будем точки ставить,
Как нужно, до конца.
А чтоб толпу забавить
Средь наших нет певца.
Мы не дадим нас править!
Не нужно нам венца.
Вам хочется поставить
Печать нам из свинца.
Дороги... Что ж их гравить?
Пройдем их до конца!
Войдем мы в вашу память
В прямую, не с торца.

В МОНАСТЫРЕ

Купола голубой поливы.
Предвечерний напев молитвы.
К монастырским кельям рябины
От небес кистями поникли.
По тропе отчётливо-светлой,
Где от века не было сора,
Идет прочь монах неприметный,
И ворот затворяет створы.
Заперта надёжно ограда
Не от злых татарских набегов,
Не от польской шляхты отряда,
Не от орд степных печенегов —
От соблазнов внешнего мира,
Где порок цветёт небывало,
Где для сердца многое мнимо,
Но на сердце правого мало.
На пирах витии, повесы
Завели бесчинные речи;
Закружились над миром бесы,
Их с ограды видно далече.
Подлетает чёрная стая,
Только чётки — не под подушкой.
Монастырский сторож, ступая,
Всё потряхивает колотушкой,
И у самых порогов рая,
Словно века не было в мире,
Все лиётся, не усыпая,
Нескончаемый ключ Псалтири.

У ИЗЛУЧИНЫ ВЕЛИКОЙ

Псков — Евангелие в камне,
верх горы деяний свет,
от зари эпохи давней
Сына Божьего завет.

У излучины Великой
обереги всех времён,
чудотворны в храме лики,
око зоркое икон.

Благодатные святыни,
келья инока — скала,
веры истиной глубины —
слава Вышних и хвала!

Снетогорская обитель —
милосердия врата,
дел церковных устроитель
и царевна у креста.

Для Москвы невеста знатна,
императорских кровей,
гостя в городе богатом,
в государстве скобарей.

Династические браки,
судьбоносные венцы,
распознали неба знаки
православные отцы.

Третьим Римом будет счастье —
Филофей монах предрёк,
византийский герб у власти,
в Русь вошла Палеолог.

Многих стран послы в столице,
княже с думой на челе,
на его плечах границы
и Дом Бога на земле.

ПОКРОВА

Отшептали Покрова надежд молитвами
И покрыли деревья сусальным золотом.
Осыпалось... Разносилось по обители,
Сотней дум меж наковальнею и молотом.
Между небом и землёй как листья палые,
Все пытались спастись святою верою.
Отражались образами зорьки алые.
А судьба свое отмеривала мерою.
Распечалились, да изошлись криками,
По сердцам и душам, отзываясь ранами,
Становились мы в этот день Великими —
Нарекались любимыми-желанными.
Покрывались, чтоб в радости и горести
По судьбе идти излучинами общими.
До конца пути, да по любви и совести.
Да слезами наши души прополощены.
Как вода из берегов — сочатся радости
И печаль ушла пологими туманами.
Под покровами из верности и святости,
С подвенечными речами долгожданнами.

Елена Лучнёва
г. Тверь

МЕТАНОЙЯ

*Печаль ради Бога производит неизменное покаяние
ко спасению; а печаль мирская производит смерть
(2 Кор. 7, 10)*

О, Господи! Я вновь так низко пал!
О, Господи! Ты мог ли ждать иного
от скверного вместилища земного,
каким я был, каким я снова стал!
О, Господи, греховна плоть моя.
Возьмёшь сейчас на покаянье душу?

Простишь меня? Глаза мои осушишь?
Стою — Твой раб — стена и моля:
не допусти владычества иного!
Не дай погибнуть в мыслях и словах!
Не дай исчезнуть в пагубных делах!
Я каюсь, испросив прощенья снова...
Печаль о мире — производит скорбь.
Печаль о Боге — покаянья дар.
Грехов моих влачу на сердце короб,
гори, гори, души моей пожар...
Гори, сжигая всё исповеданьем!
Гори, о боли больше не жалея!
И, избавляясь от ошибок давних,
сожги плевелы юности полей!
Сожги унылые лет моих последних
и осужденье, зависти росток,
тщеславья грех, гордыни неизменной,
прелюбодейства скрытого порок ...
Пусть посмеется тот, чьё платье чёрно, —
на белоснежном видно даже пыль...
Хоть не достичь ещё путей мне Горних,
но я тропинку к Храму не забыл.

Сергей Горшков
г. Псков

МОНАСТЫРЬ

...обитель света и тепла,
обитель духа и смиренья
плывёт в небесном измеренье,
моля всевышнего добра

для нас, для сырых и убогих,
заблудших в суете веков,
забывших смыслы вещей слов
в стремленьях малых, неглубоких...

...и труд молитвы непрестанной
и словом может излечить,
и всех спасти и сохранить,
введя в Покой Благоуханный...

ЗАХОЛУСТЬЕ

Далёкое и близкое, родное захоlustье,
Мне видится твой Белокаменный Храм.
Ты цель всех дорог да реки светлой устье,
Тебя за любые дары не предам.

Ко мне с поднебесья, с его колокольни
Снисходит целительный благостный свет.
Душа вырывается, будто из штольни,
Любить тебя вечно даю я обет.

Я верю в твою первозданную силу,
Твой воздух полей полной грудью вдохну.
И где бы меня на Земле ни носило,
К тебе, захоlustье, что в устье, приду.

Мне нет без тебя и капли улады,
Вдали от тебя я как будто ничей.
Испить серебро — превелика награда,
Несёт свои воды из детства ручей.

Здесь небо какой-то особенной сини,
А облачко цветом, что пух лебедей.
Ты дивный сапфир в ожерелье России,
Твой Храм вторит звону её всех церквей.

У озера вокруг заповедные пущи,
Дубрав малахит, незабудки цветок,
Царя Берендея заветные кущи,
Бесценный, спасительный мой уголок.

Ты свыше ниспослано мне, захоlustье,
Я росами в травах несметно богат.
Тут сердце наполнится сладостной грустью,
На счастье мне дан твой рассвет и закат.

Я шапку сниму пред тобой, захоlustье,
Твой звон колокольный способен объять
Вселенную всю! Он печали отпустит.
Мне Родиной Малой тебя величать!

РАССКАЖИ, ПОЭТ

Расскажи, поэт, о России,
Расскажи, не кривя душой,
Расскажи про небушко сине
С благодатной чудо-звездой!

Расскажи, как Господь явился,
Озарив собой белый свет,
Как Иосиф над ним склонился,
Мать с Младенцем храня от бед.

Крест Господень нам стал защитой.
Только вера без дел мертва...
В храме тихом слеза молитвы
Нам надежду дала сперва,

Чтобы стать нам страной великой,
Чтобы страха не ведать вовек...
Но пришлось нам и горе мыкать,
Тяжкий крест взвалил человек...

Чтобы войны нигде не шумели,
Чтоб от счастья лишь слёзы лились,
Чтобы песни духовные пелись,
Чтоб народы гурьбой собрались!

И прославив свой день стихами,
Не пеняя на прошлую жизнь,
Просыпались бы мы с петухами
Устремляя свой взор в неба высь.

Вот такая у нас Мать — Россия.
У неё на земле много дел.
Миротворец она в небе синем,
Ей защитницей быть Бог велел.

ВЕРА

Мы хотим отказаться от прошлого,
Мы не верим себе и другим,
Мы забыли, как делать хорошее,
И, глаза закрывая, грешим.
Только есть оно — доброе, вечное
Чувство связанных мыслью веков,
И дорога туманится млечная,
Вдаль бежит средь седых облаков.
Защемит вдруг в груди, заволнуется,
И слеза упадёт, как роса,
Замолчат беспокойные улицы,
Ночь и я, и, как храм, небеса.
И молитвы слова незаученно
Вдруг зашепчут не губы — душа,
Я вчера была болью измучена,
А сейчас, благодатью дыша,
Я забылась в пространстве и времени
И поверила снова в себя,
И плывёт нежно-розовым лебедем
По волнам горизонта заря.

Лера Колдуна
г. Санкт-Петербург

МОЛИТВА

В висках стучит одна молитва,
Я повторяю сотый раз:
(И душу режет, словно бритва)
«Господь, прости! Помилуй нас!»
Прости нас всех за ту жестокость,
Что каждодневно мы несём,
Прости за боль, прости за гордость,
Прости — неправильно живём.
И смертный грех — теперь уж норма.

И все вдруг стали сочинять,
Как будто есть другая догма,
Где разрешал Ты убивать,
Где называл войну священной
Коли за веру, за Тебя,
И что за звон монеты медной
Грехи откупятся шутя.
Прости нас всех за заблужденье,
Прости за всё, что есть сейчас!
Отцово сделай наставленье!
Господь! Прости, помилуй нас!

Андрей Теддер
г. Гдов

* * *

А соловью не всё ль равно,
Какой там вирус на планете?
А соловей живёт давно
На этом бело-чёрном свете.
Он пел в саду, где Сын молил
Отца и Духа не покинуть
Его в виду людских могил
И повторял: «Меня, да минет...»
Но Чаша наполнилась давно.
Ни осушить, ни расплескать.
Уже претворено вино
И в кровь, и в истинность Христа.
Заснули все ученики,
И меч Петра не тесен ножнам...
Цветут в России васильки.
И Вознесение — возможно.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Обитель Печерская в Псковском краю
Запала пожизненно в душу мою,
Стучит в моё сердце и манит к себе,
Заветным лучом прикасаясь к судьбе.
Здесь только молитва смущает покой.
Заботы мирские — за крепкой стеной.
Полтысячи лет мирно служба идёт,
Божественно-медленно время течёт.
Монашеский быт, неприметный для глаз,
Проходит сурово, без всяких прикрас.
В трудах и молитвах во славу Творца
Монахи свои умирят сердца.
Кто здесь побывал — благодать ощутил,
И с Богом смиренно на «ты» говорил,
Пройдя по пещерам с зажжённой свечой,
Впитал в свою душу священный покой.
Телесная жизнь на Земле коротка
Стирают людей и события века
Пока монастырь на Пещерах стоит,
Забвение здесь ничему не грозит.
Свети нам обитель святою звездой,
Неси в наши души любовь и покой!

Юлия Борисова
г. Санкт-Петербург

* * *

Свечным теплом согрет знакомый лик.
Рисунок чёткий, как татуировка.
А снегопадов светомаскировка
Всё высветлит и высветит: «велик».
И где в нём я: молекула и часть,
И цепкая песчинка неразъёма?

Как ближнего обнять, чтоб не отпасть
Из круговой защиты окоёма?
Нет «я», есть «все», под вечной скобкой «Он»
Нет «я», есть «все», несчитано, несметно.
Своё единство мы Ему несём.
Единство невесомо и бессмертно.
Мороз витраж рисует на стекле.
Свечным теплом оттаивает нежность.
Нет самоотречений на Земле,
Есть вечная себе непринадлежность.

Анжелика Шимчук

Московская область, г. Балашиха

РАЗГОВОР УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ С САМОЙ СОБОЙ

*Посвящается
Храму Успения Пресвятой Богородицы
в г. Кондопога Республики Карелия*

С запада ветер несёт непогоду.
Старые кости вновь ноют к дождю.
Нет, не уснуть мне в такую погоду,
Часто в последнее время брюзжу.
Много годков у воды простояла —
Сгнили венцы, накренились кресты,
Славы расцвет и забвенье знавала,
Радость и горе, пиры и посты.
Сколько молитв услышала — не вспомнить —
Всех на поклон приходивших ко мне
Грех замолить или Богу напомнить
О несложившейся горькой судьбе.
Годы летят, далеко мне за двести,
Полуслепая, но людям служу.
Сколь силы хватит, прошенья и песни
Богу на небо я донесу.

ТОРОПЕЦ
молитва любви

Восславлен Бог, не сломлен человек,
Оковский лес в оправе дивных рек,
Славяне-кривичи на белых стругах влёт,
Старинных летописей синий небосвод.
Не торопись, Торопец, унывать,
Не торопись, Торопец, умирать.
Река Торопа улыбнись, и не тужи,
О красоте России расскажи.
Князь Александр обвенчался, дал обет —
Землю родную защищать от многих бед,
Крест православный, храмов купола —
Заблудшим людям верная звезда.
Здесь родники прохладные поют,
И люди русские свой век живут,
С осенним плачем журавлиных стай,
Тоска-кручина злая улетай.
Восславлен Бог, не сломлен человек,
Оковский лес в оправе дивных рек,
Славяне-кривичи на белых стругах влёт,
Старинных летописей синий небосвод.
Не торопись, Торопец, унывать,
Не торопись, Торопец, умирать.
Река Торопа улыбнись, и не тужи,
О красоте России расскажи.

ОПРАВДАНИЕ

Годы, годы, вы нас не вините,
мы хотели бы жить по-другому.
Только памяти длинные нити
потяну-у-лись к сердцу нагому.
Оказалось, полвека — немного,
правда, лица чуть-чуть изменились,
правда, шаг стал короче (не в ногу)
да и с ритма маленечко сбились.
Мы несём все истории мира,
мы — звено, чтобы цепь не распалась.
Мы не голодны, нам не до жиру,
а душа не в ловушку попалась.
Кто её подменял? Да всё сами.
«Знали»? «Слышали»? Знали. Роптали.
И не верили — «с чудесами»,
и своих как врагов потоптали.
Слёз Петровых и Лазаря шуток
не потребуют Добрые Силы.
Подвозило нас много попутков,
не «ищите виновных», милые.
Видно, Ангелы наши Хранители —
поколенья родимых у Боженьки.
А лукавые злобные мстители
искривили когда-то дороженьки.
Тяжело пребывать здесь — без Вышнего,
а в аду — находиться без жалости.
Потому-то в Церквах нету лишнего
попросить обо всех без усталости.
За слезу отплатить благодарностью
и прощением дать покаяние.
Помолиться не как-то, а с радостью
оправданий. Не ждать оправдания.

ПОСЛЕДНЯЯ МИЛОСТЬ

От плети кровавые ссадины,
Ревущий проклятья народ.
Спиной Он припал к перекладине,
С крестом на Голгофу бредёт.
Отца призывал хриплым шёпотом,
Свой взгляд, устремив в высоту.
За нас, согрешивших, безропотно
Безвинный был предан кресту.
Тень мастера дела заплечного
Под солнцем, как стрелка часов.
И кажется боль бесконечною,
И стон на губах пересох.

...

Не всякому будет по силам
В жестоких мученьях конец
Пощады себе не просил он,
Принявши терновый венец.
Когда в Божье царство последую,
Взмолюсь перед Господом я:
«Яви же мне милость последнюю
Коротким ударом копья.
Рыданье сдержав безутешное,
Я верую в милость Твою:
Помянет раба многогрешного
Господь, воцарившись в раю».

* * *

*После поездки
в Псково-Печерский монастырь*

День за днём, за неделей неделя,
Жизнь проходит, мгновенья кроша,
Были нервы уже на пределе,
И металась больная душа —

От бескрайнего синего неба
До иссохшей земли. Я взяла
Каравай монастырского хлеба,
Да воды ключевой испила.

И ведь большего мне и не надо:
«Отче наш, даждь нам днесь... Не введи...»
У ворот Гефсиманского сада
Все земные сойдутся пути.

Василиса Кирюшкина, 11 лет
г. Санкт-Петербург

ДЕРЕВНЯ

Красна зорька поднялась над полянкой светлой,
Тишь и Божья благодать, ни порыва ветра —
Запах скошенной травы, васильки, ромашки,
И деревней пахнет снова от пшеничной кашки!
Утро светлое начну — помолюсь я Богу —
Знаю, выбрала себе нужную дорогу!

ФЕСТИВАЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ «СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ» (историческая справка)

Фестиваль «Словенское поле» — уникальное явление. Это единственный в России фестиваль историко-поэтический фестиваль, аналогов которому нет в современной литературной жизни. Он известен далеко за пределами Псковской области. Фестиваль в первую очередь, направлен на сохранение русской духовно-нравственной традиции, поддержание патриотических начал в российской поэзии, привлечение начинающих поэтов, их ориентацию на создание исторических и патриотических произведений.

История «Словенского поля» началась в 2008 году, когда авторы и издатели нового поэтического журнала «Поэзия. 21 век» предложили провести поэтический праздник на древней Изборской земле. Идея нашла поддержку музея-заповедника «Изборск», и праздник состоялся. Участниками фестиваля стали не более 10 поэтов — авторов журнала «Поэзия. 21 век» и псковских литераторов, среди которых были Анвар Тавобов (Москва), Андрей Краденов (Москва), Валентин Курбатов (Псков), Игорь Смолькин (Псков), Темура Варки (Москва), Константин Кроитор (Москва), Вита Пшеничная (Псков), Игорь Исаев (Псков), Евгений Самуйлов (Псков), Сергей Боев (Москва), Яна Савинова (Москва). Именно тогда и было придумано название фестиваля — «Словенское поле». К сожалению, первый номер журнала «Поэзия. 21 век» — оказался последним. Экономический кризис отразился на издательстве журнала. О его выпуске пришлось забыть, также как о поэтическом фестивале.

Новая история фестиваля «Словенское поле» началась в 2012 году — в год 1150-летия российской государственности. Литературный форум с этим названием стал первым праздничным мероприятием, посвященным 1150-летию основания Изборска. В этот раз фестиваль был организован Псковским региональным отделением Союза писателей России при поддержке Государственного комитета Псковской области по культуре. «Словенское поле» собрало более 20 поэтов из Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова и Псковской области. Именно тогда фестиваль обрёл своё историко-патриотическое звучание. Последним штрихом этого поэтического действия стал сборник избранных произведений участников фестиваля. Тогда же, в 2012-м, было принято решение проводить этот поэтический форум каждый год. С 2012 года бессменным организатором, руководителем и ведущим фестиваля стал поэт Андрей Бениаминов.

В 2013 году в рамках фестиваля впервые проведён одноимённый историко-поэтический конкурс, который в дальнейшем стал ежегодным.

Фестиваль «Словенское поле — 2014» был посвящён памяти православного поэта, патриота Вадима Негатурова, погибшего от рук украинских националистов 2 мая 2014 года в одесском Доме профсоюзов. С 2014 года — стал проводиться литературный вечер «Вне формата», который проходит в одном из кафе Пскова, где гости фестиваля могут ближе познакомиться друг с другом, почитать стихи на свободные темы, пообщаться в неформальной обстановке. На этих вечерах завязываются дружеские отношения, крепкие межрегиональные и международные связи поэтов, происходит обмен мнениями, закладывается основа новых поэтических проектов.

С 2015 года фестиваль «Словенское поле» внесен в Российский национальный календарь событий культуры.

С 2016 года программа «Словенского поля» дополнилось экскурсионным днём. Была организована первая фестивальная экскурсия в пушкинские места Псковщины — музей-заповедник «Михайловское». С того же 2016 года традицией фестиваля стало возложение участниками цветов к памятнику солдату Первой мировой войны и чтение у памятника стихов об этой войне.

С 2017 года кроме конкурса исторической поэзии проводится дополнительный тематический конкурс. Как правило, он приурочен к какой-то знаменательной дате, событию регионального либо российского уровня.

В 2018 году зародилась ещё одна традиция — приношение участниками земли к «Священному холму славы и единения России». Поэты привезли землю из мест воинской славы, захоронений солдат, мест, связанных с историей нашей страны. Именно у «Священного холма...» состоялось открытие фестиваля.

В 2020 году проведена акция «Книга в подарок», в ходе которой поэты пода-рили более 70 авторских и коллективных поэтических сборников учащимся Псковской школы-интерната.

Главное богатство фестиваля «Словенское поле» — это его участники. В разные годы специальными гостями фестиваля были известный русский прозаик, председатель правления Союза писателей России Николай Иванов, секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель» прозаик Николай Дорошенко, член высшего творческого совета, председатель совета по поэзии Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, поэт Виктор Кирюшин, известный башкирский писатель-сатирик, поэт, публицист, общественный деятель Марсель Салимов, лауреат премии имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, один из победителей конкурса «Золотое перо России» — поэт Василий Рысенков, именитый уральский поэт, лауреат премии «Имперская культура» — Игорь Тюленев, известный петербургский поэт, бард, лауреат многочисленных российских и международных премий — Владимир Шемшученко, член-корреспондент Петровской академии науки искусств, действительный член Академии российской словесности, поэт Вадим Терёхин, член Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук, лауреат многочисленных российских и международных литературных премий — поэт Дмитрий Мизгулин.

Впрочем, не только именитые гости, но и авторы, приезжающие на фестиваль по заявке, участвующие в его конкурсах и мероприятиях, заслуживают самого пристального внимания. За годы проведения на фестивале побывали поэты из 30 с лишним регионов России, а также Белоруссии, Донецкой Народной Республики, Эстонии, Латвии, Финляндии. Причём многие участники приезжают на фестиваль ещё, ещё и ещё... Ежегодно фестиваль открывает новые имена, помогает молодым поэтам найти своё место в современной российской литературе, ориентируя их на поддержание русской духовно-нравственной традиции. Авторы, чьи поэтические произведения впервые прозвучали на «Словенском поле», в дальнейшем неоднократно становились лауреатами престижных российских и международных премий и конкурсов.

Фестиваль «Словенское поле» в фотографиях его участников

2008 год. Открытие первого поэтического фестиваля «Словенское поле».
На сцене Анвар Тавобов и Игорь Смолькин

2008 год. Участников фестиваля «Словенское поле» приветствует
директор музея-заповедника «Изборск» Наталья Дубровская

2008 год. На фестивале «Словенское поле»

2012 год. Из-за сильного дождя и шквального ветра фестиваль «Словенское поле» проходил на веранде кафе «Блинная». В фестивале приняли участие 24 поэта

2012 год. У микрофона один из основателей фестиваля «Словенское поле», поэт Андрей Краденов

2012 год. На фестивале «Словенское поле». Поэты Игорь Исаев, Андрей Бениаминов, Андрей Канавщиков, Людмила Скатова, Наталья Лаврецова

Фестиваль «Словенское поле - 2013».
В Нескучном саду музея-заповедника «Изборск»

Фестиваль «Словенское поле - 2013».
Специальный гость фестиваля, известный башкирский поэт Марсель Салимов

Участники фестиваля «Словенское поле - 2013»

С 2013 года на фестивале «Словенское поле» работает «книжная лавка»,
главный хранитель которой поэт Виктор Зверев

Фестиваль «Словенское поле - 2014». Выступает председатель жюри фестиваля,
главный редактор издательства «Российский писатель» Николай Дорошенко

Фестиваль «Словенское поле - 2014». У стен древней изборокской крепости

Фестиваль «Словенское поле - 2014». Вечер в формате литературного кафе

Участники фестиваля «Словенское поле - 2014»
у памятника двум капитанам, г. Псков

Фестиваль «Словенское поле - 2015». В ожидании стихов

Фестиваль «Словенское поле - 2015». У микрофона председатель жюри фестиваля, известный русский поэт Виктор Кирюшин

На фестивале «Словенское поле - 2015»

Участники фестиваля «Словенское поле - 2015» в библиотеке для детей и юношества им. В.А. Каверина, г. Псков

Участники фестиваля «Словенское поле - 2016» у могилы А.С. Пушкина,
п. Пушкинские Горы

На фестивале «Словенское поле - 2016»

Фестиваль «Словенское поле - 2016».Общее фото в Изборске

Фестиваль «Словенское поле - 2016». Возложение цветов к памятнику псковичам – участникам Первой мировой войны, г. Псков

Участники фестиваля «Словенское поле - 2017» в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре, г. Печоры

«Словенское поле - 2017». Дождь фестивалю не помеха

«Словенское поле - 2017». Последние аккорды фестиваля

Участники фестиваля «Словенское поле - 2017»

В 2018 году открытие фестиваля «Словенское поле» впервые состоялось у Священного Холма единения и славы России

Поэты привезли земли из 12 мест, связанных с историей и славой Рооссии
и совершили приношение этих земель к Священному Холму

На фестивале «Словенское поле - 2018»

На фестивале «Словенское поле - 2018»

Фестиваль «Словенское поле - 2018». Концертный зал Псковского колледжа искусств.
Выступает председатель жюри фестиваля, поэт, бард Владимир Шемшученко

Фестиваль «Словенское поле - 2018».
Участники итогового вечера фестиваля

На поэтическом вечере «Фестиваль «Словенское поле» собирает друзей».
12.03.2019. Центральный дом литераторов, г. Москва

Участники фестиваля «Словенское поле - 2019» на братском захоронении на «Линии Сталина», д. Холматка Островского района Псковской области

Открытие фестиваля. У микрофона председатель правления Союза писателей России Николай Иванов и председатель правления Псковского отделения СП РФ Игорь Смолькин

Земля с братского захоронения на «Линии Сталина» стала частью Священного Холма единения и славы России

На фестивале «Словенское поле - 2019»

На фестивале «Словенское поле - 2019»

«Словенское поле - 2019». После возложения цветов к памятнику псковичам – участникам Первой мировой войны читаем стихи об этой войне

«Авторский час» председателя жюри фестиваля «Словенское поле - 2019»
поэта Вадима Терёхина

Фестиваль «Словенское поле - 2019». Концертный зал Псковского колледжа искусств.
Участники итогового вечера фестиваля

«Словенское поле - 2020». Юбилейный фестиваль открыт.
Традиционное фото после церемонии открытия фестиваля

Фестиваль «Словенское поле - 2020». Поэт Ольга Блюмина вносит запись в книгу приношения земель к Священному Холму единения и славы России

Председатель жюри поэтического конкурса «Высота», посвященного памяти 6-й роты, поэт Игорь Тюленев и председатель жюри фестиваля «Словенское поле - 2020» поэт Дмитрий Мизгулин

На фестивале «Словенское поле - 2020»

«Словенское поле - 2020». Общая фотография у стен древней изборской крепости

В ходе акции «Книга в подарок» участники фестиваля передали более 70 авторских книг в дар библиотеке Псковской школы-интерната

Итоговое фото участников юбилейного, десятого фестиваля «Словенское поле - 2020»

СОДЕРЖАНИЕ

Вам — последней нежности войны!	3
ВЫСОТА 20-летию подвига десантников шестой парашютно-десантной роты сто четвертого гвардейского парашютно-десантного полка семьдесят шестой гвардейской воздушно-десантной дивизии	
ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ Высота	6
ИЛЬЯ БЕСТУЖЕВ Цинковые журавли	7
АНАТОЛИЙ ЧЕРТЕНКОВ Монолог погибшего солдата	8
ВИКТОР ВЕРСТАКОВ «Зачем же ты, глупая, плачешь во сне...»	9
ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ Шестая рота «Не всякий путь тернистый и кровавый...»	10 10
АЛЕКСАНДР САВЕНКОВ После	11
ВИТА ПШЕНИЧНАЯ «Как безмолвна тишь, как даль чиста...»	12
АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ Последние и первые	13
ГАЛИНА ЩЕРБОВА Решимость	14
НАТАЛЬЯ СТРАХОВА-ХЛУДОК Прощание	15
АНАТОЛИЙ ВЕРШИНСКИЙ Шестая	16
ИРИНА ЯНЕНСОН Псков скорбит	17
ЮРИЙ ЩЕРБАКОВ Поэт шестой роты	18
СВЕТЛАНА РАЗМЫСЛОВИЧ Не хватает...	19
АЛЕКСАНДР ЧЖОУ Шестая рота	20
НИНА ЖИЛЬЦОВА Шестая рота	20
АЛЕКСАНДР СЕБЕЖАНИН Помолись...	21
ВИКТОРИЯ КАЛАНЧИНА Памяти шестой роты псковских десантников	22
СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА «Вот граната в кармане. Живым я не дамся...»	23

РУСТАМ КАРИМ	
Третий тост	24
НИКОЛАЙ ПЕРЕСТОРОНИН	
«Под сенью Божьего закона...»	24
ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ	
Доколе будут убивать сынов России	25
ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВА	
Майор	26
МИХАИЛ ВАХТИН	
Стальной парашют	27
ТИХОН ГРОМКИЙ	
Шестой роте	28
ВАСИЛИЙ КРАСНОВ	
Журавлиная стая	29
ЕЛЕНА ЯДРИНА	
Дважды рождённый	30
АЛЕКСЕЙ ДЕЛЬНОВ	
Вертолётчик	30
ЕВДОКИЯ ПЕТРОВА	
Памяти воинов шестой роты	31
МАРИНА ШАМСУТДИНОВА	
Русский допинг	32
НИКОЛАЙ ХРИПКОВ	
Русские не сдаются	33
СЕРГЕЙ СОКОЛКИН	
Шестая рота	34
ЕЛЕНА КОНОВАЛОВА	
Зажгите свечи	35
ВАЛЕРИЙ МУХИН	
Русский воин	36
ВЛАДИМИР СКИФ	
Шестая рота ВДВ	37
ДМИТРИЙ ПЛОТКИН	
Чёрный ветер чеченской войны	38
НАДЕЖДА КАМЯНЧУК	
Шестая рота	39
КОНСТАНТИН ТОВЕСКИН, 17 ЛЕТ	
Орёл	40
ГЕОРГИЙ РОМАНЮК, 16 ЛЕТ	
К оружию	41
ДАРЬЯ КАЛИНИНА, 14 ЛЕТ	
Остался час	42
ЕЛЕНА ШИЛИНА, 17 ЛЕТ	
Нет, никто не забыт	43

ГРИГОРИЙ РОМАНОВ	
Памяти шестой роты...	44
АНАТОЛИЙ КУРАСОВ	
Мы помним	45
АЛЕКСЕЙ ПОЛУБОТА	
Подвиг шестой роты — начало возрождения русской веры в себя	46
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ	
Акция «Бессмертный полк русской поэзии»	50
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ	
Набат	52
«В который раз одно и то же...»	53
Красуха	54
Боль	56
Победа	57
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ИВАН ВИНОГРАДОВ	
«Когда над Родиной военный гром...»	58
Клятва	59
Москва идёт на Берлин	60
Здравствуй, Псков!	61
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЕЛЕНА МОРОЗКИНА	
Год 41-й	62
«Ты не с палкою суковатой...»	62
«Эшелон грохотал — на фронт!..»	63
«Мы все, как солдаты...»	64
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. АЛЕКСАНДР ГОРЮНОВ	
«Еще дымились воронки...»	65
Матери	66
«Снаряды падали в поля...»	66
«Пламенеют над Волгой закаты...»	67
Обелиск над Ловатью	68
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА	
«Уходили в бой мужчины...»	69
Бой в пути	70
Медсестра	71
Баллада о солдате	72
Победа — высшая награда	73
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ЛЕВ МАЛЯКОВ	
Мать	74
Присяга	75
У костра	76
Душа горит...	77
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ. НИКОЛАЙ ИВАНОВ	
Отзовитесь!	78
Под стук колёс	79
Страшно ли солдату на войне?	80
Однополчанину	81

ФЕСТИВАЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ «СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ — 2020»

АНДРЕЙ БЕНИАМИНОВ

Словенское поле — 2020. Фестиваль, которого могло не быть 84

АЛЛА КРЕЧМЕР

Словенское поле 88

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЕВА

Солдат 89

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

«С гор Уральских смотрю на Восток...» 90

Айя-София 90

Небесная Россия 91

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

«Осенью поеду на охоту...» 92

«Не дай-то бог, случится...» 93

«Смотрю на первый снег летящий...» 93

«Я не уеду никуда...» 94

АЛЕКСЕЙ ПОЛУБОТА

«Владимирщина. Хмурые холмы...» 95

Песня ополченца 96

«Отчего здесь такие горячие звёзды?!» 96

Бородино 97

ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ

Хилово 98

Ленинградка 99

Рыбка 100

Никандрова пустынь 100

Август 101

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

«От боя до боя не долго...» 102

«Почему нынче вспомнилось мне...» 102

Письмо 103

ИГОРЬ ИСАЕВЪ

«Не дай мне Бог дожить до старости...» 104

«Держи свою боль при себе...» 104

«А ведь нам говорили, что мы — дураки...» 104

«Я тоже из лучших...» 105

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

Ополчение 106

«Есть праздник в середине октября...» 106

«России дух вовек не источится...» 107

Парад Победы XXI век 108

СВЕТЛАНА РАЗМЫСЛОВИЧ

На хлеб и воду... 108

Как-нибудь 109

Родиться здесь... 110

СТАНИСЛАВ АЛЁШИН

Поляница 110

АНАТОЛИЙ АРЕСТОВ	
Битва славян	111
ВИТА ПШЕНИЧНАЯ	
«Доплетают пальчики венки...»	112
Весеннее	112
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ	
«На холодных красных листопада...»	113
ЕКАТЕРИНА СТРЕЛЬНИКОВА	
«Я давно не была у порога родного...»	114
«В тихий ноябрь спущусь с косогора...»	114
Январь-43	115
СЕРГЕЙ ЧУРИКОВ	
Огонь	117
ОКСАНА СОСНИНА	
Псковский подпоручик	118
ВАДИМ АНДРЕЙЧЕНКО	
Тридцать три	119
ЕВГЕНИЙ ПРУДЧЕНКО	
Песня	120
НИНА ВОЛЧЕНКОВА	
Защитникам Шлиссельбурга	121
ЮЛИЯ НОСОВА	
«А Петербургу выпала весна...»	121
АЛЕКСАНДР НАЗАРОВ	
Из цикла «Начало пятидесятых»	122
СВЕТЛАНА ГРУЗДЕВА	
Изборская сторона	123
НИКОЛАЙ РАССАДИН	
К Иоану	124
«Семь ручьёв, семь дней, семь цветов, семь нот...»	124
«Падёт стена, в проломы хлынут гунны...»	125
НИКОЛАЙ ХРИПКОВ	
Легенда о Светлояре	126
ЕЛЕНА ЛУЧНЁВА	
Героям обороны Севастополя 1941-1942	127
ЛАРИСА ЕГОРШИНА	
Невский	128
ЗОЯ ЯРЧАК	
Ворожея Русь	129
ЮРИЙ ИВАНОВ-СКОБАРЬ	
Жизнь	130
АЛЕКСАНДР ОРЛОВ	
«Раскинулась за домом нежно радуга...»	131
«Расписная косынка...»	131

ВАЛЕНТИН ДЕНИСОВ	
«Таился страх в тиши ночной...»	132
Тени прошлого	132
Моонзунд	133
МИХАИЛ ФЕДОСОВ	
Медсанбат	134
ЛЕРА КОЛДУНА	
Молитва	135
День Победы	135
ОЛЬГА ВЕРШИННИНА	
Поисковик	136
Старая тетрадь	136
Их не поднять	137
НИКИТА РЫЖИХ	
«Где голая щербатая луна...»	137
АНДРЕЙ ТЕДДЕР	
«Старику Берендею невмочь...»	138
«Река была намного шире...»	138
ВЛАДИМИР ПАВЛОВ	
За Великие Луки	139
Третья мировая и первая ковидная войны	139
АНЖЕЛИКА ШИМЧУК	
Храмы России	140
МАКСИМ КУЗНЕЦОВ	
Псковитянки	141
АЛЕКСАНДР ЮРИНОВ	
Где течёт вода	142
«Оставлен уже Царицын...»	142
Царь	143
КСЕНИЯ ГИЛЬМАН	
Anna Domini	144
Время китча	145
НАТАЛЬЯ СТРАХОВА-ХЛУДОК	
Белая лилия	146
Моей земле	146
Анна	147
ЮЛИЯ БОРИСОВА	
Себеж	148
СВЕТЛАНА ПРИГОЦКАЯ	
Атака мертвецов	149
МАРИАННА СОЛОМКО	
«Я общаюсь с корнями живыми...»	150
НИКИТА БРАГИН	
Блокадный рейс	151
ТАТЬЯНА ХАЛАЕВА	
Победа	152

ЕЛЕНА БУКУРОВА	
Подвиг подземелья	153
ВАСИЛИЙ КРАСНОВ	
Поединок	154
ПАВЕЛ ВОЛЫНСКИЙ	
Эмигрантский пароход	154
ЮЛИЯ ГОРДЕЕВА	
Родная земля	155
СВЕТЛАНА ЩЕКOTOBA	
Куликово поле. Ковыль. В переплетении времён	156
НАТАЛЬЯ СМЕХАЧЁВА	
Пётр третий	156
МИХАИЛ БОНДАРЕВ	
На Курской дуге	157
ВЕРА ГРИБНИКОВА	
Михайловское	158
АЛЕКСАНДР ЧЖОУ	
«В гимнастёрки вшиты ладанки...»	159
АНАТОЛИЙ ВЕРШИНСКИЙ	
«Место захоронения неизвестно...»	160
Укрепрайон	160
О вреде канцеляризов	161
КСЕНИЯ МОТЫЖЕНКОВА, 12 ЛЕТ	
Необъятная Русь	162
АЛЛА ДАНИЛЕНКО	
У вечного огня...	163
ГЕННАДИЙ МОИСЕЕНКО	
Апокриф	164
«Мой дед остался на войне...»	164
ГЕОРГИЙ РОМАНЮК, 16 ЛЕТ	
Путь	165
СЕРГЕЙ ПОДОЛЬСКИЙ	
Прощальная мазурка	166
Денису Давыдову	166
Строка из тетради	167
АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ	
Земля	168
У старца Николая Гурьянова	169
ЮРИЙ ИШКОВ	
Батальон	170
В моей стране	171
МАРИЯ ПАРАМОНОВА	
«Подсолнухи на синем подоле...»	172
НАТАЛЬЯ ЕФРЕМОВА	
Залесская сказка	173

ГАЛИНА ЩЕРБОВА	
Маша да Иван	174
Животный инстинкт	174
Россия	175
МАРИЯ ЦВЕНЕВА	
«Сверни, изобретая новый курс...»	175
СЕРГЕЙ ГОРШКОВ	
За веру и отечество, господа офицеры!	176
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ	
Деду	177
Тридцать восемь тысяч с половиной	178
Роща памяти	179
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ	
«Сна не хватает, Бог вперемешку...»	180
«Закрyto всё, и двери, и душа...»	180
«Так распустились звёзды, как цветы...»	181
ОЛЬГА ТОБОЛЕНСКАЯ	
Сиреневые сумерки	181
НИНА АФАНАСЬЕВА, 18 ЛЕТ	
Лучик солнца	183
КОНСТАНТИН ТОВЕСКИН, 17 ЛЕТ	
Наша история	183
ИРИНА ЯНЕНСОН	
Псков. Снег на Завеличье	184
ИАНА КОНСТАНТИНОВА	
Лес моих стихов	185
Погода опять...	186
АНДРЕЙ БЕНИАМИНОВ	
«Есть в России места...»	188
«Нынче писать стихи...»	189
Я ещё живой	190
СВЕТ ОБИТЕЛИ	
к 110-летию со дня рождения старца Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина)	
ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ	
Малое паломничество	192
ГАЛИНА ЩЕРБОВА	
Евангелие читают	192
ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ	
«России дух вовек не источится...»	193
ИГОРЬ ИСАЕВЪ	
«Отче наш! Во гневе и любви...»	194
ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЕВА	
Колокола	194
ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА	
Молитва матери	195

АНАТОЛИЙ ВЕРШИНСКИЙ	
Сады	196
АЛЛА КРЕЧМЕР	
Скит	197
ТАТЬЯНА ЛАШУК	
Обернитесь на свет	197
ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН	
Крещение	198
ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ	
Троица	199
МАРИЯ ПАРАМОНОВА	
Баллада о Словенских ключах	199
МАРИАННА СОЛОМКО	
«Сколько бы ни кроили...»	200
СТАНИСЛАВ АЛЁШИН	
Молчальники, моельники	201
ВАДИМ АНДРЕЙЧЕНКО	
Колокола	202
АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ	
Монах Мартирий	203
НИКИТА БРАГИН	
Апокриф	204
ЮЛИЯ ГОРДЕЕВА	
Тотьма	204
МИХАИЛ ПОЛЕВИКОВ	
Цветы вечности	205
ЕВГЕНИЙ ПРУДЧЕНКО	
Владимирская Русь	206
ДМИТРИЙ ЛАГОШИН	
Преподобный Сергей	207
ВИКТОРИЯ КАЛАНЧИНА	
Молитва	207
ТАТЬЯНА ХАЛАЕВА	
Родство	208
СВЕТЛАНА РАЗМЫСЛОВИЧ	
Ксение, Блаженная	209
НАДЕЖДА РЕГЕНТОВА	
«Звездочки рассыпчатой крупю...»	209
ГАЛИНА ШУБНИКОВА	
Молитва	210
ГЛОРИЯ	
«Снимаю шляпу перед Чистой Душой...»	210
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ	
И Николай Чудотворец	211

АЛЕКСАНДР СЕБЕЖАНИН	
Великий пост	212
ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ	
Имена	213
ЕЛЕНА БУКУРОВА	
Обращение к ангелу	213
ЛАРИСА НАЗАРОВА	
Иволгой	214
АНАТОЛИЙ СОРОКИН	
Троицын день	215
ГЕННАДИЙ СИНИЦКИЙ	
Мытарства	215
ВАЛЕНТИНА БОБКО-АЛЕШКЕВИЧ	
Деревне Хоростово	216
СВЕТЛАНА ЩЕКOTOBA	
«Котомка к рубахе, и колос...»	217
ГАЛИНА ПЕХУРОВА	
Святая обитель	218
ФЁДОР БУСЕЛ	
«Дождик идёт, за собою маня...»	219
ВАСИЛИЙ КРАСНОВ	
Троица	219
ОКСАНА СОСНИНА	
Русское воинство	220
ЛИДИЯ ШИШКО	
Есипка или молитва матери	221
АЛЕКСАНДР НАЗАРОВ	
Из «Метафизических сонетов»	222
СВЕТЛАНА ПОЛЕЖАЕВА	
Куличи	222
ВЕРА ГРИБНИКОВА	
Весна	223
НАТАЛЬЯ ШАБЛО	
Твой храм	224
ЕЛЕНА САМКОВА	
Мир	225
ВИКТОРИЯ ЧЕРКАСОВА	
«Их в народе зовут Соловками...»	225
АЛЕКСАНДР ЧЖОУ	
«Грянул гром в небесных хлябях...»	226
МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ	
Родине	227
АНАТОЛИЙ БАЛИЦКИЙ	
Будь пригоден...	227

НИКОЛАЙ ХРИПКОВ	
«Мы будем жить и славить...»	228
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ	
В монастыре	229
ЛАРИСА ЕГОРШИНА	
У излучины Великой	230
АЛЛА ДАНИЛЕНКО	
Покрова	231
ЕЛЕНА ЛУЧНЁВА	
Метанойя	231
СЕРГЕЙ ГОРШКОВ	
Монастырь	232
ЗОЯ ЯРЧАК	
Захолустье	233
ВЛАДИМИР ИВАНОВ	
Расскажи, поэт	234
АНАСТАСИЯ УТКИНА	
Вера	235
ЛЕРА КОЛДУНА	
Молитва	235
АНДРЕЙ ТЕДДЕР	
«А соловью не всё ль равно...»	236
ВИТАЛИЙ ПОПОВ	
Псково-Печерская обитель	237
ЮЛИЯ БОРИСОВА	
«Свечным теплом согрет знакомый лик...»	237
АНЖЕЛИКА ШИМЧУК	
Разговор Успенской церкви с самой собой	238
ВЛАДИМИР ПАВЛОВ	
Торопец	239
ТАМАРА КАНИВЕЦ	
Оправдание	240
СЕРГЕЙ ПОДОЛЬСКИЙ	
Последняя милость	241
ВИТА ПШЕНИЧНАЯ	
«День за днём, за неделей неделя...»	242
ВАСИЛИСА КИРЮШКИНА, 11 ЛЕТ	
Деревня	242
Фестиваль исторической поэзии «Словенское поле» (историческая справка)	243
Фестиваль «Словенское поле» в фотографиях его участников	245

<http://pskovpisatel.ru>

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

история России в стихах современных поэтов

Формат 700x1000 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 17 п. л.

Заказ № 6196

Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовой электронной версии

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»

Россия, 111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

Тел.: (495) 363-48-84 <http://capitalpress.ru>

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

В книге представлены избранные произведения участников литературно-исторического проекта «Чтобы помнили», реализованного в 2020 году Псковским региональным отделением Союза писателей России.

Читатель найдет в ней страницы, посвященные подвигу десантников шестой парашютно-десантной роты сто четвертого гвардейского парашютно-десантного полка семьдесят шестой гвардейской воздушно-десантной дивизии, произведения о Великой Отечественной войне и об иных памятных событиях и датах истории нашей великой Родины.

Отдельными главами представлены стихи псковских поэтов – участников Великой Отечественной войны и подборка духовной лирики, посвященная 110-летию со дня рождения старца Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина).

Произведения, опубликованные в книге, могут быть использованы для проведения уроков духовного и патриотического воспитания молодежи, а также для подготовки и проведения торжественных мероприятий, приуроченных к памятным датам Российской истории.

ISBN 978-5-6044728-8-0

9 785604 472880